

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ семнадцатый.

Н О Я Б Р Ъ .

1886 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Павла Васильевича Чичагова, адъютанта и первого жорского министра. Гл. VII. Сообщ. Л. М. Чичагова	239	IX. Пловненское сѣдѣніе, 1877 г. Очеркъ П. К. Шлягера (Оконч.)	447
II. Записки Александра Михайловича Тургенева. Гл. XI.—XLVIII	259	X. Изъ новейшей исторіи Болгаріи.	475
III. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлова. (Окончаніе).	285	XI. Французъ Листъ и гр. Мих. Юр. Вязьмгорскій въ 1839 г. Сообщ. М. А. Воеводиновъ	485
IV. Воспоминанія Татьяны Петровны Паскевъ. Часть III. Гл. V.	311	XII. Изъ разсказовъ изъ жизни императора Николая I. 1844—1845 гг. Сообщ. П. Давыдовъ	491
V. Жизнь Петровичъ Келеръ, приф. живописецъ. Его автобіографія, 1826—1846. (Окончаніе)	333	XIII. Попечитель спб. округа Мусинъ-Пушкинъ, 1848 г. Сообщ. П. Ф. Радяковскій	495
VI. Московское торговое предпріятіе въ Тифлисѣ, 1846—1854 гг. Сообщ. К. Бухъ	379	XIV. Николай Ивановичъ Пироговъ: 1. Посѣщеніе нѣкъ студенческаго общества въ Москвѣ, 1861 г.— 2. Взглядъ его на земскую медицину. Сообщ. Л. В. Млаининъ и Д. Д. Смышляевъ.	499 и 505
VII. Воспоминанія врача о М. Д. Снобелевѣ, 1850—1861 гг. Сообщ. Ф. Ф. Гедфеллера	391	XV. Матеріалы, замѣтки и стихотв.: П. А. Добролюбовъ (173).—Н. А. Некрасовъ (484).—Патріотическія сочиненія въ 1854 г. (508).—Литературная замѣтка (509).	
VIII. Василій Ивановичъ Водовозовъ: 1. Воспоминанія о немъ В. Р. Щаглевъ.—2. Посвященныхъ его стихотвореній	405	XVI. Библиографическій листочекъ.	

ПРЕДЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Ивана Петровича Келера, гравир. Н. П. Матюшинъ.
II. Портретъ Василія Ивановича Водовозова, гравир. на хѣдѣ О. А. Маркинъ.

Открыта подписка на „РУССКОЮ СТАРИНУ“ изд. 1887 г.

Восемнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Напечатаны и разсылаются новыя книги: Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей (второе собраніе), сорокъ гравюръ. Цѣна пять руб.— Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Обрякова (второе изданіе). Цѣна шесть руб. Подписчики „Русской Старины“ могутъ получить (до 1-го дек. 1886 г.) первую книгу за одинъ рубль и вторую—за два руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1886.

XI-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1886 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ВРАЧА О М. Д. СКОВЕЛЕВѢ

1880—1881 гг.

I.

Въ поведѣльникъ на Свѣтлой недѣлѣ 1880 года я получилъ отъ начальства изъ Тифлиса телеграмму слѣдующаго содержанія: «Пріѣзжайте на курьерскихъ, устраните всѣ препятствія, даже завалы». Я тогда занималъ мѣсто главнаго врача грозненскаго военнаго госпиталя. Сдавъ госпиталь и собравъ необходимыя вещи, я выѣхалъ на другой же день въ полдень. Нигдѣ не отдыхая ни минуты, я проскакалъ черезъ Владикавказъ ночью и остановился только на нѣсколько часовъ на первой станціи военно-грузинской дороги. Я ничего не зналъ о завалахъ въ горахъ и другихъ препятствіяхъ пути, о которыхъ телеграфъ успѣлъ извѣстить Владикавказъ и всю Россію. Рано утромъ, радуясь, что станція пуста и, сверхъ ожиданія, никакой задержки не представляется, я сѣлъ на тройку и прибылъ на слѣдующую станцію Ларсъ. Здѣсь ожидало разочарованіе. Содержатель станціи доложилъ мнѣ, что доѣхать до третьей станціи нельзя по причинѣ землянаго обвала, и что еще выше на перевалѣ дорога завалена громадною снѣжной лавиной. Я все-таки спросилъ лошадей и опытнаго ямщика, и безъ особыхъ препятствій доѣхалъ я до половины станціи. Но здѣсь, за мостомъ, все шоссе было завалено грудами камней и земли. Ямщикъ отправился за верховыми лошадьми въ какой-то не видный въ туманѣ аулъ, оставивъ меня на телѣжкѣ. Черезъ полчаса привели двухъ тощикъ осѣдланнхъ лошадей. Я сѣлъ на одну изъ нихъ, а на другую взобрался деньщикъ съ чемоданомъ впереди. Вслѣдъ за проводникомъ-горцемъ мы перебрались на правую сторону оврага и по старой дорогѣ достигли Казбека. Отсюда

до Коби шоссе было свободно. Безъ отдыха мы проѣхали это разстояніе по-курьерски. Смотритель станціи Коби былъ крайне удивленъ и обрадованъ, увидѣвъ, послѣ нѣсколькихъ дней одиночнаго заключенія, челоуѣка. Онъ предостерегалъ меня отъ всякой попытки отправиться далѣе, въ Годоуръ, въ виду того, что, начиная уже со второй версты отъ станціи, дорога скрыта подъ снѣжнымъ заваломъ, доходящимъ до высоты дома. Нечего было дѣлать, я подчинился своей судьбѣ и, подкрѣпившись закуской, обратился къ обычному спутнику моему, англійской книгѣ. Вдругъ вижу работниковъ, идущихъ съ Годоура, и слышу, что нѣкоторые изъ нихъ собираются на слѣдующій же день идти обратно туда же, гдѣ многія сотни рабочихъ за хорошую плату заняты раскопкою дороги отъ снѣжнаго завала. Если эти люди рискуютъ за деньги, то я могъ сдѣлать то же самое ради чести. Я нанялъ ихъ въ проводники. Они просили только, чтобы мы пустились въ путь въ сумерки, такъ какъ днемъ поверхность снѣжнаго пласта разрыхляется и подтаиваетъ отъ палящаго солнца, и опасность провалиться на нѣсколько сажень подъ лавину уменьшается только ночью, когда свѣтъ твердѣетъ. Мы вышли въ два часа утра и стали перебираться черезъ снѣжный перевалъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шель рабочій, потомъ я, послѣ меня рабочій съ чемоданомъ, потомъ мой деньщикъ, а за нимъ опять рабочій. Веревкоуъ, крючкочъ или палочъ, какъ бываетъ у швейцарскихъ или тирольскихъ проводниковъ, съ ними не было. Тяжело было въ военномъ мундирѣ и теплому пальто, въ военныхъ галошахъ, тащиться по узкимъ тропинкамъ. Далекю подъ ногами скрывались въ снѣгу телеграфныя проволоки. Надъ нами высились крутыя голыя скалы и обрывы горъ. Кругомъ все бѣло, воздухъ холодный и рѣдкій, дыханіе учащалось и стѣснялось. Приходилось непрерывно останавливаться для передышки, но всякая остановка вызывала протестъ проводниковъ: «скорѣе и скорѣе впередъ, чтобы успѣть перебраться черезъ снѣжную лавину до восхода солнца». Тяжело дыша, грузно передвигая ноги, мы шли далѣе. Крупныя капли пота падали со лба. Иногда подъемъ былъ такъ крутъ, что можно было взбираться только при помощи рукъ. Вдругъ, изъ разсѣлины горъ, показались первые лучи ранняго солнца. Скоро разсѣялась ночная тѣнь и вся снѣжная лавина ярко заблистала. Мы удвоили усилія, но съ каждымъ шагомъ стали замѣчать, какъ снѣжная кора все болѣе и болѣе утрачивала свою упругость. Ноги наши вязли все чаще и глубже. То одинъ, то другой изъ насъ проваливался по колѣню въ снѣжную массу и требовалъ помощи. Проводники понукали къ возможной поспѣшности:

«еще немного усилий, увѣряли они, и мы спасены». Уже послѣднія силы наши, казалось, истощились, какъ вдругъ—небольшой спускъ, потомъ поворотъ вправо и мы очутились у каменнаго моста,—мы были у цѣли. У моста кончался заваль. Рабочіе бросили на землю чемоданъ, шубу, лопатки и, опираясь о перила моста, сказали: «теперь, баринъ, ты можешь отдыхать, сколько хочешь. Можешь ѣсть и пить, и намъ что-нибудь дашь». Какъ этотъ отдыхъ былъ сладокъ, какъ вкусно мы закусили!...

Остатокъ пути до станціи не представлялъ уже никакой опасности. Сначала мы шли по каменистому грунту, прикрытому слабымъ слоемъ тающаго снѣга, а потомъ по разчищенному уже шоссе между высокихъ снѣжныхъ стѣнокъ, около которыхъ копошились сотни рабочихъ рукъ. Въ Годатурѣ я не хотѣлъ отдыхать и, взявъ свѣжую тройку, безпрепятственно доскакалъ до станціи Млеты. На южномъ склонѣ горъ уже снѣга не было,—все въ зелени и въ цвѣтахъ; по обѣ стороны дороги съ высотъ струились прозрачныя ручейки снѣжной воды. Тутъ уже ни земляные, ни снѣжные обвалы не преграждали пути.

Въ красивомъ Млетѣ меня встрѣтило извѣстіе, что дальше ѣхать нельзя, потому что шоссе передъ Пассанауромъ залито водою. Я все-таки не хотѣлъ уступить. Ни лавина, ни земляной обвалъ не задержали, надо и воду одолѣть. Я только обѣщалъ лошадей и ямщика не подвергать опасности и возвратитъ ихъ, если дальше ѣхать нельзя. Мы пустились по этой хорошо устроенной и хорошо содержимой дорогѣ. Благодаря талию снѣга въ горахъ, дорога эта теперь непрерывно пересѣкалась быстрыми потоками воды. Мы переѣхали маленький, потомъ большой ручей и, наконецъ, цѣлый водопадъ. Слѣдующій горный потокъ, вылившійся съ горъ черезъ дорогу, былъ такой быстрый, что тройка съ трудомъ тащила пустую телѣгу, а мы шли пѣшкомъ по рѣкѣ выше до мельницы, гдѣ по доскамъ и камнямъ переправились черезъ нее. Еще 2—3 версты проѣхали хорошо. Передъ слѣдующимъ горнымъ водопадомъ ямщикъ объявилъ, что переѣздъ невозможенъ, и былъ отправленъ назадъ. Какой-то геркулесъ, въ образѣ мѣстнаго жителя, сначала перенесъ меня, потомъ деньщика и, наконецъ, несчастный чемоданъ, и провожалъ меня дальше. Пришлось идти въ бродѣ, прыгать по камнямъ, но мы шли охотно и радовались потомъ успѣхамъ.

Недалеко отъ Пассанаура съ обрыва неслась широкая, быстрая рѣка. На томъ берегу мы видѣли множество людей: дамы, офицеры, задержанные въ пути, инженеры и рабочіе, которые защищали берегъ

отъ наводненія. Они послали ко мнѣ еще трехъ человекъ въ помощь къ моимъ двумъ. Самый сильный изъ нихъ взялъ меня на плечи, двое поддерживали съ обѣихъ сторонъ, а остальные шли впереди и сзади. Съ противоположнаго берега протянули къ намъ длинные шесты, затѣмъ радушныя руки схватили и вытащили насъ на берегъ, гдѣ встрѣтило насъ дружное «ура»! Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы: «откуда вы? Развѣ переходъ черезъ горы уже возможенъ?» Любопытство это было вполнѣ понятно: всѣ эти путешественники были задержаны въ Пассанаурѣ и нетерпѣливо ждали возможности переѣхать черезъ Кавказскій хребетъ. Триумфально ввели меня въ Пассанауръ, угощали и просили рассказать о моемъ пути. Я хотѣлъ ѣхать далѣе, но встрѣтилъ серьезный протестъ со стороны инженера дистанціи. Часть шоссе была оторвана водою, ѣхать было опасно, тѣмъ болѣе, что уже вечеръ приближался. Инженеръ общалъ до слѣдующаго дня сдѣлать новую дорогу, повыше разрушенной, и общалъ самъ заѣхать и проводить меня до безопасной дороги. Что дѣлать? Остался и гостилъ первый разъ послѣ двухъ сутокъ. Въ 11 часовъ утра инженеръ пришелъ. Мы отправились на ново-вырубленную дорогу и оттуда я доѣхалъ, уже безъ особыхъ препятствій, до Тифлиса.

Тамъ я нашелъ Скобелева, который назначенъ былъ временно-командующимъ войсками ахаль-текинскаго отряда. Я засталъ Скобелева въ совѣщаніи съ помощникомъ намѣстника, княземъ Меликовымъ. Мнѣ предложили должность отряднаго врача. Это переворачивало всѣ мои планы и семейные расчеты, но въ службѣ нельзя признать отказа. Я представился генералу Скобелеву. Молодой герой и на меня, какъ на всѣхъ, произвелъ сильное впечатлѣніе; гораздо охотнѣе, нежели думалъ, вступилъ я въ разговоръ о походѣ. Въ заключеніе Михаилъ Дмитриевичъ объявилъ: «завтра отправляюсь въ Владикавказъ, черезъ недѣлю надѣюсь быть въ Закавказскомъ краѣ».

— Завтра? спросилъ я съ удивленіемъ; завтра невозможно; дорога еще не открыта. Вамъ нельзя ѣхать.

— «Вы все-таки пріѣхали?» перебилъ онъ.

— Да, но я пѣшкомъ шолъ, въ бродъ переходилъ рѣки.

— «Что вы могли, то и я могу!» вскричалъ молодой генералъ и полу-шутя, полу-серьезно посмотрѣлъ на меня.

Самъ не знаю, какъ это случилось, что я молодому герою не довѣрилъ и заподозрилъ, чтобы онъ въ состояніи былъ перенести тѣ самыя чрезвычайныя физическія тягости, которыя я самъ только что

перенесъ. Въ этомъ сомнѣніи, очевидно, сказалось невольно сложившееся заключеніе, созданное подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на меня Скобелевымъ, какъ на врача. Должно быть, я не довѣрялъ, чтобы эта странная, элегантная фигура, этотъ чело-вѣкъ съ аристократическою виѣшностью и съ прекрасными, но все-таки уже поблекшими, потертыми жизнью чертами лица, могъ находить въ себѣ силы и выносливость, достаточныя, чтобы совершить рискованный, утомительный, прозаическій, вовсе не эффектный переходъ черезъ рѣки, горы и снѣга. Слѣдовательно, Михаилъ Дмитріевичъ мнѣ, какъ врачу, не дѣлалъ впечатлѣнія сильнаго организма, онъ не отвѣчалъ идеалу здоровья, крѣпости и выносливости натуры. Мысль эта долго занимала меня. Я старался уяснить себѣ причину, какъ могъ я, при первомъ свиданіи храброму и мною уважаемому генералу высказать такое, почти обидное, сомнѣніе въ его силѣ и энергіи. Правда, что я представлялъ себѣ молодаго героя совершенно иначе: болѣе плотнымъ, суровымъ и воинственнымъ. Но внезапно составившееся во мнѣ сомнѣніе, въ крѣпости организаціи Скобелева и его способности переносить большіе труды и продолжительныя тягости, вполнѣ оправдалось потомъ во время экспедиціи его частыми заболѣваніями и, къ сожалѣнію, его раннею смертію. Я вовсе не хочу сказать (даже допустить), что все это сложилось въ самомъ началѣ моего знакомства со Скобелевымъ и было также ясно и понятно мнѣ, какъ теперь. Но фактъ приведеннаго разговора существуетъ и о немъ, можетъ быть, помнить черногорець докторъ Гвозденовичъ, жившій со Скобелевымъ въ гостинницѣ «Лондонъ», въ Тифлисѣ.

II.

7-го августа 1880 года я прїѣхалъ въ Закаспійскій край въ сопровожденіи доктора Яшина, секретаря канцеляріи отряднаго врача. Скобелева мы не нашли ни въ Красноводскѣ, ни въ Чикишлярѣ. Я, осмотрѣвъ госпитали и выработавъ докладъ о причинахъ болѣзненности между войсками отряда, 12-го августа выступилъ съ оказіей изъ Чикишляра по атрекской линіи. Первый ночлегъ былъ въ крѣпости Кара-Джа-Батырь, второй—въ Ягли-Олумѣ. Я нашелъ эту военную дорогу уже хорошо организованною, прїемные покои въ порядкѣ, только эвакуація больныхъ на арбахъ мнѣ показалась неудовлетворительною и была предметомъ одного изъ моихъ первыхъ рапортовъ командующему войсками. Скобелевъ телеграфировалъ изъ Терса-Канъ въ Оглы-Олумъ ждать его тамъ, потому что онъ уже на обратномъ пути. Ночью въ два часа онъ прискакалъ, окруженный казачьимъ конвоемъ. Пока онъ закусывалъ, мы сидѣли съ нимъ въ кибиткѣ и говорили о дѣлѣ, между тѣмъ, онъ нѣсколько разъ прерывалъ разговоръ, спрашивая у меня:

— «Что говорятъ на Кавказѣ о нашей рекогносцировкѣ, 6-го іюля, до стѣнъ Геокъ-Тепе? что говорятъ въ Тифлисѣ? что сказалъ великій князь?»

Я не могъ удовлетворить его, такъ какъ прїѣхалъ не изъ Тифлиса, но отвѣчалъ, что военные, съ которыми я встрѣтился въ пути, называли эту рекогносцировку очень рискованнымъ дѣломъ, которая, слава Богу, счастливо обошлась. Послѣ часу отдыха, Скобелевъ смѣнилъ лошадь, поскакалъ въ Чикишляръ, куда и я долженъ былъ возвратиться вслѣдъ за нимъ.

Этотъ разъ я нашелъ Михаила Дмитріевича загорѣлымъ и болѣе мужественнаго вида. Уже одна полевая форма и высокіе сапоги увеличивали воинственное впечатлѣніе, по меня поражала его нервная раздражительность и поспѣшность, съ которою онъ говорилъ, спрашивалъ, ѣлъ, пилъ и собирался къ отъѣзду. Прїѣхавши въ Чикишляръ, я нашелъ Михаила Дмитріевича въ постели. Вслѣдствіе усиленной верховой ѣзды у него появилось сильное геморроидальное кровотеченіе. Генералъ пролежалъ семь дней въ постели, отчасти по причинѣ общей слабости, отчасти изъ осторожности, чтобы не вызвать новое кровотеченіе. Наружное и внутреннее употребленіе льда

и желѣзные препараты достигли мало-по-малу устранения патологическихъ явленій.

При этомъ случаѣ я первый разъ изслѣдовалъ Скобелева, какъ врачъ. Онъ былъ высокаго роста, стройнаго тѣлосложенія; скелетъ скорѣе мелкій, чѣмъ крупный, широта плечъ не особенно развита (что при погонахъ или эполетахъ не такъ бросалось въ глаза). Мускулатура не такъ была сильно развита, какъ это бываетъ у людей, занимающихся съ малолѣтства фехтованіемъ, гимнастикой, верховой ѣздой и т. д. Я удивился, что *musculi biceps et deltoideus* — относительно мало выдавались. Лицо, десны и соединительная оболочка глазъ были блѣдны; кожа суховатая, желтовато-бѣлаго цвѣта, мало обросшая волосами. Онъ показалъ мнѣ два незначительнаго объема рубца, на правомъ боку и на бедрѣ, которые остались послѣ раненій въ Туркестанѣ и на Дунаѣ. Онъ пояснилъ, что объ этихъ раненіяхъ, какъ неважныхъ, онъ не заявлялъ и вообще не любилъ о нихъ говорить. Вотъ какимъ образомъ могло установиться мнѣніе, что онъ никогда не бывалъ раненъ. Подкожный жировой слой у него почти не существовалъ. Животъ былъ нѣсколько втянутъ, печень, въ особенности лѣвый лоскутъ печени, представлялся увеличеннымъ и при надавленіи немного чувствителенъ. Черепъ у Михаила Дмитріевича былъ замѣчательно регулярнаго овала; лобные бугры выдавались; голова была покрыта густыми волосами темно-русаго цвѣта; борода также густая, но свѣтлѣе волосъ головы. Глаза, которые *m-me Adan* и г-нъ Немировичъ-Данченко описываютъ голубыми, имѣли перемѣнный цвѣтъ: свѣтло-коричневаго или желтоватаго оттѣнка. Радужница (*Iris*) около зрачка обрисовывалась темнѣе.

Если генералъ сердился, то изъ глазъ сверкали фосфорическія искры, и онѣ получали зеленый видъ, «какъ у тигра», говорилъ часто одинъ изъ преданныхъ ему офицеровъ. Когда онъ былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа, то взглядъ принималъ очень мягкое выраженіе и подъ тѣнью темныхъ и длинныхъ рѣсницъ могъ производить впечатлѣніе темно-сѣраго цвѣта. Когда Михаилъ Дмитріевичъ былъ боленъ и въ упадкѣ духа, лежалъ иногда съ полукрѣпкими и безжизненными глазами, въ такія минуты лицо его принимало тотъ видъ, который представляла потомъ снятая съ него посмертная маска.

Во время болѣзни въ Чикишларѣ аппетитъ у него былъ уменьшенный, пищевареніе замедленное. Оказалось, что Скобелевъ уже годами употреблялъ слабительное, и что еще со времени туркестанскаго пребыванія періодически страдалъ печенью и желудкомъ. Дыхательные органы, напротивъ, были удивительно здоровые и везикуляр-

ное дыханіе происходило у него такъ, какъ будто онъ никогда не страдалъ катарромъ.

Кромѣ расширенія гемороидалныхъ венъ, онъ страдалъ также расширеніемъ венъ сѣмяннаго канатика (*varicoscele*), отъ котораго уже въ 19-ти-лѣтнемъ возрастѣ лечилъ его извѣстный въ Петербургѣ врачъ Б. Сравнительно съ ростомъ и лѣтами, пульсъ у Скобелева былъ слабовать и мелкій и соотвѣтственно тому дѣятельность сердца слаба, и звуки сердца, хотя и чистые, но глухіе. Этотъ результатъ аускультаци и пальпаци, состояніе всѣхъ венъ и артерій, насколько они доступны наружному осмотру, вмѣстѣ съ патологическимъ состояніемъ венъ, дали мнѣ основаніе заключить о слабо развитой сосудистой системѣ вообще и въ особенности о слабой мускулатурѣ сердца. Я считалъ своею обязанностью не скрывать передъ Михаиломъ Дмитриевичемъ своего заключенія, остерегалъ его отъ усиленной верховой ѣзды и обратилъ его вниманіе на то, что его тѣлосложеніе болѣе деликатное, нежели крѣпкое.

Въ разговорѣ я себѣ позволилъ спросить:

— Отчего вы вообще такъ много ѣздили, по 120 верстъ въ день и три дня подрядъ, когда никакой надобности въ томъ не было?

Молодому герою показалось смѣшно, что ему могли задать такой вопросъ.

— Хотя дѣло не идетъ ни о жизни, ни о побѣдѣ, но все-таки ежеминутно слѣдуетъ показать и себѣ и другимъ, что мы въ состояніи перенести, отвѣтилъ онъ.

— На этотъ разъ вы себѣ и мнѣ доказали противное. У васъ сдѣлалось сильное кровотеченіе, вы лежите и едва въ состояніи заниматься, а отъ вашего здоровья зависитъ слишкомъ много.—судьба экспедиціи и насъ всѣхъ. Вамъ слѣдуетъ избѣгать всего, что можетъ вредить вашему здоровью. *Du reste votre organisme est plutôt délicat que vigoureux. Vous n'êtes nullement aussi fort, que vous supposez.* (Впрочемъ, вашъ организмъ скорѣе нѣжный, нежели крѣпкій, вы не такъ сильны, какъ вы предполагаете).

При этихъ словахъ, еще за минуту передъ тѣмъ чуть не замертво лежавшій, Скобелевъ разомъ вскинулся и, обратившись ко мнѣ, метнулъ одинъ изъ тѣхъ своихъ взглядовъ, которые искрили его глаза зеленоватымъ цвѣтомъ. На мгновеніе вся усталость исчезла съ его лица:

— *Je suis d'une très grande force, j'ai bien supporté des fatigues extraordinaires.* (Я замѣчательно сильный, я перенесъ необыкновенныя тагости).

— *Oui, mon général, à force d'énergie morale et pourtant pas impu-*

попен⁴. (Да, ваше превосходительство, благодаря нравственной энергии, и то не совсѣмъ безнаказанно) ¹⁾.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы. Тамъ у насъ всегда была тысяча и одна; кромѣ нашего главнаго дѣла, намъ представлялся благопріятный предметъ для обмѣна мыслей: и Петербургъ, и Европа, и политика, и литература, и даже древніе классики. Въ концѣ описаннаго свиданія, Михаилъ Дмитріевичъ, возвращаясь опять къ началу нашей бесѣды, сказалъ на прощанье:

— Что касается верховой ѣзды, то не вмѣшивайтесь въ нее никогда, если мы должны оставаться друзьями.

Послѣ перенесенія главной квартиры изъ Чикишляра въ Красноводскъ, мнѣ все-таки удалось регулировать образъ жизни Михаила Дмитріевича, и въ этотъ болѣе спокойный періодъ времени онъ согласился соблюдать извѣстныя правила и допускать до нѣкоторой степени мое вмѣшательство. Было необходимо что нибудь сдѣлать, потому что пищевареніе у него было замедленное, неправильное, языкъ былъ рѣдко совсѣмъ чистъ, очень часто послѣ обѣда являлось давленіе подъ ложечкой и даже тошнота. Всякій разъ, когда появлялись эти припадки, у Михаила Дмитріевича обнаруживался упадокъ духа, онъ становился раздражителенъ и хандрить. Верховую ѣзду онъ бросилъ совсѣмъ, сидѣлъ, писалъ, диктовалъ и читалъ по цѣлымъ днямъ. Онъ, такъ сказать, голодалъ до 5—6 часовъ, а за обѣдомъ ѣлъ на цѣлые сутки—и слишкомъ скоро, и слишкомъ много; особенно онъ услаждался закускою. Такой образъ жизни я не могъ, понятно, оправдывать. Я просилъ генерала дѣлать прогулки, хотя изрѣдка ѣздить верхомъ и уговаривалъ его ходить во время диктовки, а не сидѣть. Я предлагалъ ему, кромѣ обѣда, назначать еще завтракъ, хотя бы самый незначительный. Потребовавъ, чтобы мнѣ ежедневно показывали шепи, я велѣлъ прибавить овощей, фрукты, желе, къ постному мясу и уменьшить соленыя и праныя блюда. Сидя за однимъ столомъ рядомъ со Скобелевымъ, я самъ наливалъ ему вино въ умѣренномъ количествѣ и воздерживалъ его отъ неумѣреннаго потребленія льда.

Скобелевъ, страдая постоянно жаждой, пилъ много сельтерской и содовой воды, лимонадъ и предпочиталъ шампанское всѣмъ другимъ напиткамъ. Этимъ питьемъ, содержащимъ углекислоту, онъ поддерживалъ искусственнымъ образомъ желудочный катарръ и ненормаль-

¹⁾ Смотри, впрочемъ, его собственный взглядъ на этотъ примѣръ въ его приказѣ по 4 армейскому корпусу (1881—1882 г.) № 16: „извѣстно, что на войнѣ нравственный элементъ относится къ физическому, какъ 3 1^а, и т. д.

ную жажду, вызывавшую позывъ опять къ тѣмъ же напиткамъ. Онъ самъ не отвергалъ, что прежде иногда крѣпко кутилъ. Но я свидѣтелемъ, что Скобелевъ, во время экспедиціи, къ водкѣ не прикасался и пилъ вино весьма умѣренно. Не мѣшаетъ добавить, что Скобелевъ не курилъ и не игралъ въ карты. Его привычки были эстетическіе; относительно одежды, бѣлья и тѣла онъ соблюдалъ чрезвычайную чистоту и опрятность. Въ этомъ отношеніи самый взыскательный гигиенистъ могъ быть доволенъ Михаиломъ Дмитриевичемъ; но его дѣта и образъ питанія, какъ уже сказано, были противъ всѣхъ правилъ гигиены. Или онъ ѣлъ разъ въ сутки—и тогда слишкомъ скоро и слишкомъ много, или нѣсколько дней вовсе не ѣлъ, а потомъ вдругъ опять начиналъ съ жадностью ѣсть все, что ни попало. Его пристрастіе къ неудобоваримой пищѣ и къ шампанскому было крайне вредно, но неискоренимо.

Когда я предлагалъ ему для завтрака, по крайней мѣрѣ, мясное блюдо и рюмку хересу или мадеры, Скобелевъ возражалъ, что ни того, ни другаго вина онъ не любитъ. Я предлагалъ портвейнъ, капвейнъ, малагу, токайское, онъ на все отрицательно качалъ головою.

— Du vieux Magon, qu Lafitte, du Lagose?

— Je ne prends pas de vin rouge. (Я не пью красное вино).

— Можетъ быть рюмку стараго рейнвейна; это оживляетъ пищевареніе и вызываетъ аппетитъ?

— Не хочу, это кисло, я люблю только шампанское.

Такъ я вынужденъ былъ согласиться, чтобы на завтракъ ему подавали бифштексъ или кусокъ сырой ветчины съ бокаломъ шампанскаго. Только этой уступкой я выговорилъ болѣе равномерное потребленіе пищи.

Впрочемъ, въ заключеніе подобныхъ отговорокъ, и какъ-то сказалъ, шутя, генералу:

— Кто достигъ 40 лѣтъ и еще не знаетъ что переносить его организмъ и что ему вредно, тому нельзя помочь.

Михаилъ Дмитриевичъ захохоталъ и отвѣчалъ:

— Это самое говорилъ императору Вильгельму его лейбъ-медикъ докторъ Лауеръ; только онъ говорилъ о 80 лѣтахъ, а вы о 40!

Режимъ этотъ оказался очень удачнымъ и за все время, что я зналъ Скобелева, онъ никогда не былъ такъ здоровъ и доволенъ, какъ въ эти 5 недѣль, проведенныя въ Красноводскѣ.

По поводу эвакуаціи больныхъ и приспособленія къ этой цѣли казеннаго парохода Насръ-Эддинъ-Шахъ, я уѣхалъ на нѣсколько дней въ Баку, гдѣ имѣлъ дѣло съ адмираломъ Свинкинымъ, интелли-

гентнымъ и предупредительнымъ человѣкомъ. Послѣ трехъ или четырехъ-дневнаго отсутствія, возвратившись въ Красноводскъ, я поспѣшилъ въ кабинетъ Михаила Дмитриевича справиться о его здоровьи.

— Не спрашивайте, отвѣчалъ онъ:—я такая обезьяна, что, пользуясь вашимъ отсутствіемъ, ѣлъ и пилъ все, что вы мнѣ запретили, а теперь я опять боленъ.

И дѣйствительно, у него опять лицо было желтое и усталое, пищевареніе опять неправильное. Мы возобновили прежнюю діету и лечение. Для избѣжанія углекислыхъ напитковъ, мы обращались къ употребленію эссентукскихъ лепешекъ, мятныхъ и др. лепешекъ, которыхъ генералъ во все время экспедиціи истреблялъ въ невѣроятномъ количествѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ укрѣпленіи Дузь-Олумъ Скобелевъ началъ опять хворать. Недоставало ежедневнаго морскаго купанья, которымъ онъ пользовался въ Красноводскѣ и Чикишларѣ; меню изо дня въ день становилось однообразнѣе, аппетитъ у него уменьшился; въ этому прибавилось еще его нетерпѣніе, которое росло съ каждой недѣлей, съ каждымъ днемъ.

Доставка боевыхъ припасовъ и провіанта, окончаніе желѣзной дороги, перевозка войскъ съ западнаго берега не такъ быстро совершались, какъ онъ желалъ. Кромѣ того, осенніе дожди стали частенько падать и превратили глиняный грунтъ нашей стоянки въ мягкую скользкую массу. У Скобелева расположеніе духа и нравственныя впечатлѣнія всегда дѣйствовали на нервную систему и на пищевареніе, и наоборотъ.

Опять появилось давленіе въ правой подреберной области, тошнота послѣ кушанья; я опять могъ констатировать, что лѣвый лоскутъ печени увеличенъ и давилъ на желудокъ, когда тотъ выполнялся и начиналъ работу пищеваренія. Въ дополненіе внутренняго лекарства, я посоветовалъ согрѣвающие компрессы на область печени. Послѣ этого Михаилъ Дмитриевичъ чувствовалъ значительное облегченіе. Но когда онъ узналъ, что эту процедуру придется продѣлывать нѣсколько дней, можетъ быть даже нѣсколько недѣль, онъ закричалъ:

— Вы меня не знаете, если вы предполагаете, что я соглашусь каждый вечеръ подвергаться одной и той же мѣрѣ! Выдумайте чтонибудь другое.

Тогда я помазалъ ему область печени *tinctura jodi*. Когда іодъ сталъ щипать и жечь, то Скобелевъ остался очень доволенъ, говорилъ, что это средство хорошее, что дѣйствіе его сейчасъ замѣтно и просилъ побольше намазать. Я строго запретилъ повтореніе этого средства въ мое отсутствіе и общалъ на слѣдующее утро зайти и

узнать объ успѣхѣ. Не успѣли наступить сумерки, какъ Михаилъ Дмитріевичъ входитъ ко мнѣ въ кибитку. Голосъ у него слабъ и дыханіе какъ-то прерывисто.

— Докторъ, сказалъ онъ, — помогите, я опять сдѣлалъ глупость: вопреки вашему распоряженію, я велѣлъ себя еще разъ хорошенько намазать іодомъ, но теперь у меня невыносимая боль.

Мы пошли къ нему. При осмотрѣ я нашелъ намазанное мѣсто темно коричневаго цвѣта, пропитанное іодомъ, а кругомъ кожу ярко красную, воспаленную, чувствительную. Я велѣлъ поскорѣе обмыть іодъ тепловатою мыльною водою, потомъ налить миндальное масло и прикрылъ все обожженное мѣсто ватою отъ доступа воздуха. При этомъ больной лежалъ въ горизонтальномъ положеніи, судорожныя стягиванія пальцевъ и лицевыхъ мышцъ показывали жестокость боли, конечности у него стали холодѣть, лицо блѣднѣло и я вторично могъ констатировать ненормальную чувствительность периферической и центральной нервной системы. Уже одно прикосновеніе тепловатой воды, обмываніе излишняго іода, изолированіе воздуха уменьшили боль до нѣкоторой степени; но я сидѣлъ до полуночи у постели пациента, который послѣ припадка лежалъ блѣдный и изнуренный, съ закрытыми глазами, и въ первый разъ вызвалъ у меня какъ бы призракъ умершаго.

На слѣдующее утро, послѣ глубокаго сна, Скобелевъ всталъ бодрый и веселый, его экстренное и самовольное леченіе видимо имѣло хорошее вліяніе на печень. Впрочемъ, у него была такая эластическая натура, что отъ всѣхъ впечатлѣній онъ весьма быстро поправлялся. Но этотъ успѣхъ форсированнаго леченія только подлил масла въ огонь. Скобелевъ соглашался въ теоріи съ моими гигиеническими совѣтами, а на практикѣ знать ихъ не хотѣлъ.

— Такія предписанія, регулирующія всю жизнь, деморализируютъ меня какъ военнаго. Я хочу жить такъ, какъ мнѣ угодно и какъ придется, а если заболѣю, дадите лекарство, чтобъ я или разомъ выздоровѣлъ, или же издохъ.

На такія героическія средства я, конечно, не соглашался, и не переставалъ убѣждать, требуя раціональнаго образа жизни и говоря ему, что человѣкъ не долженъ форсировать натуру и обязанъ не только признавать общіе фізіологическіе законы, но и сообразоваться съ предѣлами своихъ собственныхъ физическихъ силъ, своей выносливости. Я и теперь убѣжденъ въ справедливости моихъ совѣтовъ и увѣренъ, что при такомъ режимѣ Скобелевъ могъ бы жить до сихъ поръ. Но случилось иначе, наши отношенія нѣсколько охолодѣли. Скобелевъ сталъ иногда добывать для себя слабительныя и другія

лекарства черезъ другихъ врачей. Смѣшно было только то, что нерѣдко эти врачи брали эти снадобья все-таки у меня.

III.

27-го февраля 1881 года мы имѣли нашу послѣднюю частную и конфиденціальную бесѣду. Она происходила на персидской территоріи. Между другими, совсѣмъ частными, разговорами я убѣдительно просилъ генерала, когда онъ только будетъ свободенъ, пользоваться серьезно минеральными водами. Я совѣтовалъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, подвергнуться консультаціи, для чего я его снабдилъ исторіей болѣзни и письмомъ къ петербургскому знаменитому врачу. Съ своей стороны, я предлагалъ ему эссенуевскія воды, которыхъ источникъ № 17 отвѣчалъ бы вполне состоянію его желудка и печени, и совѣтовалъ потомъ отдохнуть въ Кисловодскѣ отъ тягостей похода.

— Ба, тамъ скучно!

— Если хотите, вы можете ѣхать въ Карлсбадъ, отвѣчалъ я.

Но онъ возразилъ:

— Прежде всего ѣду въ Парижъ, мнѣ надо освѣжиться послѣ этой скуки. Нельзя-ли потомъ выбрать французскія минеральныя воды.

Я указалъ на возможность пить воды въ Виши и потомъ купаться въ морѣ, близъ Біарица. Это уже болѣе нравилось молодому генералу, но все-таки видно было, что онъ не очень серьезно думалъ о своемъ леченіи.

— Не поступите, сказалъ я, — какъ царь Фараонъ, который сейчасъ же забылъ 10 казней, когда онѣ прошли; сдѣлайте что-нибудь серьезное для вашего здоровья. Вы еще въ лѣтахъ, когда болѣзни выльчиваются.

Не помню, при этомъ случаѣ или ранѣе онъ говорилъ мнѣ:

— Вы слишкомъ теоретически, слишкомъ систематически поступаете, вы все хотите рассчитать на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ.

Скобелевъ не исполнилъ ни одной мѣры изъ тѣхъ, которыя я совѣтовалъ; не лечился минеральными водами, отдыхомъ не пользовался. То возбужденіе и разстройство нервной системы, которыя остаются послѣ войны у каждаго, даже далеко не такъ тонко организованнаго человѣка, какъ Скобелевъ, онъ хотѣлъ побѣдить постоянными переѣздами, работою, рѣчами и кутежами. Онъ только увеличивалъ это разстройство и этимъ путемъ изнурилъ слишкомъ рано свой организмъ, и безъ того не очень выносливый.

Правда, что для него и его памяти лучше, что все это кончилось смертью, а не параличемъ или патологическимъ состояніемъ нервовъ, какъ я иногда боялся. Но для меня, какъ врача и его знакомаго, остается вѣчное скорбное сознаніе, что катастрофа была бы предотвращена, если бы въ его слишкомъ бурной и подвижной жизни явился успокоительный элементъ и регуляторъ, въ видѣ семейства или врача-друга.

О. Ф. Гейфельдеръ,
докторъ-медицины.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1887 г.

АПРѢЛЬ.—МАЙ.—ІЮНЬ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1887.

ВОСПОМИНАНІЯ ВРАЧА О М. Д. СКОБЕЛЕВѢ

1880—1881 гг.

II ¹⁾.

Мы уже упомянули, что Скобелевъ былъ тяжелый пациентъ для своихъ врачей и что онъ нерѣдко болѣлъ во время кампаніи ²⁾. Но съ другой стороны и его смѣлость и неосторожность не мало тревожили его друзей, и въ особенности беспокоили тѣхъ, которые считали себя болѣе или менѣе ответственными за его здоровье и благополучіе. Онъ не зналъ никакой осторожности, не избѣгалъ никакой опасности, напротивъ того, онъ искалъ ее будто нарочно не только передъ неприятелемъ, но и въ будничной жизни.

Въ осеннемъ періодѣ отдыха въ Красноводскѣ Михаилъ Дмитріевичъ, какъ уже сказано, бросилъ верховую ѣзду и всякое движеніе, сидѣлъ, читалъ, писалъ и диктовалъ. Нѣсколько разъ я убѣждалъ его дѣлать какое-либо движеніе, и заручился, наконецъ, его обѣщаніемъ предпринимать послѣ обѣда гигиеническія прогулки верхомъ; но каждый разъ, когда наступало время исполнить это обѣщаніе, то генералъ раздумывалъ и оставался дома. Разъ, за общимъ столомъ, я опять настаивалъ на своемъ и просилъ М. Д. сейчасъ послѣ обѣда съ нами ѣхать кататься. Скобелевъ согласился и немедленно мы послали за

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LII, стр. 391—404.

²⁾ Изъ записокъ Э. И. Тотлебена видно, что М. Д. и на Дунаѣ нѣсколько разъ заболѣвалъ. Изъ Бухареста Эдуардъ Ивановичъ пишетъ: „Генералъ Скобелевъ былъ боленъ, оставался потому нѣсколько времени въ Бухарестѣ“, а изъ Тученицы отъ 6-го ноября: „Скобелевъ былъ дважды контуженъ и долженъ нѣкоторое время лежать“, а дальше еще разъ: „Скобелева я нашелъ совершенно больнымъ; для насъ было бы большой потерей, если бы ему пришлось отказаться отъ боевой дѣятельности, что можно предвидѣть“.

О. Г.

лошадьми. Вставъ изъ-за стола, мы сѣли на лошадей и стали ожидать у подъѣзда нашего молодого героя; его бѣлая лошадь стояла, какъ вкопанная, передъ самой лѣстницей, какъ вдругъ явился ординарецъ и сообщилъ:

— Генераль велѣлъ извиниться, они не могутъ принимать участіе въ прогулкѣ.

— Скажите его превосходительству, что мы не можемъ принять никакихъ извиненій, а ждемъ ихъ самихъ.

Спустя минуту, Михаилъ Дмитріевичъ явился съ улыбкой на лицѣ и сказалъ:

— «Противъ такого тиранства ничего не подѣлаешь», и сѣлъ на лошадь. Его лошадь была киргизская и только что ему приведена.

Бѣлый генераль и въ Ахаль-Теке предавался своей любви къ бѣлымъ лошадямъ. Кромѣ одной темно-рыжей, всѣ его лошади были бѣлыя и рѣдко проходила недѣля, чтобы не приводили ему новаго бѣлаго коня изъ Персін, изъ Туркменін, изъ Россіи. Киргизъ, о которомъ я упомянулъ выше, была совершенно бѣлая, не молодая лошадь, типической наружности, съ густыми и длинными гривой и хвостомъ, съ горбатымъ носомъ, съ спокойными, умными глазами, средняго роста, но крѣпко сложенная.

Мы съ генераломъ, съ адъютантомъ, ординарцами и тѣлохранителями двинулись отъ губернаторскаго дома по набережной, при чемъ пришлось переѣхать рельсы, идущіе отъ гавани къ провіантскимъ магазинамъ. «Киргизъ» генерала остановился, вытянувъ шею, и осматривалъ осторожно это, ему въ степной жизни не представлявшееся, препятствіе, но не рѣшился его перейти. Михаилъ Дмитріевичъ далъ коню осмотрѣться, потомъ пытался шпорами и нагайкой его заставить перейти рельсы. Но «Киргизъ», сохраняя свое спокойствіе, упорно отказывался исполнить волю своего сѣдока. Наконецъ, Скобелевъ покраснѣлъ отъ досады, подобралъ поводъ, и лошадь однимъ прыжкомъ взяла препятствіе, какъ барьеръ въ манежѣ. Какъ послѣ этого лошадь ни шла ровно и хорошо, она проиграла свою репутацію у генерала; возвратившись домой, онъ ее подарилъ поручику А., а генераль болѣе на ней не ѣздилъ ¹⁾. На прогулкѣ М. Д. провелъ насъ

¹⁾ При этомъ никакъ нельзя не разсказать о Скобелевскихъ лошадяхъ. Въ концѣ экспедиціи у генерала былъ, дѣйствительно, настоящій маршталъ бѣлыхъ лошадей, изъ которыхъ каждая занимала по одной кибиткѣ. Самая красивая, по моему, лошадь была совершенно бѣлымъ кровнымъ персидскій жеребецъ, подаренный ему персидскимъ посломъ Дауль-Дауле-Ханомъ. Это нѣжное животное, подъ золотомъ обшитой уздечкой и уборами, представляло великолѣпную картину. Другая, сѣрая, туркменской

по голымъ горамъ и скаламъ, гдѣ едва было достаточно мѣста и гдѣ тропинки оказались годными только для дикихъ козъ. Мѣсто было не безопасное и насъ застала ночь. Лошади были покрыты потомъ и пѣной, и было уже совершенно темно, когда мы пустились въ обратный путь.

Подъѣхавъ ко мнѣ такъ близко, что онъ могъ наблюдать выраженіе моего лица при разговорѣ, М. Д. спросилъ:

— Ну, докторъ, вы хотѣли непременно ѣхать верхомъ, какъ вамъ понравилась эта прогулка?

— Я все время беспокоился и опасался за васъ. Если бы вы сломали ногу въ этихъ скалахъ, то я считалъ бы себя виновникомъ и нашъ походъ разстроился бы; если же вы выбрали такое мѣсто для прогулки, съ цѣлью наказать меня за мое упрямство, съ которымъ я васъ уговаривалъ ѣхать верхомъ, то наказаніе было слишкомъ суровое.

— Благодарю васъ за дружеское участіе, но не беспокойтесь на счетъ меня; я умѣю ѣздить верхомъ,—такъ легко со мной ничего не случится.

Еще была у него привычка, которая не мало беспокоила его окружающихъ. Нерѣдко онъ выѣзжалъ съ ночлега нѣсколькими часами позже войскъ и догонялъ ихъ уже въ пути; иногда онъ на дорогѣ останавливался и пропускалъ мимо себя весь отрядъ для проверки порядка вообще, каждаго наѣздника и каждую вьючную лошадь въ отдѣльности. Потомъ съ маленькой свитой, иногда всего съ нѣсколькими казаками или осетинами, онъ какъ-то забывался, оставался назади и мы его въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не видали.

породы, тоже подарокъ туземнаго хана, была выше и сильнѣе первой, но не такъ элегантна. Подъ конецъ похода прибылъ еще другой персидскій конь, сѣроблочный, съ бѣлой длинной шеей, какъ фламинго. На немъ генералъ ѣздилъ, когда онъ подполковнику Кузьмину-Караваеву, возвратившемуся только что изъ Тегерана, показывалъ крѣпость и объяснялъ штурмъ, происходившій во время его отсутствія. Пришлось намъ скакать черезъ рѣчку. Но персіянинъ неохотно взялъ это препятствіе и скоро былъ удаленъ изъ маршала навсѣгда. Одна любимая сѣрая лошадь была взята въ плѣнъ тегинцами.

Когда я, въ концѣ октября, кончилъ инспекцію обѣихъ военныхъ дорогъ и утромъ рано хотѣлъ выѣхать изъ Дузь-Олума, то комендантъ послалъ просить, чтобъ я взялъ съ собой, подъ покровительство моего конвоя, сѣрую лошадь командующаго; безъ того онъ будетъ обязанъ отправить ее съ военнымъ конвоемъ.

Я согласился и ждалъ, потомъ тихонько, шагомъ, черезъ мостъ отправился по дорогѣ. Наконецъ, явились два верховые и между ними великолѣпная русская лошадь, темно-сѣрой масти, выписанная поручикомъ Б. изъ своихъ собственныхъ заводовъ для Михаила Дмитріевича. Лошадь отъ ушей

Другимъ, напротивъ, строго запрещено было отлучаться отъ отряда, въ какую бы сторону ни было, потому что текинцы всегда и вездѣ насъ окружали невидимымъ образомъ. Такъ, мы часто видѣли, какъ на горизонтѣ исчезало нѣсколько всадниковъ или мы находили свѣжіе слѣды; самихъ же текинцевъ мы не встрѣчали; между прочимъ, разъ взяли въ плѣнъ бѣлую любимую лошадь генерала, около Бендесенскаго перевала (18-го августа, какъ о томъ Скобелевъ самъ рапортовалъ отъ 20-го февраля 1881 года, за № 2637), а 21-го декабря, при большой кавалерійской рекогносцировкѣ генерала Петрусевича вокругъ Геокъ-Тепе, двое нижнихъ чиновъ, лошади которыхъ были слабыя, отстали немного, были взяты въ плѣнъ и 23-го числа мы получили обратно ихъ трупы, съ признаками жестокихъ истязаній. Можно легко себѣ представить, въ какомъ безпокойствѣ все находились, когда генералъ пропадалъ на нѣсколько часовъ или даже на цѣлую ночь.

Когда послѣ долгаго подготовительнаго періода, наконецъ, 21 ноября, началось движеніе впередъ, то Скобелевъ оставилъ главныя силы, которыя подъ командою генерала Петрусевича двинулись по Атрекской военной дорогѣ въ Бами, а самъ онъ съ кавалерійскимъ отрядомъ отправился по р. Чандыръ черезъ горы Дамана и Буха и Копедъ-Дагъ прямо на Келатъ. 21 ноября послѣ продолжительныхъ дождей былъ первый холодный и солнечный день. Нашъ кавалерійскій отрядъ съ ранняго утра былъ готовъ къ походу, сформировалъ каре, внутри котораго служили молебень. Скобелевъ сказалъ нѣсколько словъ офицерамъ, поздоровался съ солдатами и прямо оттуда мы двинулись. Спустившись къ Чандыру, мы поднялись на противоположный крутой берегъ рѣки и двинулись дальше по незнакомой намъ

до пятокъ была одѣта англійскимъ клѣтчатымъ суконнымъ попономъ, съ красными напуалами; на колѣняхъ несла кожаные вязанные надколѣнники (подвязки). Кромѣ двухъ проводниковъ, былъ у лошади и аттестатъ, по которому вахтера въ ночлегахъ отпускали ей ячмень и сѣно. При выѣздѣ, приходилось мнѣ неоднократно ждать своего четырехногого спутника до тѣхъ поръ, пока онъ былъ накормленъ, напоенъ, очищенъ и одѣтъ. Когда я передалъ коня Скобелеву въ Чикишарѣ, я сказалъ: „Привелъ вамъ лошадь, за которую вездѣ такъ ухаживали, что она мнѣ, волей-неволей, напоминала лошадь римскаго императора Каллигулы, назначенную консуломъ“. Такія шутки нравились Скобелеву, и какъ очень образованный человекъ, онъ не обижался, а принималъ ихъ добродушно. Мы между собой продолжали называть этого коня „римскимъ консуломъ“. Но прекрасному консулу не было назначено долго жить. Во время осады онъ былъ убитъ непріятельскими пулами, подъ генераломъ или же около него. Какъ вообще текинскія пули, назначенныя собственно для Михаила Дмитріевича, убивали или ранили его врачей, ординарцевъ и лошадей, а его же не трогали, то какъ солдаты, такъ и азіаты вѣрили, что онъ неуязвимъ (хранить).

О. Г.

до сихъ поръ и разнообразной мѣстности въ юго-восточномъ направленіи. Михаилъ Дмитриевичъ, пропустивъ всю колонну, не послѣдовалъ за нами и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ не показывался. Мы уже стали беспокоиться и спрашивали другъ друга, что могло случиться съ нашимъ генераломъ, когда М. Д., почти въ сумерки, съ горстью людей, прискакалъ и занялъ свое мѣсто въ колоннѣ, какъ будто бы онъ все время былъ при ней.

Не совсѣмъ такъ просто и счастливо окончилась нѣсколько дней позднѣе подобная же выходка. Шель уже седьмой день, какъ отрядъ отдѣлился отъ главныхъ силъ, о которыхъ ничего не было слышно, такъ же какъ и о гарнизонахъ въ Хаджамъ, Кале и Бами; летучій отрядъ былъ какъ отрѣзанъ отъ остальнаго міра. Положеніе не совсѣмъ успокоительное, тѣмъ болѣе, что провіантъ и фуражъ изсякали. Начался, наконецъ, спускъ съ высоты (28 ноября); въ долинѣ уже различались текинскіе аулы и крѣпости; авангардъ уже приближался къ степи, а аріергардъ, находившійся еще въ горахъ, вдругъ былъ окутанъ туманомъ, который быстро распространился и на долину. Въ это время какъ разъ оказалось, что командующаго войсками нѣтъ на лицѣ. Аріергардъ справлялся у авангарда, авангардъ у средняго отряда, но его не было ни тутъ, ни тамъ. Другіе офицеры были всѣ на мѣстѣ, слѣдовательно кромѣ нѣсколькихъ осетинъ никто съ нимъ не могъ быть. Наступала ночь и ждать нельзя было, также, какъ неизвѣстно было въ какую сторону послать на розыски. Въ часъ ночи отрядъ достигъ крѣпости Келать, которую подъ командою полковника Навроцкаго взяли штурмомъ. Между тѣмъ начальникъ отряда, генералъ Скобелевъ, сначала нѣсколько отставшій отъ отряда, настигнутый туманомъ, оставался съ двумя или тремя осетинами въ горахъ между скалами, изъ которыхъ никакъ не могъ выбраться. Скобелевъ намъ впослѣдствіи самъ рассказывалъ, что, услыжавъ гулъ стрѣльбы и догадавшись по силѣ и продолжительности ея о серіозности дѣла, былъ внѣ себя съ отчаянія, что не могъ исполнять своей обязанности и послѣшить на помощь своимъ подчиненнымъ,—обязанность, которую онъ такъ часто называлъ святою, обязанность, которую онъ особенно требовалъ отъ начальниковъ, доказательствомъ чему служить его приказъ отъ 15 мая 1860 г. за № 32 изъ Чикишляра.

...«Считаю священнымъ долгомъ напомнить доблестнымъ войскамъ, нынѣ мнѣ вѣреннымъ, что основаніемъ боевой годности войска служить строгая служебная исполнительность, дисциплина.—Дисциплина въ полномъ значеніи этого слова быть тамъ не можетъ, гдѣ начальники позволяютъ себѣ относиться къ полученнымъ ими приказаніямъ небрежно. Это должно отзываться на отношеніи

нижнихъ чиновъ къ долгу службы»... И въ приказѣ изъ г. Сливно отъ 5 мая 1879 г. за № 68 онъ писалъ: «Никогда не слѣдуетъ забывать, что для успѣха начальникъ долженъ водить свою часть въ бой». А въ приказѣ изъ Дузь-Олума отъ 16 ноября 1880 г. № 479 сказано: «О порядкѣ движенія..... въ общихъ же чертахъ я требую слѣдующее: На походѣ самовольно отсталыхъ я вообще не допускаю—со всѣхъ самовольно отсталыхъ строго взыскивать», и раньше въ Адрианополѣ генералъ пишетъ отъ 10-го января 1878 года за № 12: «Предупреждаю всѣхъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ отряда, что за всякую самовольную отлучку виновники будутъ преданы полемому суду»—а въ траншеяхъ подъ Плевной отъ 5 октября 1877 года № 335: «дабы свято до конца исполнить, чего требуетъ отъ него долгъ, присяга и честь имени русскаго».

Каждому честному военному понятно, какъ Михаилъ Дмитриевичъ долженъ былъ страдать, когда, по стеченію обстоятельствъ и не безъ его собственной вины, онъ слышалъ бой, зналъ опасность своихъ, но не могъ къ нимъ добраться ¹⁾. Конечно, въ отрядѣ была большая радость, когда, утромъ 29 ноября, Скобелевъ возвратился къ нему съ помощью охотниковъ, которые, проискавъ его всю ночь, наконецъ, его отыскали. Въ отрядѣ уже думали, что генералъ въ скалахъ ушибся или попалъ въ руки непріятеля.

Во время 3-хъ недѣльной осады крѣпости Геокъ-Теле Михаилъ Дмитриевичъ жилъ въ траншеяхъ. Однажды утромъ, я вижу, какъ онъ съ полковникомъ Вержбицкимъ вышелъ изъ траншеи на открытое пространство между лагеремъ и крѣпостью. Имѣя всегда съ собой хирургическій приборъ и первую перевязку, я пошелъ прямо къ нему, чтобы въ случаѣ раненія быть готовымъ подать необходимую помощь. Онъ встрѣтилъ меня съ восклицаніемъ: «Что такое, докторъ, зачѣмъ вы пришли сюда; развѣ вы не видите, что здѣсь совсѣмъ открытое для непріятельскихъ пуль мѣсто?»—«Поэтому я и пришелъ, гдѣ вы, тамъ и я долженъ быть».—«Нѣтъ, нѣтъ, не ваша обязанность такъ экспонировать себя; довольно уже раненыхъ и убитыхъ врачей. Если васъ здѣсь убьютъ текинцы, то на меня опять будутъ нападать».—«А если вы будете раненымъ, то мое мѣсто здѣсь возлѣ васъ».—«Не буду раненъ. Та пуля еще не вылита, которая меня убьетъ. Впрочемъ, общаю вамъ, послать за вами, если что нибудь со мной

¹⁾ Неоднократно подтверждаетъ это г. Шаховской въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ объ ахаль-тэкинской экспедиціи 1880—1881 гг., въ „Русской Старинѣ“ 1885 года, апрѣль и май. О. Г.

случится, а если вы теперь не уйдете отсюда, ей Богу, я вею арестовать вас и проводить домой».—Мнѣ ничего не оставалось, какъ возвратиться въ лагерь. Во время прохода по открытому пространству, текинскія пули ударили въ землю направо и налево отъ меня: я почувствовалъ, что подобное отступление гораздо труднѣе, нежели идти на встрѣчу пулямъ. Если бы я не зналъ, что за мною слѣдить наблюдательный взглядъ нашего молодого героя, можетъ быть я побѣждалъ бы до траншей и старался бы такимъ образомъ сократить свое неловкое положеніе. Но здѣсь мнѣ ничего не оставалось какъ «contre mauvaise fortune tenir bonne contenance» и спокойными, но большими шагами добраться до укрѣпленія. Скобелеву, по его приказанію, подали стулъ, онъ сѣлъ лицомъ къ стѣнамъ Геокъ-Тепе и продолжалъ бесѣду съ начальникомъ артиллеріи.

Когда же нѣсколько дней предъ штурмомъ я просилъ Михаила Дмитриевича разрѣшить мнѣ рядомъ съ нимъ принять участіе въ этой долго ожидаемой и страстно желаемой катастрофѣ и верхомъ слѣдить за штурмомъ, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Вы, какъ и я, мы будемъ въ главномъ резервѣ. Ни дѣло командующаго, ни отряднаго врача принимать участіе въ наступательномъ движеніи... Вы вѣдь видите, какъ я самъ держуся позади?» Онъ назвалъ свой образъ дѣйствія «держаться позади»... Фактъ этотъ требуетъ всетаки объясненія, отчего онъ сдѣлался такимъ нервнымъ по отношенію къ тѣмъ опасностямъ, которыя угрожали врачамъ. Это происходило вслѣдствіе того, что въ теченіи экспедиціи уже два врача были убиты и третій раненъ.

Въ смерти одного изъ нихъ, доктора Студицкаго, общее мнѣніе обвиняло, и можетъ быть не совсѣмъ напрасно, самого Скобелева. Вотъ что Михаилъ Дмитриевичъ самъ мнѣ разсказалъ.

При рекогносцировкѣ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1880 г., противъ Геокъ-Тепе, Скобелева провожалъ его другъ докторъ Студицкій, въ качествѣ врача Краснаго Креста. Опытъ раньше и впоследствии показалъ, что ученые и гражданскія лица, разъ попавши на войну и находясь въ сѣдлѣ, увлекаются и нерѣдко утрируютъ своимъ рыцарствомъ; это самое случилось и со Студицкимъ ¹⁾.

Около Хаджамъ-Кале, гдѣ почва уже поднимается и гдѣ путь по причинѣ попадающихся скалъ и кустарниковъ уже не безопасенъ, палъ отъ пули солдатъ въ тылу колонны.

¹⁾ Но что весь этотъ эпизодъ былъ вполне въ духѣ Михаила Дмитриевича, то показываетъ разсказъ Макъ-Гахана о подобной поѣздкѣ самого Скобелева, во время Хивинскаго похода. Только тогда онъ самъ смѣло и удачно исполнилъ свою задачу съ нѣсколькими казаками изслѣдовать путь песковъ, по которому Марксовъ съ отрядомъ не могъ добраться до мѣста назначенія.

Отрядъ продолжалъ путь, но въ разговорѣ въ свѣтъ Скобелева поднять былъ вопросъ, была ли пуля текинская, непріятельская или же измѣнника туркмена проводника? Если пуля имѣлась бы въ рукахъ, то вопросъ этотъ можно было бы быстро разрѣшить. Студицкій предложилъ возвратиться и вырѣзать пулю у покойника. Михаилъ Дмитріевичъ снабдилъ его конвоемъ въ 15 или 20 казаковъ и вслѣдъ за нимъ велѣлъ выступить части пѣхоты. Едва только Студицкій съ конвоемъ удалился изъ вида колонны, какъ на встрѣчу ему вдругъ показались текинскіе всадники, которые, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, усаkali. Студицкій ихъ преслѣдовалъ и такъ какъ его лошадь была лучше другихъ, то онъ вскорѣ оставилъ конвой далеко за собой и пространство между самими казаками все болѣе и болѣе увеличивалось; пѣхоты же сзади нихъ уже вовсе не было видно. Тогда вдругъ со всѣхъ сторонъ показались непріятельскіе всадники и окружили Студицкаго съ нѣсколькими казаками и оттѣснили ихъ къ бугру. Началась горячая перестрѣлка; наши скрывались за камнями и защищались какъ львы. Но при самомъ малѣйшемъ движеніи, когда показывалась рука или голова изъ-за камня, мѣткія текинскія пули ихъ поражали. Численный перевѣсъ непріятеля подавлялъ нашихъ, а помощь была далека. Такъ кончилъ жизнь бѣдный Студицкій и долго еще на камняхъ была видна кровь, гдѣ докторъ и храбрый его конвой погибли.

Вслѣдъ за этимъ между текинскою конницею и нашей колонной завязалась горячая стычка около Бендесень, съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ. Свидѣтельство тому приказъ Скобелева изъ Бами отъ 9 іюля 1880 года за № 128:

«Сего числа я имѣлъ счастье получить отъ его императорскаго высочества главнокомандующаго кавказскою арміею телеграмму слѣдующаго содержанія: «Жалую отъ себя знаки военнаго ордена первой степени всѣмъ оставшимся въ живыхъ, геройски защищавшимся 21-го іюня. Семействамъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ назначаю одновременно по 100 рублей пособія». — Скобелевъ и многіе военные обвиняли Студицкаго въ томъ, что онъ самъ виноватъ въ своей смерти, потому что слишкомъ увлекся. Очень трудно въ этомъ отношеніи положеніе врачей. Если они храбры, то ихъ въ томъ обвиняютъ, что они напрасно увлекаются, что храбрость не ихъ дѣло. Если же они осторожны, то смѣются надъ ними, какъ надъ трусами. Въ дѣйствительности, на войнѣ мы находимся нерѣдко въ необходимости или защищаться, или даже предпринимать что нибудь и поступать къ офензивѣ, не получивъ никакихъ инструкцій и не будучи вовсе подготовленными къ подобнымъ дѣйствіямъ. Хорошо, у кого есть умѣнье

владѣть оружіемъ и у кого способность стрѣлять и ѣздить верхомъ. А все-таки понятія о тактикѣ, объ условіяхъ обороны и наступленія мы, врачи, не имѣемъ и поэтому можемъ дѣйствительно ошибаться и увлекаться тамъ, гдѣ не слѣдуетъ.

Что я не подвергся такому же случаю, какъ Студипкій, отъ этого спасли меня ни моя собственная, ни Скобелева предусмотрительность, а одна только судьба.

На второй день послѣ отъѣзда изъ Дузь-Олума съ кавалерійскимъ летучимъ отрядомъ въ Арты-Кале, Михайлъ Дмитріевичъ получилъ телеграмму изъ Тифлиса, которая вызвала медицинскаго инспектора изъ отряда. Вслѣдствіе этого мое присутствіе при главныхъ силахъ оказалось необходимымъ. Онѣ, между тѣмъ, также выступили изъ Дузь-Олума и были на дорогѣ къ Бами.

Чтобы не потерять время и соединиться съ главными силами какъ можно скорѣе, Скобелевъ выбралъ для меня по картѣ прямую дорогу черезъ Копеть-Дагъ въ Бендесень. Онъ снабдилъ меня проводникомъ туркменомъ и конвоемъ, но прибавилъ намъ верблюдовъ, вьючныхъ лошадей и разныя тяжелыя вещи, которыя оказались весьма неудобными для летучаго отряда. Расчетъ оказался не правильнымъ въ томъ отношеніи, что прямая дорога, ведущая черезъ два хребта высокихъ горъ, вовсе не была такъ коротка, какъ онъ думалъ, и что, имѣя съ собой тяжелый транспортъ, мы вообще не могли быстро слѣдовать, такъ что я остался въ бездѣйствіи и удаленнымъ отъ главнаго отряда на 6 дней отъ 21-го до 26-го ноября 1880 г. Такое бездѣйствіе во время весьма важнаго періода экспедиціи отразилось тяжелымъ образомъ и надолго на врачебной части въ отрядѣ.

Противившись съ Скобелевскимъ отрядомъ, мы шли по дикимъ горамъ, по узкимъ тропинкамъ, между оврагами; верблюды не охотно шагали по такой дорогѣ; первая ночь насъ застала въ горахъ и вынудила насъ ночевать на мѣстѣ. Офицеръ, командовавшій колонною, страдалъ куриной слѣпотой и при началѣ сумерекъ уже не видалъ ни шагу передъ собой, такъ что онъ просилъ меня распоряжаться за него. Я выбралъ ночлегъ около ручейка, образовалъ каре, разставилъ караулъ и назначилъ патрули; самъ же поперемижно съ офицеромъ не спалъ. Костры по причинѣ холода и для варенія чая мы развели, не смотря на то, что они могли служить сигналами для непріятеля. Нѣсколько текинцевъ, знающихъ мѣстность лучше насъ, могли бы напасть и уничтожить весь нашъ маленькій конвой. Съ наступленіемъ дня мой спутникъ опять хорошо видѣлъ и освободилъ меня отъ отвѣтственности распоряжаться. На второй день мы рано достигли брошеннаго жителями города Кара-Кала на Сумбарѣ, и тамъ остановились на ночь.

Всѣ осторожности были приняты еще днемъ, для того, чтобы непріятель не могъ нечаянно на насъ напасть. И съ разсвѣтомъ мы опять тронулись и круто стали подниматься на Копеть-Дагъ. Часто приходилось снимать вьюки съ лошадей, и на рукахъ переносить ихъ черезъ скалы и ручейки. Верблюдовъ мы отправили изъ Кара-Кала въ Дузь-Олумъ. Природа была южная и величественная, солнце теплое, видъ обширный. Въ кустарникахъ множество пѣвчихъ птицъ; свѣжіе слѣды кабановъ, дикобразовъ и даже тигровъ указывали на богатство страны. Листья и трава были зеленые, мѣстами цвѣли цвѣты; вообще флора оказалась разнообразной и интересной. Въ другое время все это меня бы восхищало; но тогда мучили меня нетерпѣніе и мысль, что отрядному врачу слѣдовало находиться при войскахъ, а не лазить, какъ туристъ, въ подсыжныя области Копеть-Дага. Туркмень-проводникъ былъ похожъ на глухо-нѣмого и если говорилъ, то его слова, какъ оракулъ, темны и двусмысленны. Двое или трое текинцевъ, спрятавшіеся за скалами, могли бы насъ перестрѣлять по одиночѣ, какъ куропатовъ, а проводникъ нашъ, можетъ быть, не повернулъ бы и головы.

Наконецъ, мы перешли хребтъ и очутились вдругъ въ холодномъ зимнемъ краѣ; спускались внизъ зигзагами, какъ длинная змѣя, многимъ быстрѣе, нежели поднимались, но все-таки медленно.

Мы спрашивали его:

«Гдѣ Бендесенъ?»

— «Тамъ!» отвѣтилъ туркмень и показалъ въ долину.

«Далеко-ли? Когда мы будемъ въ Бендесенѣ?»

— «Если поѣдемъ немного быстрѣе, нежели теперь, то будемъ тамъ до захода солнца».

А колоннѣ никакъ нельзя было двинуться скорѣе. Наконецъ, майоръ С. и я рѣшили, что онъ останется при отрядѣ, и что я со своимъ казакомъ поѣду впередъ и вышлю изъ Бендесена пѣхоту на встрѣчу колоннѣ. Я долженъ согласиться, что главная причина такого рѣшенія было мое нетерпѣніе, наконецъ, попасть на свое мѣсто, узнать, чтó за это время случилось и вступить въ какую нибудь дѣятельность. Я, мой казакъ и даже наши лошади были рады, наконецъ, опять пуститься рысью. Вначалѣ мы двинулись быстро впередъ. Но вскорѣ ночь насъ застала въ дорогѣ; ни отряда сзади насъ, ни Бендесенской крѣпости передъ нами не видать; дороги нѣтъ, слѣдовъ даже не замѣтно. Казакъ слѣзъ съ лошади, изслѣдовалъ дорогу, приложилъ ухо къ землѣ: не слышно-ли текинской конницы. Далѣе мы могли пробираться только шагомъ; иногда арыкъ или оврагъ останавливали насъ. Наконецъ, передъ нами мелькнулъ огонекъ, исчезъ и опять засіялъ, потомъ уже другой огонь показался дальше, больше,

нѣкоторые выше, другіе ниже. Это была крѣпость Бендесенъ. Вскорѣ послышался пріятный окликъ: «кто идетъ!» Поздно вечеромъ мы пріѣхали. Комендантомъ уже не былъ мой другъ Верещагинъ, а дагестанецъ, также знакомый, добрый малый, опытный офицеръ, который уже болѣе года жилъ въ Ахаль-Теке. Онъ испугался, видя, что мы вдвоемъ съ казакомъ ночью пріѣхали, и сдѣлалъ мнѣ упреки за неосторожность. (Когда Скобелевъ услышалъ объ этомъ, то онъ прибавилъ, съ своей стороны, еще выговоръ). Послалъ пѣхоту на встрѣчу нашему отряду, угостилъ насъ, голодныхъ и усталыхъ, чѣмъ самъ былъ богатъ. На слѣдующій день мы прибыли въ Бами, гдѣ генералъ Петрусовичъ стоялъ съ главнымъ отрядомъ.

Въ началѣ этого похода былъ еще эпизодъ съ врачомъ. По приказанію Михаила Дмитриевича назначить ему врача въ дорогу, только не изъ поляковъ, я выбралъ молодого серьезнаго врача ***. Правду сказать, кромѣ двухъ или трехъ изъ своихъ товарищей и сослуживцевъ, я никого лично не зналъ и за знаніе ихъ и специальную способность, еще менѣе за характеръ и принципы, ручаться не могъ. Но выборъ мой палъ на врача *** потому, что онъ находился уже полтора года въ Закаспійскомъ краѣ, былъ, слѣдовательно, акклиматизированъ и, принимая участіе въ разныхъ походахъ охотниковъ, оказался неутомимымъ, храбрымъ и, кромѣ того, сколько я могъ видѣть относился къ своему дѣлу серьезно. Когда М. Д. его увидѣлъ, то увелъ меня въ сторону и сказалъ: «скажите, пожалуйста, кого назначили вы ко мнѣ; не нигилистъ-ли это?»

— Не думаю, отвѣтилъ я, — правда, сердце ни у кого не видишь. Но что онъ сказалъ или сдѣлалъ, что вы считаете его нигилистомъ?

— Не говорилъ и не дѣлалъ ничего; но смотрите сами, какъ онъ выглядитъ; эти длинные волосы, эта небритая борода, этотъ оборванный сюртукъ? Развѣ это военная аккуратность? А эти манеры, этотъ видъ, эта осанка? Просто, похожъ на нигилиста...

— Помилуйте, отвѣчалъ я съ улыбкой, — кто полтора года жилъ въ этомъ краѣ и все время находился въ сѣдлѣ, у того давно не было и возможности стричься, бриться, починять одежду или тащить съ собой на конѣ запасный сюртукъ, или eau de Botot ¹⁾ и другіе реквизиты туалета. Если другаго ничего не имѣете противъ него, то я предложилъ бы, чтобы вы его пока приняли за хорошаго человѣка и медика.

Молодой вскулапъ остался у М. Д., отъ 21-го ноября до 12-го

¹⁾ Eau de Botot—любимое полосканіе генерала, которое онъ вѣсколько разъ въ день употреблялъ во все время похода.

декабря, когда онъ, при рекогносцировкѣ, проѣзжая рядомъ съ Скобелевымъ, былъ раненъ и выбылъ изъ дѣятельности. Онъ пользовался въ высшей степени расположеніемъ и довѣріемъ генерала, который потомъ хлопоталъ за него о пенсіи ему.

7-го января 1881 года я собралъ товарищей въ запасномъ лазаретномъ шатрѣ для совѣщанія. Мы прочли полученную отъ начальника штаба диспозицію для штурма и расположенія восьми перевязочныхъ пунктовъ санитарнаго персонала на нихъ. Только что вачали чтеніе, когда пуля упала между нами, потомъ вторая и третья. Очевидно, текинцы замѣтили, что нѣсколько человекъ собралось въ этотъ шатеръ и начали обстрѣливать его. Третья пуля ударила врача Миловидова, котораго только толстое зимнее пальто защитило отъ раненія. Мы оставили столъ и сѣли въ крайнемъ углу на полъ. Секретарь, Малиновскій (теперь морской врачъ), писалъ протоколъ и остался для этой цѣли около стола. Пули продолжали падать; мы насчитали уже десять, когда Малиновскій былъ раненъ въ бокъ. Мы унесли его въ лазаретъ, изслѣдовали и перевязали его; засѣданіе уже не продолжалось. Когда я объ этомъ доложилъ Скобелеву, онъ разсердился и закричалъ:

— Васъ всѣхъ слѣдовало арестовать за эту неосторожность.

Я не сейчасъ понялъ въ чемъ состояла наша неосторожность. А потомъ я наблюдалъ, что командующій самъ всегда приглашалъ совѣщаться поздно вечеромъ, когда фактъ собранія и мѣсто было скрыто темнотою отъ взглядовъ текинцевъ. Впрочемъ, во время трехнедѣльной осады, мы постоянно жили подъ пулями текинцевъ; каждый день отъ 5 до 7 человекъ въ центрѣ нашего лагеря были ранены или убиты. Когда я съ тяжелой флегмонозной жабой лежалъ нѣсколько дней въ своемъ шатрѣ, я насчиталъ 15 пуль, которыя пали на мою кибитку; одна ударила въ кровать, прямо подъ голову, съ такимъ шумомъ, что люди мои бросались съ испугомъ въ палатку ко мнѣ узнать не раненъ ли я. Если мы переходили изъ одного шатра въ другой, они насъ обстрѣливали какъ зайцевъ. Мулъ мой, подарокъ М. Д., стоялъ около кибитки съ моими лошадьми; его текинская пуля пронзила насквозь и убила на мѣстѣ. Когда рѣчь объ этомъ шла, я сказалъ Скобелеву, что «надѣюсь, что мулъ умеръ за меня, какъ знаменитый баранъ за Изака, и что я могу быть теперь увѣреннымъ, что не буду тронуть неприятельскими пулями». Эти трудныя обстоятельства не препятствовали врачамъ усердно исполнять свои обязанности; никто не думалъ о себѣ или о своемъ самосохраненіи. Только когда раненые и больные въ постеляхъ и внутри лазаретовъ были вторично ранены, между ними и Яблочкинъ, инженерный офицеръ, то я

объ этомъ формальнымъ образомъ доложили командующему и требовали какихъ-нибудь мѣръ для защиты раненыхъ и больныхъ. Тогда было приказано окопаться внутри палатокъ землею и устроить брустверъ около лазарета изъ кулей провiантскаго магазина. Это помогло до нѣкоторой степени, а между тѣмъ уже новая и гораздо худшая опасность угрожала нашимъ больнымъ при ночныхъ нападенiяхъ текинцевъ.

Какъ извѣстно, послѣ неудачи 23-го декабря 1880 г., когда убиты были генералъ Петрусевичъ, майоръ Булыбинъ, есаулъ Ивановъ и 19 солдатъ, а ранены сотникъ Алейниковъ ¹⁾ и 49 нижнихъ чиновъ, текинцы перешли въ наступленiе и напали на насъ ночью 28-го декабря (1880 г.).

23-го и 24-го декабря первая траншея была заложена, 25-го и 26-го устроена первая параллель, 27-го и 28-го вторая параллель. Вначалѣ текинцы не поняли этой работы, но говорили, какъ наши въ траншеяхъ слышали: «Русскiе роются направо и роются налѣво, какъ свинья рыломъ». А потомъ они наблюдали, какъ часть нашихъ войскъ исчезла внутри траншей; на самыя эти траншеи они направили свои вылазки. Ночи этихъ декабрьскихъ дней 1880 г. наступали очень рано и были темныя. Когда огонь у насъ въ лагерѣ угасалъ, шумъ утихалъ, то они знали, что гарнизонъ лежитъ въ первомъ свѣ.

Пользуясь такими условiями, вечеромъ, 28-го декабря, нѣсколько тысячъ текинцевъ выступили изъ крѣпости и неслышно подобрались благодаря своей мягкой обуви, къ нашему лагерю. Черезъ низкiе брустверы они бросились въ первую траншею и начали рубить нашихъ несчастныхъ ашшеронцевъ, которые эту ночь были въ караулѣ. Многие были убиты и изрублены. Пушка и штандартъ были взяты; резерву только удалось выгнать ихъ назадъ съ большими потерями. Съ нашей стороны были убиты 1 врачъ, 5 офицеровъ и 91 нижнихъ чиновъ, ранены 1 офицеръ, 1 фельдшеръ и 30 солдатъ. Раненыхъ и умирающихъ привезли къ намъ въ лазаретъ, гдѣ, съ помощью нѣсколькихъ товарищей и даже фармацевта ²⁾, я зашивалъ и перевязывалъ раны всю ночь. Какое освѣщенiе могло быть въ шатрахъ степнаго лазарета—понятно. Къ счастью, у меня всегда находился фонарь съ восковыми свѣчами, которыя оказались весьма кстати. Стульевъ, столиковъ и настоящихъ

¹⁾ Алейниковъ, раненный въ черепъ, съ раздробленiемъ височной кости выздоровѣлъ. Я его въ теченiи трехъ сезоновъ лечилъ въ Пятигорскѣ, а въ 1887 г. онъ поступилъ въ офицерскую кавалерiйскую школу въ Петербургѣ.

²⁾ Фармацевтъ этотъ былъ провизоръ Дыщинскiй, который, вида нужду, охотно взялся за работу; онъ шесть лѣтъ позже еще помнилъ съ удовольствiемъ этотъ моментъ.
О. Г.

кроватей не было, такъ что мы обязаны были работать стоя на колѣняхъ или сидя на корточкахъ. Большинство были тяжело раненные; у нѣсколькихъ было много ранъ; у одного 22 отъ головы до ногъ. Я ихъ зашивалъ серебряными нитками и кетгутонъ. У другаго обѣ руки, вмѣстѣ съ перчатками, были изрублены какъ котлеты; видно, что, проснувшись, онъ инстинктивно поднялъ обѣ руки къ защитѣ. У двухъ животъ былъ разрѣзанъ и внутренности выпали до ногъ. Обои мѣ были вправлены внутренности и рана была соединена двойнымъ швомъ, шелкомъ и серебромъ. Этихъ четырехъ человекъ я потомъ встрѣтилъ здоровыми въ Вами ¹⁾. Но между тѣмъ, какъ мы одному помогали, другіе съ зияющими ранами груди или головы стонали около насъ и нѣсколько, съ раскромсанными черепами, умерли ранѣе, чѣмъ помощь достигла до нихъ. Говорятъ, что тогда около насъ былъ убитъ фельдшеръ непріятельской пудей; но мы не замѣтили, будучи поглощены нашей работой. Когда около 3-хъ часовъ, утромъ, командующій прислалъ за мною, большая часть дѣла была уже сдѣлана. Весь мокрый отъ пота, руки въ крови, не умываясь, не одѣвая пальто, я поспѣшилъ къ Скобелеву, по открытому пространству, при свѣжестъ утренней вѣтерѣ, и приобрѣлъ эту тяжелую ангину, которая чуть не стоила мнѣ жизни и мѣшала мнѣ нѣсколько недѣль исполнять свои обязанности. Скобелева я нашелъ совсѣмъ блѣднаго и разстроеннаго. Онъ обвинялъ себя ²⁾, солдатъ,

¹⁾ Причина этого результата было то обстоятельство, что между раненіемъ и перевязкой прошло не болѣе нѣсколькихъ минутъ.

²⁾ Нельзя думать, что Скобелевъ не предвидѣлъ возможности ночныхъ нападеній, напротивъ, въ инструкціи отъ 18-го декабря 1880 года сказано: „Напоминаю о необходимости принятія строгихъ мѣръ охраненія во время ночлеговъ у Геокъ-Тепе. Начальники передовыхъ постовъ должны выяснитъ себѣ значеніе путей, ведущихъ къ бивуаку и пунтамъ, гдѣ непріятель можетъ собираться въ массахъ для нападенія.. Опытъ ночныхъ боевъ показъ, до какой степени трудно руководиться боемъ ночью. Всякое отклоненіе отъ прямаго направленія можетъ повести къ стрѣльбѣ по своимъ и къ замѣшательству. Обращаю вниманіе на пользу установленія условныхъ знаковъ“.

Мнѣ непонятно, какъ послѣ такихъ инструкцій нападенія были возможны и могли удаваться и достигать своей цѣли до такой степени! Михаилъ Дмитріевичъ особенно сердился на то, что спали въ траншеяхъ, на что я ему говорилъ, что онъ несправедливъ, потому что заранѣе черезъ мѣру утомленные и изнуренные люди, когда вступаютъ въ это спокойное помѣщеніе, гдѣ пули перестаютъ ихъ тревожить, то сейчасъ успокаивается нервная напряженность и сонъ является непреодолимымъ. О. Г.

офицеровъ; спросилъ меня сколько раненныхъ, сколько убитыхъ, и назначилъ въ 7 часовъ эвакуацію всѣхъ раненныхъ въ Самурское (12 верстъ назадъ). Я не хотѣлъ дать своихъ только что перевязанныхъ и уложенныхъ тяжело раненныхъ. Михаилъ Дмитриевичъ возразилъ, что я самъ постановилъ въ принципѣ постоянную эвакуацію и что завтра лагерь будетъ двинуть впередъ, ближе къ крѣпости, такъ что лазареты все-таки будутъ потревожены.

Я сказалъ, что у нѣсколькихъ раненныхъ жизнь и исходъ леченія зависятъ отъ того, что они, по крайней мѣрѣ, трое сутокъ не будутъ потревожены. А онъ стоялъ за эвакуацію и уступилъ только, чтобы я могъ удержать самыхъ трудныхъ для будущаго транспорта.

Возвратившись въ лазаретъ, я съ товарищами выбралъ болѣе легкихъ и старыхъ случаевъ (отъ 23-го и 24-го декабря) для эвакуаціи, оставляя самыхъ трудныхъ. Приготовленіе къ отправкѣ и кормленіе отправляемыхъ должно было начать немедленно. Когда транспортъ, утромъ, 29-го декабря, былъ отправленъ, я сопровождалъ начальника штаба, тогда полковника Гродекова, на новое для лагеря выбранное мѣсто, съ цѣлью опредѣленія мѣстности подъ два лазарета. Когда это было исполнено, я замѣтилъ Гродекову, что при такомъ расположеніи больные будутъ совсѣмъ подъ пулями текинцевъ. «Да», отвѣтилъ онъ, «да, къ сожалѣнію, они будутъ совершенно подъ пулями, но что дѣлать!»—Такъ въ теченіи девяти дней совершилось третье перемѣщеніе лагеря и санитарныхъ учреждений. Каждая лазаретная палатка была снята и поставлена опять, каждый больной и раненный былъ перенесенъ на рукахъ и помѣщенъ опять, каждый предметъ былъ упакованъ и вновь вынутъ. Наконецъ, лазареты были поставлены, больные разсортированы, уложены, накормлены и перевязаны. Отрядная аптека была опять кой-какъ устроена, наше собственное помѣщеніе опять въ порядкѣ; весь санитарный персоналъ, какъ и больные, устали и надѣялись провести, наконецъ, спокойную ночь. Тогда совершено было второе ночное нападеніе. Если первый разъ нападали на фронтъ нашего лагеря, то теперь атаковали лѣвый флангъ; если тогда шли тихонько, подкравшись, какъ кошки, то въ этотъ разъ свою вылазку дѣлали съ страшными криками. А когда всѣ наши силы и все вниманіе было сосредоточено на угрожаемый лѣвый флангъ, то вдругъ и около праваго фланга, гдѣ стояли лазареты, поднялся многоголосный крикъ и выстрѣлы. Намъ находилось тамъ всего числомъ семь человекъ и мы рѣшили защищать больныхъ и свою собственную жизнь; каждый взялъ что ему попалось подъ руку, секретарь изъ медиковъ Малиновскій — ружье, фармацевтъ Гольдбергъ

револьверъ, фельдшеръ Кравцовъ то же, я взялъ кавказскую пашку, далъ пистолетъ своему деньщику и такъ мы стояли передъ палаткой тѣсно другъ возлѣ друга.

«Не сдаваться живыми, не оставлять другъ друга. Защищаться до послѣдней силы!» были единственные слова, слышанныя между нами. Пули летали кругомъ; иногда залпъ освѣщаль ночь, такъ что бѣлые шатры и наши блѣдныя лица на мгновеніе были видны. Потомъ опять наступала непроницаемая тѣма, черезъ которую глаза тщетно старались проникнуть, что происходило. Сколько мыслей и представлений могутъ пробѣжать въ мозгу въ подобную минуту—и высокаго, и простаго, близкаго и дальняго. Мгновенная мольба, спазмотическое сокращеніе сердца при воспоминаніи о близкихъ и семьѣ, опасеніе за судьбу больныхъ, если текинцы черезъ изрубленные наши тѣла проникнуть въ лазаретъ; ужасъ, что среди насъ имѣются женщины тѣмъ сожалѣнія, что наши труды, образование, знанія могутъ унижаться этими дикарями. Рядомъ съ этимъ промелькнуло мелочное странное желаніе, что лучше получить пулю въ грудь, нежели въ черепъ. Послѣ этихъ первыхъ хаотическихъ мгновеній поднялись чувства и мысль далеко отнеслась отъ земли въ область покоя и безстрастія, въ которомъ все было свѣтло и недвижно и которая не была доступна ни сожалѣнію, ни страху, ни боли ¹⁾. Все ближе и ближе слышались крики: Аллахъ, Аллахъ!—все чаще и чаще пули ударили въ шатеръ за нами. Вдругъ послышалась ритмическая поступь многочисленныхъ дисциплированныхъ ногъ; баталіонный огонь потрясъ воздухъ и освѣтилъ окрестность. Русскіе крики донеслись до насъ, русскіе мундиры видны. Явилось сознаніе спасенія. Напряженіе нервовъ упало: жизнь больныхъ и наша собственная спасены. Это была рота ширванцевъ, которая прибѣжала и бросилась между нами и текинцами.

Мы бросили оружіе, схватили скорѣе фонари и перевязочныя средства и отправились отыскивать раненыхъ. Вскорѣ же мы наткнулись на распростертыя тѣла убитыхъ; мы нагивались и освѣщали ихъ фонаремъ. Текинцы лежали съ угрюмыми темными лицами, съ

¹⁾ Это состояніе человѣческаго мозга, когда реально окружающій насъ міръ какъ будто бы отдѣляется и утрачивается чувство пространства, когда всѣ обыкновенно насъ занимающіе интересы уничтожены и, вѣроятно, даже физическая боль не чувствуется, происходитъ концентрація мысли на одномъ пунктѣ и ближе подходит къ гипнотизму.

грозными жестами и саблями въ охладѣвшихъ уже рукахъ и рядомъ, какъ спавшія дѣти, наши юноши-солдатки. Надъ тѣми и другими молчаніе смерти. Немного дальше подняли мы раненаго. Скоро офицеръ окликнулъ насъ и проводилъ въ траншею, предупреждая, что, иди съ нашими фонарями, мы можемъ прямо попасть въ руки непріятеля. Въ траншеяхъ уже производилась перевязка раненыхъ военными врачами и членами Краснаго Креста; я особенно помню встрѣчу въ траншеяхъ съ камергеромъ Балашевымъ.

Въ полночь все было кончено; тишина господствовала кругомъ. Но сонъ пропалъ на эту ночь и на многія будущія ночи. На слѣдующее утро Скобелевъ посѣтилъ меня и спросилъ, какъ и гдѣ мы пережили нападеніе? Я рассказалъ ему и мнѣ уже какъ будто бы смѣшно показалось, что мы, ничтожная горсть людей, хотѣли защищать госпиталь! Но Михаилъ Дмитріевичъ отнесся къ этому дѣлу серьезно и очень сочувствовалъ намъ. Онъ спросилъ, кто былъ со мною, и хвалилъ моихъ товарищей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько саркастическихъ намековъ на другіе случаи, происходившіе во время нападеній въ лагерь. Но вообще эти ночныя атаки дѣйствовали очень сильно на него самого.

— «Никто не можетъ сомнѣваться въ моей храбрости», говорилъ онъ: «*mais ces attaques nocturnes me font l'effet, comme si j'avais bu de l'eau de Kissingen*».

Если эти вылазки такъ дѣйствовали на героя, какъ М. Д., то понятно, что и другіе страдали отъ постоянного ночнаго безпокойства. Особенно пришлось платиться санитарному персоналу. Траншеи считались самымъ спокойнымъ мѣстомъ и случалось, что мы шли туда нарочно, чтобъ отдохнуть нѣсколько часовъ. Но при ночномъ первомъ нападеніи врачъ Троицкій былъ тамъ убитъ, находясь при своей ротѣ. Сестра милосердія, Анна Стрякова, была контужена въ патрѣ при исполненіи своихъ обязанностей. При штурмѣ я получилъ контузію головы, которая до сихъ поръ чувствуется. Послѣ 12-го января 1881 г. заболѣли тифомъ доктора Ковальскій, Жасминовъ, Ауновскій и еще три врача и нѣсколько фельдшеровъ.

Если въ небольшомъ походѣ 3 врача и 1 фельдшеръ убиты, 2 врача ранены, 2 врача и сестра контужены, 1 врачъ умеръ отъ удара, 7 врачей заболѣли тяжелымъ тифомъ, изъ которыхъ умеръ 1, и, расплачиваясь, такимъ образомъ, кровью и здоровьемъ, санитарный персоналъ переносилъ всѣ трудности походной жизни, то можно ему отдать честь за геройское исполненіе службы. Часто вспоминаю слова

Бисмарка ¹⁾ изъ франко-нѣмецкой войны о томъ, что врачамъ слѣдуетъ дать желѣзный крестъ наравнѣ съ комбатантомъ, потому что ихъ пассивное мужество требуютъ самыхъ высокихъ нравственныхъ силъ. Броситься верхомъ съ холоднымъ оружіемъ на противника, идти въ сомкнутомъ строѣ противъ неприятельскихъ пуль, это хотя опасно, но увлекательно и эффектно. Это блестящая храбрость всегда приноситъ и славу, и награды, и болѣе или менѣе обезпеченіе на всю остальную жизнь.

Но не принимать участія въ атакѣ, а ждать позади въ одиночествѣ исхода битвы и своей судьбы, перевязывать сослуживцевъ, ожидая смерти: тутъ блестящаго или увлекательнаго ничего нѣтъ и это получаетъ нрѣдко свою единственную награду только въ своей собственной совѣсти.

Нѣкоторые врачи отличались и свою активною храбростью. Молодые медики Сорокинъ и Вельяминовъ, какъ джигиты, ѣздили съ казаками и драгунами при рекогносцировкѣ 21 декабря и при несчастномъ дѣлѣ 23-го декабря 1880 г. Врачъ Цвибакъ съ Самурскимъ баталіономъ и лазаретомъ находился весь походъ въ авангардѣ и поражалъ всѣхъ своею храбростью и дѣятельностью. Они всѣ трое при этомъ всегда были довольны и веселы. Одинъ только врачъ не могъ до конца переносить всѣ эти тягости. Послѣ того какъ онъ состоялъ при Скобелевскомъ летучемъ отрядѣ, при переходѣ черезъ Копеть-Дагъ, при рекогносцировкѣ 4, 12 и 18-го декабря 1880 г. и въ осадѣ Геокъ-Тепе до начала января 1881 г., онъ, наконецъ, попросился въ тылъ, говоря, что онъ болѣе не можетъ переносить, жить день и ночь подъ пулями. Я зналъ преданность къ службѣ этого врача, который уже годъ находился въ Закаспійскомъ краѣ, зналъ его дѣятельность въ разныхъ дѣлахъ. Установивши несомнѣнный фактъ ненормальнаго возбужденія нервной системы, я отправилъ его съ транспортомъ раненыхъ въ Самурское, гдѣ онъ остался при госпиталѣ № 4. Его здоровье никогда послѣ этого не поправилось. Черезъ 2 года онъ лечился въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ, гдѣ я опять встрѣтился съ нимъ. Изъ здороваго, веселаго, молодаго человѣка онъ превратился въ сухого изнуреннаго гипохондрика; патологическая раздражительность нервовъ никогда не поправилась.

Остается еще описать увлекательную сторону храбрости нашего молодаго полководца.

18 декабря 1880 г. мы дѣлали изъ Самурскаго (Еганъ - Ватырь-

¹⁾ Busch: Bismark und seine Leute.

Кала) рекогносцировку подь самыя стѣны Геокъ-Тепе и Анги-Кала, съ цѣлью прочесть тамъ, на мѣстѣ, диспозицію на 20-е число. Генерала окружили всѣ начальники частей, адъютанты и ординарцы съ конвоемъ двухъ сотенъ казаковъ. А изъ Самурскаго, въ видѣ прикрытія, вышло нѣсколько ротъ пѣхоты. Разстояніе между Еганъ-Батыръ-Кала и Анги-Кала было около 12 верстъ. На незначительномъ возвышеніи, съ котораго можно было оглядѣть окрестность, мы остановились, столпились кругомъ Скобелева, какъ наѣзники въ Гайдъ-Шаркѣ, и полковникъ Гродековъ сталъ читать инструкцію, (Смотри приказы отъ 17 и 18 декабря 1880 года, стр. 123 ¹⁾).

Вольшинство въ первый разъ видѣло передъ собою знаменитую крѣпость Геокъ-Тепе; она протягивалась влѣво отъ насъ, въ видѣ

¹⁾ Инструкція отъ 18-го декабря содержала, между прочимъ, слѣдующее: „Обстановка, среди которой приходится намъ дѣйствовать, такова: Бой за мѣстные предметы предстоитъ ожесточенный. Непріятель храбръ и искусенъ въ одиночномъ бою; стрѣляетъ мѣтко и снабженъ хорошимъ оружіемъ, но онъ дѣйствуетъ въ разсыпную, въ разбродъ или отдѣльными кучами, мало послушными волѣ предводителя, а потому не способенъ, не смотря на свою подавляющую многочисленность, къ единству дѣйствій и маневрированію массами. Обстоятельства, отдаленность и свойства театра военныхъ дѣйствій заставляютъ насъ, ограничиваясь здѣсь немногочисленными войсками, въ то-же время вести войну наступательную. Современный европейскій боевой порядокъ, при малочисленномъ составѣ нашихъ отрядовъ, здѣсь неумѣстенъ. Въ открытомъ полѣ храбрая непріятельская конница на быстрыхъ коняхъ, ловко владѣющая холоднымъ оружіемъ, будетъ постоянно дѣйствительно угрожать длиннымъ и растянутымъ линіямъ, пѣхотныя-же массы, хотя и нестройныя, но также состоящія изъ воодушевленныхъ, сильныхъ и ловко владѣющихъ оружіемъ людей, доведя дѣло до рукопашнаго боя, уравниваютъ въ свою пользу шансы борьбы.

„Какъ основной принципъ—въ Средней Азіи всесиленъ сомкнутый строй.

„При дѣйствіяхъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, противъ непріятеля, защищающагося на позиціи, покрытой садами, зданіями, стѣнками, укрѣпляемой имъ столь продолжительное время, имѣющей для него особое нравственное значеніе, какъ вслѣдствіе успѣха, одержаннаго въ прошломъ году, такъ и потому, что здѣсь собраны семьи и все имущество противниковъ — мы должны будемъ одолѣть упорное сопротивленіе за каждымъ закрытіемъ. Можетъ, наконецъ, встрѣтиться отчаянный смертельный бой на ножахъ и атаганахъ.

„Будемъ бить противника тѣмъ, чего у него нѣтъ. Воспользуемся дисциплиною и нашимъ скорострѣльнымъ оружіемъ“ и т. д.

Надо все таки прибавить, что у текинцевъ была одна недвижимая старая пушка, ружья всѣхъ разныхъ калибровъ и системъ, хорошія, но и весьма плохія шашки, повѣшенные на веревки, и на мѣсто пикъ старыя ножи, привязанные къ палкамъ.

О. Г.

неровнаго овала, окруженная высокими валами, какъ древняя Троя съ нѣсколькими отдѣльными выдающимися фортами. Направо передъ нами видѣлся на незначительной высотѣ конгломератъ укрѣпленныхъ садовъ съ калами и башнями. Это укрѣпленное мѣсто называлось Анги-Кала и представлялось издалика важнѣе, нежели оказалось въ дѣйствительности. Всѣ стѣны этихъ укрѣпленій были покрыты людьми, а въ степи между ними держалась многочисленная текинская конница и за ними пѣхота.

Послѣ чтенія диспозиціи, Михаилъ Дмитріевичъ объяснилъ театр дѣйствій и показалъ гдѣ 6 іюля онъ стоялъ съ летучимъ отрядомъ, гдѣ 28 августа 1879 года наши были разбиты; потомъ демонстрировалъ, откуда при предстоящемъ на 20-е число наступленіи колонна Куропаткина должна спускаться, откуда Козелковъ долженъ наступать и гдѣ долженъ находиться главный резервъ. Пока все это происходило, цѣпь нашихъ казаковъ окружала насъ, сдерживая густой кругъ текинцевъ, которые непрерывно насъ обстрѣливали. У насъ были вообще въ этотъ день 5 тяжело, 4 легко раненныхъ, 2 контужены, 1 лошадь убита и 1 равена. Каждый разъ, когда мы окружали равенаго съ цѣлью поднять, изслѣдовать и перевязать его, текинцы обсыпали эту группу пулями. При этомъ, былъ моментъ, когда они насъ такъ щедро обстрѣливали, что я посоветовалъ перевязывающему доктору Журавлеву взобраться съ раненымъ въ одноколку и дать тамъ ему помощь. Вообще оказалось весьма неудобно для верховаго врача давать помощь раненымъ. Ему надо каждый разъ слѣзая съ сѣдла и отдавая лошадь свою держать другому человѣку, который былъ бы полезнѣе при больномъ. Когда дѣло кончено, надо опять садиться на лошадь и догонять колонну, которая, между тѣмъ, продолжаетъ идти.

Скобелева ни градъ пуль, ни многочисленность непріятеля, ни близость крѣпости, ни дерзость текинской конницы, нисколько не тревожили, — ничего этого какъ-бы не существовало для него. Сидя спокойно и равнодушно на конѣ, онъ только занятъ былъ тѣмъ, чтобъ хорошо намъ растолковать планъ дѣйствій въ связи съ мѣстностью, лежащею передъ нами. Только изрѣдка онъ прерывалъ свое объясненіе короткими приказаніями. Это спокойствіе дѣйствовало и на другихъ, какъ психическая зараза; никто не думалъ объ опасности, никто не беспокоился, всѣ старались держаться подобно командующему, не смотря на то, что большинство были далеко не такіе опытные военные, какъ Михаилъ Дмитріевичъ, а нѣкоторые даже въ первый разъ нюхали порохъ. «Поѣзжайте впередъ», кликнулъ

М. Д. графу Орлову-Денисову, «запретите казакамъ заводить дѣло; прикажите медленно отступать; пора домой». Графъ въ сѣрой черкесѣ, сгибая тѣло на шею коня, полетѣлъ какъ стрѣла по открытой мѣстности, какъ со всѣхъ сторонъ непріятельскія пули направились на него. Возвратившись, спустя 10 минутъ, онъ доложилъ генералу, что онъ контуженъ. «Попросите Гейфельдера васъ изслѣдовать», — обратился М. Д. къ намъ обомъ. Мы отѣхали въ сторону. Оказалось, что пуля ударила въ лѣвую пятку, но что твердая и эластичная кожа сапога парализовала силу удара. Первая боль уже прошла, графъ торопился назадъ на свое мѣсто: «контузія незначительная», — я доложилъ генералу. — «Не хочу знать», — отвѣчалъ М. Д.

Демонстрація кончилась; поворотили лошадей назадъ и тихимъ шагомъ, весело разговаривая между собой, отправились къ Самурскому укрѣпленію. Текинская конница стала насѣдать на насъ вазойливѣе и не переставала стрѣлять. Пули иногда падали передъ нами въ песокъ, иногда пугали лошадей и ранили кого-нибудь. Скобелевъ, Анненковъ, Гродековъ и я ѣхали впереди, какъ вдругъ пуля со свистомъ пролетѣла между нами, — «кого она ранила?» — спросилъ Скобелевъ въ то время, какъ каждый вопросительно смотрѣлъ на другаго. «Кажется, я раненъ», — сказалъ генералъ Анненковъ и показалъ правый рукавъ пальто, гдѣ виднѣлись два отверстія. «Не лучше-ли сейчасъ изслѣдовать?» — обратился М. Д. ко мнѣ. Мы остановились, я изслѣдовалъ руку, констатировалъ, что ранены мягкія части, кость дѣла и что значительнаго кровотеченія нѣтъ, и наложилъ повязку. Мы сѣли на лошадей и продолжали путь. Но черезъ нѣсколько минутъ генералъ поблѣднѣлъ, такъ какъ вообще при раненіи ударъ нервовъ (shok) обнаруживается только спустя нѣкоторое время. По требованію Скобелева мы выѣхали съ М. Н. Анненковымъ изъ ряда, рана была снова изслѣдована и опять перевязана. Мы оба тогда ¹⁾ еще не были привыкшими къ атмосферическимъ феноменамъ степи и къ обманчивымъ представленіямъ пространства. Намъ показалось, что Самурское лежитъ передъ нами и что наша пѣхота маневрируетъ тутъ не дальше версты. «Поѣдемте лучше скорѣе домой, гдѣ вы можете раздѣться и гдѣ можно уже окончательно изслѣдовать раненіе», — предложилъ я генералу Анненкову. Такъ мы и сдѣлали; сѣли опять на лошадей и съ однимъ только про-

¹⁾ Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Николаевичъ Анненковъ наканунѣ только что пріѣхалъ въ лагерь изъ Михайловскаго, гдѣ онъ строилъ желѣзную дорогу.

водникомъ, моимъ казакомъ, поскакали впередъ. Минуть десять мы уже скакали, когда казакъ остановилъ насъ, говоря: «эта цѣпь передъ нами не наши казаки, а текинцы; они сейчасъ насъ возьмутъ въ плѣнъ». Теперь мы и сами замѣтили, что пространство все болѣе и болѣе суживается, а кругъ наѣздниковъ, находящійся впереди насъ, дѣйствительно не казаки, а враги. Это, впрочемъ, удостоверили и выстрѣлы, которымъ мы уже и подпали. Нечего дѣлать, мы возвратились и соединились опять съ главными силами. Поѣздка продолжалась еще почти часъ. Мы въѣхали въ лагерь со Скобелевымъ какъ будто церемониальнымъ маршемъ. Мы, врачи, немедленно приступили къ перевязкѣ раненыхъ и помѣщенію ихъ въ лазареты.

Наканунѣ, 20-го декабря 1880 г., уже поздно ночью, М. Д. пригласилъ меня къ себѣ. На кровати лежалъ мундиръ съ эполетами, орденами, перчатками и шашкой. Все было приготовлено для слѣдующаго дня, какъ на свадьбу, до послѣдней мелочи, какъ нельзя лучше и аккуратно. Онъ самъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, глаза блестящи, лицо сіяло. «Такъ я всегда готовлюсь къ бою», — говорилъ генералъ, показывая на мундиръ и другія принадлежности. «А теперь поговоримъ о чемъ-нибудь пріятномъ, не о дѣлахъ, не объ окружающемъ, о чемъ-нибудь постороннемъ и интересномъ; послѣ такого разговора можно хорошо заснуть. (*Voyons, docteur, causons agreablement, mais pas de ce qui nous entoure. Parlons plutôt de sujets intéressants et lointains, qui nous transportent dans d'autres sphères et qui facilitent la transition dans un sommeil agréable et profond, dont je voudrais jouir avant la bataille*).

Разговоръ шелъ о франко-нѣмецкой войнѣ и особенно объ императорѣ Вильгельмѣ, Роопѣ, Мольтке, и продолжался довольно долго.

20-го декабря 1880 г., утромъ, Скобелевъ, противъ привычки, рано всталъ и явился верхомъ къ войскамъ, которыя уже стояли въ полной готовности и боевомъ строѣ. Его бодрое, веселое расположеніе духа распространилось на всѣхъ. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждали движенія впередъ, ждали рѣшительныхъ дѣйствій послѣ долгого ожиданія. Весь отрядъ раздѣлялъ самоувѣренность командующаго, мы всѣ были въ праздничномъ настроеніи. День былъ прекрасный, солнечный, какъ иногда въ сентябрѣ въ Петербургѣ. Мы выступили безъ палатокъ и обоза. Правая и лѣвая колонны одновременно наступили съ сѣвера и съ юга противъ Анги-Кала, которая, послѣ незначительнаго сопротивленія, сдалась. Потери текинцевъ были значительныя, наши весьма умѣренныя—1 убитый и 15 раненыхъ. Когда мы на полѣ сраженія встрѣтились со Скобелевымъ и я

съ радостію доложилъ, что у насъ только 5 контуженныхъ и 10 раненыхъ, онъ опять отвѣчалъ: «Не хочу знать. Не говорите мнѣ никогда о раненыхъ. Это только деморализируетъ полководца, когда онъ слышитъ о раненыхъ и убитыхъ». Изъ такихъ словъ генерала, обнаруживалось внутреннее волненіе; но во время дѣла оно не было замѣтно. Напротивъ, онъ сидѣлъ спокойно на великолѣпномъ конѣ; его стройная, элегантная фигура виднѣлась издалека. Глаза слѣдили за движеніемъ войскъ, лицо было неподвижное; иногда только брови сдвигались и его звучный голосъ перебивалъ шумъ битвы и его приказы слышались далеко. Конечно, солдаты съ восторгомъ смотрѣли на такого командира и другіе находились, да и всё мы поддавали подъ влияніе его военного энтузіазма и геройской натуры.

О. Ф. Гейфельдеръ.

Иванъ Перф. Елагинъ

† 1793 г.

Н. Н. Лонгиновъ въ статьѣ „Русскіе писатели XVIII вѣка“ („Русская Старина“, томъ II, стр. 612—616) не увѣренно говоритъ о времени кончины оберъ-егермейстера и сенатора Ивана Перфильевича Елагина, относя ее больше къ 1796 году. Кн. Долгоруковъ въ Родословной книгѣ, ч. IV, стр. 402, годомъ кончины Елагина признаетъ 1796 г., а П. Н. Петровъ въ „Исторіи родовъ Росс. дворянства“, стр. 366, положительно свидѣтельствуется, что Елагинъ „умеръ за полтора мѣсяца до кончины Екатерины II“, т. е. 22 сент. 1796 г.

Представляемъ положительныя данныя о времени кончины Елагина, извлеченныя нами изъ переписки о его духовномъ завѣщаніи.

Въ 1787 г. Елагинъ просилъ утвержденія императрицы Екатерины II распоряженія его „объ оставленіи по смерти всего его движимаго и недвижимаго имѣнія въ полное и совершенное владѣніе супругѣ его Натальѣ Алексѣевнѣ, а по ней дочери его, дѣйствительной статской совѣтницѣ Александрѣ Ивановнѣ Бутурлиной, съ такимъ обѣихъ положеніемъ, чтобы имъ, довольствуясь доходами, ничего изъ недвижимаго не продавать и ни въ какія ерѣвности не укрѣплять, а оставить въ цѣлости учреждаемому во всемъ имѣніи наследнику, внуку Елагина, Перфилю Николаевичу Бутурлину“. На просьбу Елагина послѣдовало, 4 декабря 1787 г., высочайшее соизволеніе.

Послѣ кончины завѣщателя, послѣдовавшей не въ 1796 г., а 22 сентября 1793 г., двое изъ душеприкащиковъ: генераль-аншефъ Н. В. Рецинъ и тайный совѣтникъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ представили завѣщаніе умершаго въ сенатъ, испрашивая разрѣшенія на исполненіе воли завѣщателя, на что и послѣдовало соответственное распоряженіе 23 декабря 1793 г.

Изъ этого завѣщанія оказывается, что дочь И. П. Елагина—Александра Ивановна была за дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Ивановичемъ Бутурлинымъ; у нихъ былъ сынъ Перфілій Николаевичъ, въ 1793 г. малолѣтній, жившій и воспитывавшійся у дѣда, подъ надзоромъ гвернера Бекера, и, кажется, двѣ дочери—Наталья и Анна Николаевны, бывшія старше брата. Завѣщатель владѣлъ недвижимыми имѣніями въ С.-Петербургской губерніи и въ Псковскомъ и Полоцкомъ намѣстничествахъ и кромѣ того домомъ № 138, выходящимъ на Большую Морскую улицу и р. Мойку, оставленнымъ воспитанницѣ завѣщателя—Аннѣ Ивановой Байковой, вдовѣ бригадира. Елагинъ просилъ похоронить его въ Невскомъ монастырѣ, „близъ праха покойной дочери его“ (Марьи Ивановны, умершей въ дѣвцахъ, въ 1774 г.), „въ церкви, со владомъ отъ него созданной“, но ни завѣщатель, ни его дочь не значатся въ числѣ погребенныхъ въ этомъ монастырѣ по Петербургскому некрополю (прилож. къ „Русскому Архиву“ 1883 г.).

Извѣстно, что И. П. Елагинъ былъ женатъ на бывшей камеръ-юнгферѣ имп. Елисаветы Петровны („Русск. Стар.“ изд. 1870 г., т. II, стр. 612). Изъ завѣщанія мы видимъ, что супругу Елагина звали Натальей Алексѣевной, а изъ дворянской родословной книги С.-Петербургской губерніи за 1789 г., № 22, узнаемъ ее дѣвчью фамилію—Ратикова. Какъ оба супруга—Н. И. и А. И. Бутурлины, такъ и дѣти ихъ—сынъ Перфілій и дочери Наталья и Анна—не значатся ни въ Род. книгѣ кн. Долгорукова, часть II, ни въ Исторіи родовъ русскаго дворянства Петрова.

Г. С.

ВОСПОМИНАНІЯ ВРАЧА О М. Д. СКОБЕЛЕВѢ

1880—1881 гг.

III¹⁾.

Мы уже говорили о томъ, какъ Михаилъ Дмитриевичъ относился къ медицинѣ и гигиенѣ какъ частный человѣкъ; посмотримъ теперь какимъ образомъ онъ относился къ нимъ въ качествѣ военачальника; въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ, онъ дѣйствовалъ интеллигентно, но не послѣдовательно.

Когда я прибылъ въ Закаспійскій край въ началѣ августа 1880 года, то число больныхъ въ войскахъ, сосредоточенныхъ въ этой мѣстности, было весьма значительно, и Скобелевъ официально потребовалъ отъ меня, чтобы я выяснилъ причины столь непомернаго заболѣванія и указалъ мѣры, какія слѣдовало принять для борьбы съ этимъ зломъ. Вслѣдствіе этого я старался прослѣдить—какія именно обстоятельства, помимо непривычнаго климата, могли быть причиною этихъ многочисленныхъ случаевъ болѣзней. Съ этой цѣлью я неоднократно присутствовалъ лично при работахъ, производимыхъ солдатами, при ихъ выступленіяхъ и маршировкахъ, при изготовленіи и раздачѣ имъ пищи, осматривалъ ихъ палатки, кибитки и вообще какъ жилия помѣщенія, такъ и цейхаузы, отхожія мѣста и проч. Вмѣстѣ съ гарнизоннымъ врачомъ Журавлевымъ мы посѣщали не разъ солдатскія кибитки ночью и неоднократно присутствовали съ нимъ при разгрузкѣ командою судовъ. Наконецъ, я объѣхалъ часть Атрекской линіи

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LII, стр. 391—404; т. LIV, стр. 217—239.

Предыдущія двѣ главы Воспоминаній О. Ф. Гейфельдера были напечатаны по русскому тексту автора, III же и IV главы составляютъ переводъ съ нѣм. рукописи, исполненный, подъ руководствомъ автора, В. В. Тимошукъ.

Ред.

съ цѣлью осмотрѣть наши укрѣпленія съ ихъ околотками, и въ результатѣ всѣхъ этихъ наблюдений могъ отвѣтить на предложенный мнѣ вопросъ слѣдующее:

1) Войскамъ приходится работать слишкомъ много, они не имѣютъ достаточно времени для отдыха, для соблюденія чистоты своего тѣла и своихъ вещей; ѣдятъ они слишкомъ поспѣшно, тогда какъ простолюдинъ привыкъ вообще ѣсть медленно, а извѣстно, что слишкомъ торопливая ѣда не можетъ быть здоровою, къ тому же человѣкъ черезъ-чуръ утомленный не можетъ ѣсть съ аппетитомъ. Гарнизонамъ Чикишляра и маленькихъ укрѣпленій, расположенныхъ по Атрекской линіи, кромѣ занятій карауловъ и патрульной службы, приходится почти ежедневно конвоировать оканіи, перевозить грузы, доставляемые судами, работать въ провіантскихъ магазинахъ и производить рекогносцировки.

Поэтому слѣдовало бы увеличить численность всѣхъ гарнизоновъ, а для выгрузки судовъ, переноски тяжестей и для другихъ особенно утомительныхъ работъ, производимыхъ въ Чикишлярѣ и по Атрекской линіи, слѣдовало бы нанимать, по мѣрѣ возможности, рабочихъ-персіанъ. Было бы крайне полезно проложить рельсы отъ пристани къ госпиталю, къ провіантскому магазину и, если возможно, вплоть до границы песчаной мѣстности (верстъ за семь отъ Чикишляра), гдѣ дорога особенно утомительна и поэтому каждое передвиженіе войска или транспортированіе клади до крайности изнуряетъ людей и лошадей.

2) Нижніе чины живутъ черезъ-чуръ тѣсно и при дурныхъ условіяхъ; въ одной кибиткѣ слишкомъ мало мѣста для 25 человѣкъ, поэтому большинство ихъ проводитъ ночь подъ открытымъ небомъ. Войлоки (кошмы) слишкомъ коротки, такъ что босыя ноги спящихъ покоятся на пескѣ, а такъ какъ ночи бываютъ прохладныя и сырыя, то это влечетъ за собою простуду и вызываетъ заболѣванія органовъ брюшной полости.

Я предлагаю увеличить число кибитокъ, построить нары, раздать войскамъ войлоки большого размѣра и шерстяные набрюшники для ношенія при малѣйшемъ симптомѣ заболѣванія желудочно-кишечнаго канала.

3) Вода, получаемая изъ цистернъ, вырытыхъ въ пескѣ, солоновата и по простествіи нѣсколькихъ дней пріобрѣтаетъ гнилостный вкусъ и становится негодною для питья. Поэтому, пока стоитъ теплая погода, слѣдуетъ увеличить раціонъ чая и было бы полезно, по примѣру французовъ въ Алжирѣ, попробовать прибавлять къ водѣ немного водки или прямо давать солдатамъ хинную водку.

4) Необходимо разнообразить пищу. Въмѣсто баранины, употребляемой ежедневно, слѣдуетъ, время отъ времени, давать консервы, такъ какъ они оказываются вообще весьма хорошимъ подспорьемъ для разнообразія пищи. Было бы желательно, чтобы войскамъ раздавались свѣжіе плоды, которые легко доставлять изъ Персіи, изъ Ленкорана, изъ Петровскаго и изъ Астрахани. Во всѣхъ укрѣпленіяхъ слѣдуетъ устроить, по мѣрѣ возможности, хлѣбныя печи (съ нефтянымъ отопленіемъ), чтобы солдаты всегда получали свѣжій хлѣбъ.

5) слѣдуетъ увеличить околотки, помѣстивъ ихъ въ палаткахъ, и пополнить находящіяся при нихъ аптеки съ медикаментами; необходимо назначить отдѣльныхъ гарнизонныхъ врачей, и въ то же время особыхъ врачей, завѣдывающихъ военными линіями, обязанностью которыхъ было бы объѣзжать, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, всю линію, контролировать фельдшеровъ въ околоткахъ и подавать помощь больнымъ или препровождать ихъ въ госпиталю.

6) Правильное устройство отхожихъ мѣстъ, дезинфекція и засыпка оныхъ.

На этотъ докладъ Скобелевъ отвѣтилъ мнѣ, нѣсколько дней спустя, слѣдующее:

— «Всѣ ваши предположенія прекрасны и вполне цѣлесообразны, но они могутъ быть исполнены лишь съ нѣкоторыми ограниченіями. Гарнизоны не могутъ быть увеличены, ибо у меня нѣтъ болѣе войска, и я не хочу перевозить новыя части съ того берега до тѣхъ поръ, пока у меня не будетъ сосредоточено достаточно количество запасовъ. Рельсы къ госпиталю будутъ проложены, число кибитокъ будетъ увеличено, войлоки большого размѣра и шерстяные набрюшники будутъ розданы войскамъ. Солдаты предпочитаютъ пить водку и воду отдѣльно. Хинную водку приказано выдавать. Пища будетъ улучшена, но плодовъ не полагается. О хлѣбныхъ печахъ сдѣлано уже распоряженіе. Вопросъ объ околоткахъ и врачахъ можетъ быть рѣшенъ вами по вашему усмотрѣнію. Объ оздоровленіи отхожихъ мѣстъ отданъ приказъ».

Высказывая Михаилу Дмитріевичу мое удовольствіе и благодарность по поводу принятыхъ уже мѣръ, я обратилъ еще разъ его вниманіе на то, что если солдаты въ началѣ кампаніи будутъ слишкомъ изнурены, то этимъ мы подготовимъ почву для тифозныхъ заболѣваній, которыя безъ того въ видѣ эпидеміи развиваются обыкновенно по окончаніи походовъ; мы же систематично готовимъ войско къ подобному заболѣванію. На это генераль возразилъ:

— «Вы согласны, вѣроятно, съ тѣмъ, что я могу пожертвовать во время штурма 1,000 человѣкъ? Да или нѣтъ?»

— «Конечно, да! Нельзя идти на приступъ, не жертвуя людьми».

— «Вот видите! точно такими же жертвами войны являются и тѣ солдаты, которые стоятъ теперь на военной линіи и гибнутъ отъ болѣзни. Ихъ заслуга передъ отечествомъ не менѣ велика и пожертвовать ими точно также необходимо».

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ. Тѣмъ не менѣ, благодаря вышеупомянутымъ мѣрамъ, я могъ вскорѣ, къ удовольствію моему, замѣтить улучшеніе въ общемъ состояніи здоровья войскъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1880 г. я предпринялъ вторично поѣздку по Атрекской линіи, также съ цѣлью инспектированія, и встрѣтилъ по пути транспортъ больныхъ и раненыхъ на арбахъ; присмотрѣвшись къ способу перевозки и размѣщенію ихъ на почтовыхъ пароходахъ общества «Кавказъ и Меркурій», я счелъ долгомъ обратить особое вниманіе на улучшеніе системы эвакуаціи, такъ какъ этотъ транспортъ больныхъ и раненыхъ, ѣхавшихъ на открытыхъ арбахъ, не имѣя ни защиты отъ солнца, ни тюфяковъ для подстилки и никакой опоры для спины, къ тому же безъ теплой одежды, показался мнѣ слишкомъ жалкимъ даже для этой, еще мало устроенной, мѣстности. Такъ какъ арбы везли медленно, то имъ приходилось часто почевать на пути между двумя крѣпостями подъ открытымъ небомъ, ибо тутъ не было, и не могло быть, устроено никакихъ пріютовъ для ночлега; наконецъ, больныхъ размѣщали на почтовомъ пароходѣ гдѣ попало, частью подъ открытымъ небомъ, частью подъ палубой, такъ что они на дорогѣ, по большей части, не могли переодѣться и смѣнить бѣлье. Впрочемъ, на пароходахъ имѣлись для нихъ тюфяки и ихъ сопровождалъ фельдшеръ.

Я выработалъ обстоятельный планъ перевоза больныхъ и раненыхъ моремъ и сухимъ путемъ и, къ моему удовольствію, Скобелевъ и Петрусевиичъ одобрили его почти по всемъ пунктамъ. Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: предполагалось увеличить число ночлеговъ, снабдивъ для этой цѣли укрѣпленія и околотки всемъ необходимымъ, причемъ было желательно, чтобы Красный Крестъ устроилъ на свои средства на мѣстѣ ночлеговъ при пріемномъ покоѣ складъ теплой одежды, бѣлья, вина и т. под., на что камергеръ Балашовъ съ величайшею готовностью изъявилъ свое согласіе при каждомъ околоткѣ имѣть нѣсколько палатокъ для больныхъ, прибывающихъ съ эвакуаціонными транспортами; не отправлять ни одного транспорта безъ фельдшера, а большихъ транспортовъ безъ врача. Въ дорогу выдавать больнымъ валенки (ихъ было привезено и роздано 1,700 паръ), потребовать для перевозки раненыхъ рессорныя одноколки, какъ болѣе удобныя, и учредить въ двухъ прибрежныхъ пунктахъ, Чикишлярѣ и Красноводскѣ, эвакуаціонныя комиссіи. Я просилъ Скобелева исходатайствовать у Е. И. В. Великаго Князя Главнокомандующаго, чтобы одинъ

казенный пароходъ былъ предназначенъ специально для эвакуаціи больныхъ и приспособленъ для этой цѣли. Эвакуація по Атрекской линіи, а впоследствии и по Михайловской, должна была производиться, среднимъ числомъ, два раза въ мѣсяцъ, и одинъ разъ въ недѣлю слѣдовало отправлять больныхъ моремъ въ Баку или Петровское, чтобы прибрежные госпитали не переполнялись.

Еще въ теченіи сентября 1880 г. мнѣ было сообщено, что для больныхъ прислано 1700 паръ валенокъ и 200 рессорныхъ одноколокъ и что для эвакуаціи ихъ назначенъ пароходъ «Насръ-Эдинъ-Шахъ», и мнѣ предлагалось составить списокъ какимъ образомъ распредѣлить на разные пункты валенки и одноколки и лично отправиться въ Баку для осмотра парохода.

Мои доклады были отъ 5, 14, 15 и 21 сентября и Скобелевъ отвѣчалъ на нихъ официальными бумагами отъ 21 и 26 сентября же, упомянувъ о нихъ также въ приказѣ, отданномъ 16 ноября 1880 г. въ Дузь-Олумѣ за № 479.

Затѣмъ я устроилъ сначала при Чикишлярскомъ госпиталѣ, а впоследствии и при другихъ госпиталяхъ, особыя отдѣленія для выздоравливающихъ, посоветывалъ циркулярно врачамъ примѣнять при леченіи ранъ антисептической методъ и консервативную хирургию вообще, а также предписывалъ имъ производить лично наиболѣе серьезныя перевязки, не поручая ихъ, по старой принятой рутинѣ, фельдшерамъ. Во второмъ циркулярѣ я коснулся самыхъ принциповъ эвакуаціи и строгаго подбора больныхъ; третьимъ циркуляромъ предписалъ всемъ старшимъ врачамъ, гарнизоннымъ и полковымъ докторамъ обратить вниманіе на санитарное состояніе и дезинфекцію укрѣпленій, лагерныхъ стоянокъ, помѣщеній войскъ, госпиталей и отхожихъ мѣсть; для этой цѣли я тогда уже велѣлъ закупить дезинфекціонныя средства въ Баку.

Наконецъ, я отправился въ Баку, чтобы вмѣстѣ съ адмираломъ Свиньиннымъ обсудить мѣры для приспособленія парохода къ перевозкѣ больныхъ и чтобы устроить совместно съ городскимъ головою Деспотъ-Зеновичемъ помѣщеніе для эвакуируемыхъ больныхъ.

Кромѣ того, я выработалъ, вмѣстѣ съ отряднымъ интендантомъ, правила доставки и распредѣленія по госпиталямъ и лазаретамъ прибавочныхъ припасовъ, для улучшенія пищи: саго (Sago), пшеничные сухари, вино, коньякъ, сушеные фрукты и пр. Но такъ какъ 6-го октября отрядный интендантъ съ подчиненными ему чиновниками былъ устраненъ генераломъ Скобелевымъ отъ занимаемой имъ должности и затѣмъ уѣхалъ на тотъ берегъ, то мѣры, обсужденныя и одобренныя нами, остались, по большей части, мертвою буквою. Это столкновеніе

съ интендантствомъ слишкомъ характеристично, чтобы обойти его здѣсь молчаніемъ.

Въ концѣ сентября Скобелевъ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи сопровождать меня въ поѣздкѣ, предпринимаемой мною съ цѣлью инспектированія обѣихъ линій. Наши верховыя лошади, прислуга и конвой, состоявшій изъ 50 оренбургскихъ казаковъ, подъ командою поручика Карманова, были отправлены впередъ изъ Красноводска сухимъ путемъ въ Михайловскъ и далѣе въ Молла-Кари; вообще приготовления къ этой поѣздкѣ дѣлались съ какою-то особенною торжественностью, бросающеюся всякому въ глаза. Мы должны были слѣдовать на маленькомъ пароходѣ, какъ вдругъ, въ субботу, Михайлъ Дмитріевичъ сообщилъ мнѣ конфиденціально, что мнѣ придется отправиться одному; онъ просилъ меня собраться налегкѣ и встрѣтиться съ нимъ какъ можно скорѣе въ Чикишлярѣ, куда онъ отправляется на пароходѣ съ цѣлью напасть внезапно на тамошнихъ интендантскихъ чиновниковъ. По Михайловской линіи не было сообщено объ измѣнившейся диспозиціи, такъ что на Михайловской пристани готовилась торжественная встрѣча. Отъ насъ только узнали, что Скобелевъ не пріѣхалъ и не пріѣдетъ.

Такъ какъ мнѣ было приказано поспѣшить, то я отправился немедленно съ приготовленнымъ для Скобелева поѣздомъ далѣе до Молла-Кари. Тамъ около рельсовъ стоялъ наготовѣ конвой, верховая лошадь генерала и его слуга, а также моя лошадь и мой казакъ; и тутъ то-же всеобщее изумленіе, тѣ же разспросы о томъ куда дѣвался Скобелевъ, и такъ всю дорогу (случилось даже въ одномъ мѣстѣ, что комендантъ укрѣпленія началъ мнѣ рапортовать о состояніи гарнизона, прежде нежели я успѣлъ произнести: я не генералъ Скобелевъ). Завидѣвъ издали ожидаемый многочисленный конвой, въ крѣпостяхъ и лагеряхъ били тревогу и вездѣ устраивали намъ торжественную встрѣчу. Между тѣмъ Михайлъ Дмитріевичъ прибылъ совершенно неожиданно въ Чикишляръ и достигъ цѣли, захвативъ тамъ всѣхъ врасплохъ. Послѣдовавшій вслѣдъ затѣмъ отъѣздъ интендантства повлекъ за собою многія неудобства, но эффектъ этой поѣздки Скобелева былъ въ ту минуту поразительный. Съ Михайловской и Атрекской линіи распространился одновременно слухъ о томъ, что и тутъ, и тамъ видѣли Скобелева; говорили, что онъ ѣдетъ черезъ Михайловскъ въ Бами, а между тѣмъ онъ съ быстротою молніи появился одновременно и на другой линіи. Туркмены считали это за чудо и, во всякомъ случаѣ, этотъ остроумный маневръ произвелъ на всѣхъ такое впечатлѣніе, что Скобелевъ какъ будто вездѣ можетъ быть одновременно.

Тѣ 200 больничныхъ повозокъ, о которыхъ было говорено выше, никогда не были получены въ полности, а тѣ изъ нихъ, которыя прибыли, наконецъ, — были переданы въ вѣдѣніе Краснаго Креста. Во все время похода я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни одной одноколки. Недостатокъ перевозочныхъ средствъ оказался большимъ неудобствомъ для военно-медицинскаго вѣдомства; за то, при энергичномъ содѣйствіи Михайла Дмитріевича и генерала Петрусевича, мнѣ удалось достигнуть нѣкоторыхъ весьма важныхъ улучшеній по части гигиены. Переполненные тюрьмы Красноводска были частью очищены отъ арестантовъ; частью освобождались и провѣтривались тѣмъ, что заключенныхъ стали выводить на работы; число отхожихъ мѣстъ, слишкомъ недостаточное для столь огромнаго стеченія войска, было увеличено и они устроены болѣе рациональнымъ образомъ; крайне неудовлетворительныя помѣщенія для семейныхъ солдатъ мѣстнаго батальона приспособлены болѣе цѣлесообразно и частью замѣнены новыми строениями. Но вообще говоря, я не встрѣтилъ особенной симпатіи къ гигиенѣ, даже и Скобелевъ не признавалъ того принципа, что слѣдуетъ предотвращать болѣзни у отдѣльныхъ личностей точно также, какъ и въ цѣломъ отрядѣ.

Въ иныхъ случаяхъ помѣхою моимъ требованіямъ являлись и нѣкоторыя побочныя обстоятельства, а Михайлъ Дмитріевичъ уступалъ то тѣмъ, то другимъ влияніямъ. Такъ, напр., нами было рѣшено соорудить барачный госпиталь новѣйшей конструкціи (одинъ выстроенъ былъ уже при Тергукасовѣ въ Чикишлярѣ) въ Михайловскѣ, начальномъ пунктѣ желѣзной дороги: 1) потому что тамъ не было ничего подобнаго, тогда какъ въ Красноводскѣ зданія мѣстнаго лазарета были обращены подъ госпиталь; 2) такъ какъ необходимо было имѣть болѣе обширное и рационально приспособленное помѣщеніе для больныхъ въ томъ пунктѣ, куда прибывали всѣ транспорты раненыхъ сухимъ путемъ для пересадки на суда. Начальникъ области, генералъ Петрусевичъ, имѣвшій жительство въ Красноводскѣ, высказалъ съ своей стороны мнѣніе, что всѣ постоянныя строенія и зданія должны были воздвигаться именно въ этомъ пунктѣ, т. е. въ Красноводскѣ, гдѣ они могли служить болѣе продолжительное время, и какъ опытный администраторъ, онъ изложилъ свое мнѣніе письменно и далъ его къ подписи Скобелеву; когда-же я возвратился изъ Баку, то вопросъ оказался окончательно рѣшеннымъ. Съ величайшимъ трудомъ удалось мнѣ достигнуть того, что рѣшеніе было измѣнено настолько, что и въ Михайловскѣ сооружено три барака, оказавшіяся весьма полезными впослѣдствіи при возвращеніи войскъ изъ похода и во время тифозной эпидеміи. Врачебному и административному персоналу госпиталя, однако, пришлось

въ Михайловскѣ помѣщаться въ вагонахъ, предоставленныхъ въ наше распоряженіе генераломъ Анненковымъ. Послѣдній строго примѣнялъ на дѣлѣ всѣ гигиеническія мѣры, которыя были выработаны нами сообща для тыла и для желѣзной дороги. О Петрусевичѣ я долженъ здѣсь замѣтить, что на основаніи вышеприведеннаго случая не слѣдуетъ выводить неблагоприятнаго заключенія о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ или о его характерѣ. Онъ былъ превосходный администраторъ, человѣкъ опытный, серьезный и послѣдовательный, съ которымъ всегда было пріятно работать и имѣть дѣло. То, что съ одной стороны было его преимуществомъ, именно, что онъ совершенно сжился и освоился съ азіатскими порядками и обычаями, было съ точки зрѣнія гигиены его недостаткомъ; въ теченіи многихъ лѣтъ онъ свыкъся съ азіатскою нечистоплотностью, она его уже не такъ беспокоила, какъ насъ, и онъ находилъ часто мои требованія, касательно принятія гигиеническихъ мѣръ, преувеличенными. За то находились и такіе люди, частные интересы коихъ нарушались известными мѣропріятіями (таково было, по крайней мѣрѣ, всеобщее убѣжденіе въ отрядѣ) и которые поэтому энергично возставали противъ оныхъ.

Иной разъ Скобелевъ отказывалъ мнѣ въ моей просьбѣ о принятіи нѣкоторыхъ гигиеническихъ мѣръ просто изъ каприза или потому, что не сознавалъ всю пользу и важность гигиены. Слѣдующій планъ, выработанный мною, былъ выполненъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ удовлетворительно, но многое въ немъ осталось безъ всякаго примѣненія.

Предполагалось: 1) совершенно оставить Шать, отличающийся дурнымъ климатомъ и злокачественными мѣстными условіями, какъ пунктъ, послужившій могилою для многочисленныхъ труповъ въ 1879 г.

2) Относительно Бендесена, превратившагося послѣ разоренія туркменскаго водопровода въ болото, на которомъ развивались эндемическія болотныя лихорадки, я просилъ Михаила Дмитріевича дать въ мое распоряженіе на одну недѣлю небольшую команду саперъ для исправленія водопровода и осушки почвы. Скобелевъ отвѣтилъ письменно на мой докладъ отъ 15 октября 1880 г., что онъ надѣется въ скоромъ времени совершенно оставить это ужасное мѣсто и что, слѣдовательно, никакія особенныя мѣры для его ассенизаціи не полагаются. Однако, это не осуществилось; Бендесень остался лагерной стоянкой, прекрасные луга такъ и остались болотомъ и лихорадка свирѣпствовала тамъ постоянно.

3) Примѣнить всѣ мѣры, выработанныя относительно улучшенія пищи и чистоты, къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ и къ киргизамъ, вожакамъ каравановъ. Первое было исполнено надлежащимъ образомъ завѣдывавшимъ постройкою желѣзной дороги, генераломъ

Анненковымъ, а второе требованіе вызвало приказы Скобелева за № 457 изъ Дузь-Олума отъ 14 ноября 1880 г. и за № 479, оттуда-же, отъ 16 ноября 1880 г.

Въ это время, изъ Красноводска въ Михайловскъ, по безводной мѣстности часто отправлялись караваны верблюдовъ, которые постоянно конвоировались войсками. Скобелевъ, не жалѣя своихъ ординарцевъ, посылалъ ихъ по-очереди съ этими скучными транспортами и они должны были совершать этотъ утомительный переѣздъ, не смотря на сильную жару; воздухъ былъ весьма сухой и мы всѣ иногда страдали кровотеченіемъ изъ носа, иные начали харкать кровью, у иныхъ открылся геморрой. Настала очередь вести подобный транспортъ поручику Абадзіеву, храброму осетину и любимцу генерала, когда онъ сообщилъ мнѣ, что у него уже нѣсколько дней идетъ кровь носомъ. Я прописалъ ему принимать внутрь кислоту и употреблять наружно какое-то кровоостанавливающее средство, но посоветовалъ отказаться отъ поѣздки въ степь. «Лучше умереть, нежели отказаться»,—отвѣчалъ онъ. Молодой человѣкъ былъ высокаго роста, худощавъ и отнюдь не крѣпкаго тѣлосложенія, такъ что для него подобное продолжительное кровотеченіе могло быть опаснымъ. Зайдя къ нему въ то время, когда онъ собирался въ предстоящій путь, я засталъ его почти въ обморокѣ послѣ обильнаго кровотеченія и тотчасъ поспѣшилъ къ Скобелеву и попросилъ его отсрочить, ради Абадзіева, отправку транспорта, которому надлежало выступить въ ту-же ночь, или назначить на его мѣсто другаго.

— «Кто-же станетъ такъ нѣжничать съ молодыми военными? Пусть идетъ, вѣдь онъ отъ этого не умретъ».

Когда-же я сталъ настаивать, то генералъ рассердился.

Абадзіевъ отправился съ своей колонной. Я далъ ему съ собою Pênhavag - Djambi, одно очень вѣрное индійское кровоостанавливающее средство, сдѣлалъ ему надлежащія наставленія и съ спокойствомъ простился съ нимъ. Но на слѣдующее утро онъ былъ привезенъ обратно въ Красноводскій госпиталь, при смерти. Вслѣдствіе тряски при верховой ѣздѣ, кровотеченіе усилилось у него до того, что онъ потерялъ сознание; казаки сняли его съ лошади и внесли обратно въ госпиталь. Скобелевъ былъ крайне встревоженъ и убѣдительно просилъ меня сдѣлать все возможное для больного и нѣсколько разъ освѣдомлялся съ тревогой не угрожаетъ ли опасность его жизни. Благодаря мѣрамъ, немедленно принятымъ главнымъ врачомъ госпиталя, докторомъ Горбачевскимъ, абсолютному покою и тщательному уходу, Абадзіевъ былъ спасенъ; однако, ему не посчастливилось и впоследствии: 4-го января 1881 г. онъ былъ тяжело

раненъ подъ Геокъ-Тепе, а въ 1882 г. самъ сломалъ себѣ руку въ Пятигорскѣ ¹⁾. Впрочемъ, ему удалось благополучно отдѣлаться и отъ этого третьяго несчастнаго случая.

Конечно, случались и веселые эпизоды въ нашей жизни, въ которой, впрочемъ, красной ниткой протянулась разница между огненной отвагой и небрежностью Скобелева и моими требованиями во имя гигиены, медицины и предупредительныхъ мѣръ.

15-го сентября 1880 г. Скобелевъ отправился изъ Красноводска (см. приказъ отъ 15-го сентября за № 297), съ цѣлью посѣтить верблюжій лазаретъ, помѣщавшійся близъ Молла-Кари, предварительно обратившись ко мнѣ съ просьбою снабдить его медикаментами для многочисленныхъ больныхъ верблюдовъ и хотѣлъ взять ихъ съ собою вечеромъ того же самаго дня.

«Я не имѣю права отпускать лекарства изъ военной аптеки для ветеринарныхъ цѣлей», возразилъ я.

— Почему это? воскликнулъ генералъ и глаза его засверкали уже гнѣвомъ.

«Это строго воспрещено приказомъ военнаго министра, изданнымъ въ 1878 году».

— Но если я прикажу, то вы должны будете исполнить.

«Въ такомъ случаѣ я попрошу письменнаго предписанія о выдачѣ пока лекарствъ изъ аптеки, а вмѣстѣ съ тѣмъ прошу объ отпускѣ денегъ на закупку ихъ въ Баку».

— Получите, все получите, только устройте такъ, чтобы я до вечера имѣлъ все нужное и не явился бы туда съ пустыми руками.

«Хорошо, будетъ исполнено. Но прошу васъ сказать мнѣ, въ какихъ именно лекарствахъ вы нуждаетесь? Что даютъ верблюдамъ?»

Мы смотрѣли другъ на друга въ крайнемъ смущеніи. Гнѣвъ, Скобелева уже улегся и онъ готовъ былъ шутить и смѣяться.

— Да, да, я забылъ, вы никогда не имѣли дѣла съ верблюдами, сказалъ онъ по нѣмецки, а по нѣмецки верблюдъ Kameel называется тяжелый человѣкъ.

«Дѣло-то съ верблюдами приходилось имѣть, но я никогда не лечилъ ихъ, не знаю какими они страдаютъ болѣзнями. Въ универ-

¹⁾ Абадзіевъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ лечиться отъ всѣхъ поврежденій, полученныхъ во время экспедиціи, и лежалъ въ военномъ госпиталѣ опять подъ моимъ наблюдениемъ. Ординаторъ заставилъ его дѣлать пассивную гимнастику для извлечения анкилоза локтя. Но нашъ молодой герой дѣлалъ гимнастику такъ усердно, что онъ правой рукой самъ себѣ отломилъ лѣвое предплечіе. О. Г.

ситетѣ, въ которомъ мнѣ пришлось учиться, намъ не читали о верблюжьихъ недугахъ, а еще менѣе о способѣ ихъ леченія.»

— Хотя мнѣ и пришлось видѣть на своемъ вѣку тысячу верблюдовъ, возразилъ, въ свою очередь, Скобелевъ, но я никогда не думалъ о томъ, чѣмъ они могутъ болѣть.

Мы расхохотались; я началъ приставать къ нему, чтобы онъ постарался припомнить, какъ выглядѣли больные верблюды, страдали ли они болѣе внутренними или наружными болѣзнями.

— Разумѣется, наружными, половина ихъ, по крайней мѣрѣ, была съ побитыми спинами.

«Если такъ, то мы съ верблюдами выйдемъ изъ затрудненія, они всѣ, поголовно, будутъ подвергнуты Листеровской перевязкѣ».

Мы разстались въ веселомъ настроеніи. Я созвалъ консиліумъ изъ всѣхъ компетентныхъ лицъ: фармацевтовъ, врачей, киргизовъ, каравацъ-пашей и драгомановъ. Кромѣ большихъ тюковъ съ перевязочными средствами, были изготовлены антисептическія и даже нѣкоторыя внутреннія средства и препровождены на пароходъ. Въ 9 часовъ вечера я доложилъ Скобелеву, что все готово, прибавляя: «хотя я и не получалъ еще ничего письменнаго».

Тогда, открывая двери въ канцелярію, генералъ закричалъ:

— Напишите-ка отрядному врачу приказъ и подайте мнѣ немедленно его къ подписи, чтобы онъ не докладывалъ мнѣ болѣе съ такимъ серьезнымъ видомъ, что все исполнено, хотя онъ не получалъ еще письменнаго приказанія.

При этомъ онъ передразнилъ съ неподражаемымъ юморомъ, какъ я, подобно Шейлоку, дрожу надъ моей бумагой. Въ подобныхъ шуткахъ онъ былъ неотразимо любезенъ, но всякій знакомый съ служебными порядками пойметъ, какъ я былъ доволенъ, имѣя, наконецъ, въ рукахъ письменное приказаніе.

Современныя правила антисептическаго метода никакъ не вязались съ рутинными взглядами киргизъ погонщиковъ, и не повели къ желаемому результату. Вслѣдъ за этимъ первымъ періодомъ нѣжной заботливости объ этихъ терпѣливыхъ и полезныхъ вьючныхъ животныхъ была принята и примѣнена къ дѣлу совершенно иная метода; хотя она затрогивала въ значительной степени область гигиены, однако, никому не пришло въ голову спросить по этому поводу мнѣніе врачей, а когда я высказалъ свой взглядъ, то меня, просто-на-просто, не стали слушать, сдѣлавъ мнѣ упрекъ въ томъ, что я во все вмѣшиваюсь.

Итакъ, было рѣшено вовсе не кормить верблюдовъ, а пользоваться ими до тѣхъ поръ, пока они не падутъ отъ истощенія,

въ виду того, что прокормъ 20,000 этихъ крупныхъ животныхъ долженъ былъ обойтись слишкомъ дорого. Было высчитано, что верблюдъ безъ корма и безъ всякаго ухода можетъ совершить 2 раза путь отъ берега моря до Бами и обратно, т. е. можетъ совершить 4 рейса, а иногда 5 и даже 6, и въ такомъ случаѣ стоимость его должна была окупиться. Такимъ образомъ, дали гибнуть этимъ несчастнымъ животнымъ сотнями и тысячами, а всякій павшій верблюдъ такъ и оставался на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ испустилъ дыханіе¹⁾, и вслѣдствіе этого наши главныя коммуникаціонныя линіи были вскорѣ до того усеяны верблюжьими трупами, что они могли служить путевыми столбами въ пустынѣ. Отъ нихъ распространялся невыносимый запахъ, хуже всякаго инаго трупнаго запаха, который вызывалъ тошноту, и въ періодъ дождей, въ ноябрѣ и мартѣ, усилился до того, что, проѣзжая по этому пути, въ особенности, въ мѣстности между Кизиль-Арватомъ и Бами и близъ Бендесена, приходилось затыкать себѣ носъ. Меня тревожила мысль о вредѣ, который это обстоятельство могло причинить госпиталямъ, транспортамъ больныхъ и мимо проходящимъ войскамъ, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ мѣстахъ имъ приходилось почевать среди павшихъ верблюдовъ. Вдобавокъ, эти разлагающіеся трупы заражали цистерны, а собаки, которыя катались по нимъ и пожирали ихъ, положительно могли распространить заразу между людьми. Мои опасенія и замѣчанія, вызванныя ими, были оставлены безъ вниманія и мнѣ было замѣчено, что моя европейская боевая опытность не принимается въ центральной Азіи. Но каждый опытный хирургъ понимаетъ, какое вліяніе это обстоятельство должно имѣть на исходъ ранъ.

Лишь весною, когда наибольшій вредъ былъ уже причиненъ, я достигъ того, что озаботились объ уборкѣ этихъ труповъ на главной линіи, что вошло въ кругъ большихъ ассенизаціонныхъ работъ, предпринятыхъ подъ Геокъ-Тепе и по линіямъ.

Иной разъ случалось, что верблюдъ, павшій подъ тяжестью непосильной ноши и брошенный какъ мертвый, пролежавъ нѣсколько времени и собравшись съ силами, успѣвалъ дотащиться до какого нибудь мѣстечка, поросшаго травой. Жесткая и сухая степная трава служитъ роскошной пищей этимъ животнымъ, способнымъ удовольствоваться весьма малымъ. Если подоспѣвали на помощь осенніе или весенніе дожди, то раны на спинѣ верблюдовъ очищались и зажи-

¹⁾ Вслѣдствіе того, что верблюды околѣвали тысячамъ отъ голода, сдѣлался немислимымъ контроль относительно того, сколько ихъ вообще поупало. Намъ оставалось только настаивать на уборкѣ ихъ труповъ.

али, благодаря этой естественной промывкѣ; они находили достаточно воды для питья и выздоравливали вполне. Вслѣдствіи намъ случалось встрѣчать въ степи великолѣпные экземпляры подобныхъ верблюдовъ, у которыхъ на волѣ отросли прекрасныя гривы и все тѣло покрылось густою шерстью, но они сторонились при нашемъ приближеніи. Признаюсь, меня всегда радовало, когда какому нибудь изъ этихъ добрыхъ и полезныхъ животныхъ удавалось пережить голодную смерть, пережить, такимъ образомъ, людское жестокосердіе и жажду къ живиѣ.

Правъ былъ Н. И. Пироговъ, говоря, что, во время войны, хорошая администрація важнѣе всей медицины такъ какъ послѣдняя безъ нея безсилна. Вопросъ о перевозочныхъ средствахъ былъ и остался однимъ изъ важнѣйшихъ, существеннѣйшихъ вопросовъ всей экспедиціи.

Между тѣмъ какъ мы провели сентябрь мѣсяцъ и начало октября 1880 г. безъ всякаго движенія въ Красноводскѣ, я вытребовалъ съ противоположнаго берега госпиталь № 4-й, занялся его окончательнымъ устройствомъ и ознакомился со служащими въ немъ. Онъ предназначался для отправки съ войсками впередъ (стоялъ впоследствии въ Самурскомъ и затѣмъ въ Геокъ-Тепе), былъ устроенъ на 400 кроватей и снабженъ всею въ изобиліи. Я былъ, однако, крайне смущенъ, увидѣвъ деревянную мебель, заказанную интендантскимъ вѣдомствомъ одному бакинскому столыру. Она была превосходно сдѣлана и красива на взглядъ, но велика и тяжела, такъ что объ ея перевозкѣ и установкѣ въ степи не могло быть и рѣчи. Чтобы свезти ее съ мѣста, пришлось бы, по крайней мѣрѣ, продѣлать въ шкапахъ по 4 дыры для ногъ верблюдовъ и надѣть на этихъ животныхъ подобно футляру. Часть этихъ деревянныхъ вещей я приказалъ разобрать, часть оставить на мѣстѣ. Подготовивъ такимъ образомъ госпиталь къ транспорту, я попросилъ у Скобелева разрѣшенія отправить его въ Бами, куда дороги свободны, земля суха и погода хороша, чтобы госпиталь былъ уже на мѣстѣ, когда начнется общее передвиженіе войскъ. Въ то же время я просилъ потребовать на его мѣсто въ Красноводскѣ, изъ Петровска, оба дивизионные лазарета для того, чтобы я могъ точно также ознакомиться со служащими въ немъ и съ матеріальной частью и имѣлъ бы возможность пополнить то, въ чемъ окажется недостатокъ. Въ обѣихъ просьбахъ мнѣ было отказано.

— «Въ октябрѣ будетъ готова желѣзная дорога до половины Михайловской линіи, тогда все будетъ перевезено сразу и безъ затрудненія. Дивизионные же лазареты придутъ одновременно съ войсками 19-й дивизіи» — былъ отвѣтъ Михаила Дмитриевича.

Дня три спустя я возобновилъ свою просьбу, такъ какъ при осмотрѣ

желѣзной дороги я убѣдился въ чрезвычайной трудности постройки ея на зыбучемъ песку и не разсчитывалъ на столь быстрое ея окончаніе. Этотъ разъ Скобелевъ сказалъ мнѣ:

— «Баминскій гарнизонъ будетъ уменьшенъ до минимума, даже офицерскія лошади будутъ выведены оттуда съ тою цѣлью, чтобы сосредоточенные тамъ запасы не были истреблены людьми и лошадьми, чтобы ихъ могло накопиться достаточное количество для продовольствія 7,000 человекъ на два мѣсяца. Безъ соблюденія этой мѣры предосторожности нечего и думать о движеніи войскъ далѣе. При такихъ обстоятельствахъ нельзя увеличивать числа живущаго тамъ госпитальнаго персонала».

Не смотря на это заявленіе, я все-таки предложилъ отправить госпиталь № 4-й, такъ какъ ему пришлось бы около 2 недѣль быть въ дорогѣ, а разъ доставленный до Бама онъ могъ быть тамъ оставленъ подъ присмотромъ лишь одного чиновника. Тогда Михаилъ Дмитріевичъ разсердился, сталъ жаловаться на мое упрямство и на то, что я хочу принимать мѣры уже за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Когда же я попытался еще разъ настаивать на моемъ мнѣніи, то онъ сослался на свой авторитетъ и отвѣтственность въ качествѣ командующаго войсками. Я замолчалъ, придерживаясь всегда того правила ¹⁾, что врачи должны подчиняться на войнѣ военному начальству. Однако, въ данномъ случаѣ, послѣдствія показали насколько мое предложеніе было цѣлесообразно. Во-первыхъ, врачи и другіе служащіе при госпиталѣ абсолютно не имѣли никакого занятія, и поэтому послѣдніе (не врачи) предались картежной игрѣ и были, наконецъ, задержаны въ игорномъ домѣ, принадлежавшемъ одному армянину. Скобелевъ ненавидѣлъ карты и сначала хотѣлъ выслать всѣхъ уличенныхъ въ азартной игрѣ на другой берегъ, но въ концѣ концовъ предоставилъ мнѣ самому распорядиться съ лицами, состоявшими въ моемъ вѣдѣніи, и дѣло ограничилось однимъ выговоромъ. Если бы они были отпращены въ Бама, то этого скандала не случилось бы. Содержатель игорнаго дома былъ высланъ назадъ въ Баку и по войскамъ отданъ слѣдующій приказъ:

«Красноводскъ, 1-го октября 1880 г., № 351. Замѣчено мною, что нѣкоторые офицеры предаются картежной игрѣ. Прошу начальниковъ частей и управленій принять мѣры къ прекращенію сего, предупредивъ гг. офицеровъ и чиновниковъ, что замѣченные въ картежной игрѣ будутъ высланы изъ края».

¹⁾ См. О. Гейфельдеръ, Карманная книжка военно-полевой хирургіи. С.-Петербургъ, 1879.

Когда началось, наконецъ, движеніе войскъ впередъ, то артиллерія, пѣхота, снаряды и госпитальныя вещи сталкивались въ дорогѣ и мѣшали другъ другу; желѣзная дорога была окончена лишь до Ахча-Кіума; весь остальной путь приходилось совершать пѣшкомъ и возить грузы на верблюдахъ. Дѣло не шло на ладъ. По приказанію командующаго войсками, всѣ громоздкіе предметы были оставлены по пути и вмѣсто того, чтобы имѣть, какъ я желалъ уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, полный госпиталь въ Бама, едва-едва въ декабрѣ были доставлены, кромѣ персонала, только палатки, бѣлье, мягкія вещи и кое-какія принадлежности, но не было никакихъ деревянныхъ предметовъ—недостатокъ, который мы терпѣли во все время экспедиціи.

Что касается лазаретовъ, то они не прибыли вмѣстѣ съ войскомъ, а нѣсколько поздне и также были вынуждены оставить по дорогѣ половину своего имущества, и были слишкомъ поздно готовы для пріема больныхъ. Много разъ пришлось намъ пожалѣть о томъ, что Скобелевъ не привелъ моего плана въ исполненіе, и онъ самъ сердился на каждое замедленіе и неудобство, вытекавшее изъ этого обстоятельства. Въ половинѣ ноября 1880 г., когда онъ убѣдился, наконецъ, въ томъ, что желѣзная дорога не можетъ быть выстроена такъ скоро, какъ онъ считалъ это возможнымъ и желательнымъ, былъ отданъ приказъ о выступленіи и на обѣихъ военныхъ дорогахъ началась поспѣшная перевозка вещей. Но хорошее и сухое время уже миновало, начались осенніе дожди и глинистая почва степи превратилась въ липкую, мягкую массу, по которой верблюды совсѣмъ не могли двигаться; если же ихъ все-таки принуждали идти, то они ложились на землю, а когда ихъ били и понукали, то бѣдныя животныя кричали, но не подымались съ мѣста и доказали этимъ на дѣлѣ, что при своихъ мягкихъ копытахъ и съ тяжестью на спинѣ они не въ состояніи идти по мягкой глинѣ. Приходилось уменьшать обычную ношу верблюда, распредѣляя ее на 2, на 3 животныхъ. Каждая перегрузка задерживала караванъ на часъ времени, такъ что онъ проходилъ въ день не болѣе нѣсколькихъ верстъ, причѣмъ люди и животныя истощались до крайности. Вслѣдствіе этого одинъ стеной комендантъ, послѣ дождливой ночи, однажды вовсе не выступилъ въ путь съ своимъ караваномъ, везшимъ аммуницію, и донесъ объ этомъ по начальству. Михаилъ Дмитріевичъ окончательно вышелъ изъ себя отъ гнѣва; онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, игнорировать природу и ея законы. Комендантъ этотъ былъ подвергнутъ трехдневному аресту и лишился мѣста, начальникъ военной линіи получилъ выговоръ и, кромѣ того, былъ отданъ приказъ (Дузъ-Олумъ, 13 ноября 1880, за № 445), въ которомъ всѣмъ «недостаточно сильнымъ духомъ и тѣломъ» предлагалось лучше добровольно возвратиться, нежели дѣлать подобныя упущенія по службѣ.

Когда въ Дузь-Олумъ прибыло нѣсколько колоннъ съ сухарями, съ аптечными предметами и артиллерійскими снарядами, то было приказано все это разгрузить и оставить тутъ временно, а на всѣхъ имѣвшихся верблюдахъ отправить одни лишь снаряды. Къ сожалѣнію, начальникамъ, коихъ распоряженіе это касалось, не было сообщено о немъ, и такъ какъ единственный человѣкъ, знавшій объ этомъ, генералъ Петрусевичъ, скончался 23 декабря 1880 г., т. е. ранѣе, нежели онъ успѣлъ потребовать эти запасы, то они пролежали безъ всякой пользы въ магазинѣ Дузь-Олума до весны 1881-го года.

Да, да, Николай Ивановичъ Пироговъ былъ правъ: администрація главная вещь въ военное время, а для врачей надобно пожелать поболѣе самостоятельности и самоуправленія. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы являемся лишь страдательнымъ лицомъ. Когда настанетъ, наконецъ, время, въ которое гигиена приобрѣтетъ право гражданства, тогда, по всей вѣроятности, врачи будутъ принимать участіе во всѣхъ военныхъ совѣщаніяхъ и голосъ ихъ не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, когда они будутъ указывать на опасности, угрожающія здоровью войскъ.

Распредѣленіе госпиталей и санитарнаго персонала происходило по слѣдующему плану. Въ начальныхъ пунктахъ обѣихъ военныхъ линій, служившихъ въ то же время и пристанями для пароходовъ, именно въ Красноводскѣ и Чикишлярѣ, находились госпитали на 200 кроватей каждый; главный врачъ госпиталя былъ въ то же время членомъ эвакуаціонной комиссіи и начальникомъ дезинфекціонной камеры; старшій ординаторъ былъ въ то же время гарнизоннымъ врачомъ и состоялъ врачомъ при начальникѣ военного пути; одинъ изъ младшихъ ординаторовъ красноводскаго или чикишлярскаго госпиталя сопровождалъ по очереди транспортъ больныхъ при переправѣ черезъ море. Слѣдующіе два госпиталя находились въ Михайловскѣ, начальномъ пунктѣ желѣзной дороги, и въ Бами, мѣстѣ пересѣченія обѣихъ главныхъ военныхъ дорогъ; пятый большой госпиталь, находившійся въ Самурскомъ, служилъ приемникомъ больныхъ и раненыхъ изъ-подъ Геокъ-Тепе, гдѣ, въ свою очередь, имѣлось два лазарета; кромѣ того, лазареты находились еще въ Дурунѣ, въ Ходшамъ-Калѣ, Кизиль-Арватѣ, Моллахъ-Карц, а въ Дузь-Олумѣ былъ полугоспиталь. Въ другихъ укрѣпленныхъ пунктахъ находились околотки; такимъ образомъ, превосходно была обезпечена эвакуація и помѣщеніе больныхъ и раненыхъ.

IV.

Весьма естественно, что у насъ со Скобелевымъ нерѣдко заходила рѣчь о войнѣ in abstracto и о войнѣ in concreto. Когда мы бесѣдовали съ глазу на глазъ, Скобелевъ говорилъ серьезно, разсудительно и иногда съ искреннимъ, глубокимъ чувствомъ; не всѣ эти разговоры могутъ уже въ настоящее время быть преданы гласности; нѣкоторыя сокровенныя мысли его и отдѣльныя замѣчанія, высказанныя имъ въ интимной бесѣдѣ, не предназначались вообще для постороннихъ и я считаю долгомъ передъ покойнымъ и передъ самимъ собою не разоблачать ихъ, но полагаю возможнымъ передать здѣсь то, что говорилось имъ не конфиденціально или же въ присутствіи постороннихъ, тѣмъ болѣе, что Скобелевъ принадлежитъ исторіи, а слѣдовательно всѣ его слова и поступки должны быть ея достояніемъ; я считаю себя въ правѣ сдѣлать это тѣмъ болѣе, что не разъ и въ шутку, и серьезно я говорилъ ему, что пишу замѣтки и намѣренъ начертать его образъ для потомства.

Относясь сочувственно къ тому, что я началъ карьеру военнымъ хирургомъ въ польскую кампанію 1863 года, участвовалъ во франко-прусской (1870—1871 гг.) и русско-турецкой (1877—1878 гг.) войнахъ и считалъ свою дѣятельность во время этихъ кампаній самою плодотворною и лучшею эпохою моей жизни,—Скобелевъ, въ то же время, никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что въ принципѣ я былъ противъ войны, тогда какъ она казалась ему самымъ высшимъ и достойнымъ проявленіемъ жизни. Онъ скучалъ, когда вокругъ него не свистали пули, и тотчасъ по окончаніи похода начиналъ уже мечтать о слѣдующей борьбѣ. Однажды, въ подобную минуту, я сказалъ ему:

«Если бы это было въ моей власти, то всѣ тѣ лица, отъ коихъ зависитъ рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, прикомандировывались бы недѣль на шесть къ любому военному госпиталю, чтобы быть свидѣтелями всего, что тамъ дѣлается и переживается: они должны бы присутствовать при перевязкѣ раненыхъ, испытывать на себѣ ночныя дежурства, болѣть душою за тяжело раненыхъ и искалѣченныхъ, видѣть и пережить скорбь всего врачебнаго персонала, когда раненый, котораго долгое время лечили и оспаривали у смерти, умираетъ, не смотря на всѣ старанія, и остается только отдать ему послѣдній долгъ, а затѣмъ извѣстить родителей, что сынъ ихъ уже не вернется на родину, что онъ лежитъ въ чужой землѣ, а у насъ, гдѣ такъ много женатыхъ солдатъ, врачу

нерѣдко приходится дать знать женѣ и малымъ дѣтямъ, что отецъ ихъ раненъ, тяжело раненъ и передъ смертью шлетъ имъ поклонъ.

«У меня не разъ сердце обливалось кровью при мысли, что какой нибудь солдатъ, уроженецъ внутренней или сѣверной губерніи, лежитъ больной на берегу Каспійскаго моря или за Кавказомъ и по безграмотности, а иной разъ потому, что онъ лишился правой руки, не можетъ дать знать о себѣ женѣ и дѣтямъ и умираетъ, когда близкіе его сердцу ждуть его домой и узнаютъ только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ официальнымъ путемъ, что имъ уже не кого болѣе ожидать.

«Иногда, обходя въ ночное время больныхъ и присѣвъ у постели несчастнаго, страдающаго бессонницей, врачу приходится выслушать исповѣдь наболѣвшаго сердца; хотя наши солдаты менѣе сообщительны, нежели французы или нѣмцы, и рѣдко жалуются, но и имъ случается повѣрять свою скорбь и обращаться съ просьбою къ тому челоуѣку, который отнесется къ нему со словомъ утѣшенія въ часы долгой безсонной ночи. Вы не знаете, до какой степени можно полюбить больныхъ, о которыхъ заботишься цѣлыя недѣли, какъ горяешь при мысли, что не въ силахъ помочь имъ, и не можешь уснуть, отыскивая въ своемъ умѣ какое нибудь средство, которое могло бы облегчить ихъ страданія. Если бы люди, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, прошли подобную школу, то они не такъ легко рѣшались бы прибѣгать къ этому *ultima ratio regum*».

— Кого подразумѣваете вы, собственно говоря, подъ именемъ людей, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ?

«Прежде всего, разумѣется, правителей всѣхъ странъ, затѣмъ министровъ, дипломатовъ, командующихъ войсками, такъ называемую военную партію и для примѣра хоть васъ, Михаилъ Дмитріевичъ!»

— Было бы чрезвычайно ново и любопытно, если бы Бисмаркъ, Мольтке..... (онъ назвалъ нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ), Горчаковъ, Игнатьевъ, Шанзи съ Гамбеттой и *tutti quanti*, Тотлебенъ и вашъ покорнѣйшій слуга, облекшись сѣрымъ передникомъ, стали бы исполнять у васъ, въ госпиталѣ, обязанности фельдшеровъ.

«И это вамъ было бы полезно», возразилъ я, «но вы отлично понимаете, что я говорилъ не въ этомъ смыслѣ. Всѣмъ вамъ слѣдовало бы убѣдиться въ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною, не изъ парламентскихъ рѣчей или печатныхъ трактатовъ, но по собственному наблюденію, *demonstratio ad oculos*».

— Это ложный, въ высшей степени ложный взглядъ, воскликнулъ онъ. Полководецъ и высшее военное начальство не должны подчинять свои рѣшенія и дѣйствія заботамъ о послѣдствіяхъ, какія они могутъ вызвать. На Горномъ Студенѣ Государь Александръ Николаевичъ

слишкомъ много видѣлъ госпиталей и транспортовъ больныхъ и раненыхъ, онъ былъ растроганъ, потрясенъ этимъ зрѣлищемъ и послѣдствіемъ этого было заключеніе слишкомъ постыднаго мира; вы, докторъ, участвовавшій въ столькихъ походахъ и которому я не могу отказать въ пониманіи военнаго дѣла¹⁾, должны согласиться съ этимъ.

«Михаилъ Дмитріевичъ, возразилъ я, вы умышленно стараетесь истолковать превратно мои слова. Не въ разгаръ войны долженъ полководецъ или монархъ быть потрясенъ зрѣлищемъ раненыхъ и страждущихъ, хотя этого не всегда можно избѣгнуть, но онъ долженъ непремѣнно все это знать, видѣть и испытать самъ; необходимо, чтобы они сознательно понимали послѣдствія принимаемыхъ имъ рѣшеній».

— Вотъ почему,—отвѣчалъ Скобелевъ—не смотря на мое нежеланіе, вы и доносите мнѣ постоянно о числѣ убитыхъ и раненыхъ и хотите таскать меня по госпиталямъ.

«Первое входитъ въ число моихъ обязанностей и когда я не докладываю вамъ о числѣ убитыхъ и раненыхъ, то вы сами освѣдомляетесь объ этомъ; второе не составляетъ, конечно, необходимости, но подумайте, какую радость вы доставляете своимъ посѣщеніемъ солдатамъ и офицерамъ, бесѣдуя съ ними!».

— Хорошо, и въ этомъ случаѣ надняхъ я исполню ваше желаніе, но вообще говоря, вы придаете слишкомъ большое значеніе всей вашей гигиенѣ, медицинѣ и заботамъ о больныхъ и раненыхъ. Военнаго деморализуютъ подобныя взгляды. Ему вовсе не пужно все это знать, а тѣмъ менѣе постоянно имѣть передъ глазами.

«Ваше пре—во, истина всегда останется истиною, хотя бы мы и старались умышленно игнорировать ее. Это желаніе закрыть глаза на нѣкоторые факты можно назвать, пожалуй, слабостью».

— Война не можетъ обойтись безъ раненыхъ и убитыхъ.

«Тутъ дѣло не ограничивается одними ранеными и убитыми, хотя, говоря по совѣсти, я считаю даже варварствомъ и то обстоятельство, что на войнѣ добровольно убиваютъ и калѣчатъ такъ много здоровыхъ и сильныхъ сыновъ отечества, изъ которыхъ у каждого есть отецъ и мать, которые будутъ его оплакивать; и что въ это время гибнетъ такъ много людей, созданныхъ природою для того, чтобы пользоваться и наслаждаться жизнью, принося странѣ пользу, здоровье которыхъ въ обыкновенное время законы и медицина призваны охранять!»

¹⁾ Я слышала отъ него этотъ лестный отзывъ иногда, когда дѣло шло о томъ, чтобы оспорить мои филантропическія или гигиеническія требованія.

Но если возможно считать завидною долею умереть за отечество геройскою смертию, то вовсе не завидно пролежать цѣлые мѣсяцы въ госпиталѣ или прожить многіе года калѣкой; кто исчислитъ тѣхъ жертвъ войны, которыя умираютъ въ послѣдствіи отъ чихотки или другихъ болѣзней, полученныхъ на войнѣ, или страдаютъ всю жизнь нервною или какою нибудь иною болѣзнію? Кто знаетъ, сколько жизней загубила война, сколько семей она осиротила? а что всего хуже, цѣлые народы, какъ и отдѣльныя личности, становятся подъ вліяніемъ войны грубѣе: она пробуждаетъ самыя дурныя инстинкты человѣческой природы и олицетворяетъ собою торжество грубой силы и кулачнаго права.

— Если бы отъ васъ зависѣло, то у насъ не было бы болѣе войнъ? «Безъ сомнѣнія, таковъ мой идеаль».

— Но покуда вы уже изъявили желаніе участвовать въ первой могущей возникнуть войнѣ. Послѣдовательно-ли это?

«Меня побуждаетъ къ этому любовь къ избранной мною профессіи, да и любовь къ Россіи не позволяетъ мнѣ сидѣть сложа руки въ то время, когда она воюетъ; но все-таки я нахожу, что для Европы война составляетъ страшное бѣдствіе, поэтому ее слѣдуетъ избѣгать по мѣрѣ возможности, объявляя ее съ болѣею осмотрительностію и не относясь шутливо къ тѣмъ причинамъ, которыя могутъ вызвать вооруженное столкновение».

Въ отвѣтъ на это, Скобелевъ, прекрасно знавшій Шиллера и помнившій многія мѣста изъ него нанзустъ, продекламировалъ:

„Der Krieg ist schrecklich wie des Himmels Plagen,
Doch ist er gut, ist ein Geschick, wie sie“.

— Война, подобно дуэли, — продолжалъ Скобелевъ, — неизбежна; она бываетъ нужна намъ для того, чтобы вывести изъ апатіи лѣниваго гражданина, погруженнаго въ одни матеріальные интересы, чтобы пробудить и поддержать въ народѣ стремленіе къ болѣе возвышеннымъ идеаламъ; воинскій духъ и воинская слава составляютъ высшее проявленіе жизни въ государствѣ, какъ и въ отдѣльной личности. Никогда не настанетъ время, въ которое мы будемъ въ состояніи обойтись безъ войны, и пожелаемъ этого. Неужели вы, дѣйствительно, вѣрите въ утопію грядущаго золотаго вѣка?

«Мои мечты не простираются такъ далеко; вообще, я придерживаюсь вполне реального взгляда на вещи. Вы, конечно, согласитесь съ тѣмъ, ваше пр—во, что я въ состояніи понять и оцѣнить воинскую доблесть и геройское самоотверженіе, и что я, какъ горячій патріотъ, способенъ преклониться передъ тѣмъ, кто падетъ въ бою

за честь и величіе Россіи. Я не колеблясь подвергалъ свою жизнь опасности въ Польшѣ въ 1863 г. и въ Малой Азии въ 1877 и 1878 гг., точно также какъ и въ нынѣшнюю кампанію, и понимаю всю прелесть, какую имѣетъ боевая жизнь для молодежи, но, не смотря на это, я все-таки считаю войну въ принципѣ варварствомъ и вѣрю въ торжество здравыхъ идей и вѣчной правды. Я твердо убѣжденъ въ томъ, что современемъ народы будутъ признавать иные идеалы, нежели чувства національной гордости и соперничества съ другими націями. Настанетъ время, когда общество пойметъ сознательно, что всеѣмъ народамъ одинаково дорога культура, цивилизація, образованіе, успѣхи наукъ, что въ нихъ заключаются общіе всеѣмъ насущные интересы, вся гордость и честь каждой націи».

— Ваши мысли прекрасны и благородны, но все-же это не болѣе какъ утопія и ваши слова—гласъ вопіющаго въ пустынѣ!

«Я со своей стороны вѣрю въ ихъ истину, вездѣ есть люди, раздѣляющіе мои взгляды, хотя число ихъ теперь еще не велико, но оно, мало-по-малу, увеличится и современемъ все будутъ такъ думать».

— Никогда!

«Для меня уже было бы счастьемъ, если бы я могъ быть свидѣтелемъ существованія въ Европѣ такого продолжительнаго мира, какой былъ отъ 1815 до 1848 гг. и который принесъ болѣе пользы для истиннаго благополучія и преуспѣянія человѣчества, нежели торжество оружія въ крымскую и франко-прусскую кампаніи и въ экспедицію подъ Геокъ-Тепе».

Таковые разговоры происходили между нами иногда наединѣ, иногда въ присутствіи другихъ лицъ, при чемъ генераль Петрусевичь болѣе соглашался съ моими взглядами, нежели Михайль Дмитріевичъ.

Относительно послѣдней восточной войны (1877—1878 гг.) Михайль Дмитріевичъ высказывалъ мнѣніе, что ее слѣдовало начать лѣтъ восемь позднѣе, такъ какъ въ 1877 г. мы были еще недостаточно подготовлены. При томъ, говаривалъ онъ: «болгарамъ слѣдовало предоставить инициативу въ дѣлѣ ихъ освобожденія; ихъ недружелюбное отношеніе къ намъ, о которомъ пишутъ и говорятъ все наши, даже солдатики, свидѣтельствуетъ, что у нихъ не назрѣла еще въ то время потребность къ освобожденію».

О франко-прусской войнѣ мы (1870 г.) разговаривали много и съ увлеченіемъ. Онъ хвалилъ военнаго министра Роона, фельдмаршала Мольтке, генераловъ Мантейфеля, Вердера, особенно принца Фридриха Карла. «Но первое мѣсто между ними принадлежитъ, безспорно, императору Вильгельму», говорилъ Михайль Дмитріевичъ. «Когда этихъ

великихъ людей не станеть, тогда только можно думать о войнѣ съ Германіей».

Вдаваясь въ разныя предположенія относительно будущаго, онъ обратился, однажды, ко мнѣ съ вопросомъ:

— Въ случаѣ войны, примете вы въ ней участие? и, услышавъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, воскликнулъ, торжествуя:

— Вотъ я и поймалъ васъ въ противорѣчіи; вы, постоянный защитникъ мира, хотите участвовать въ войнѣ, да еще противъ вашихъ нѣмцевъ!

— «Врачъ никогда не воюетъ ни противъ кого; онъ другъ и помощникъ всѣхъ раненыхъ и больныхъ обѣихъ сторонъ. Это признаютъ теперь всѣ; въ учрежденіи Краснаго Креста нейтралитетъ врача и всего санитарнаго персонала возведенъ въ принципъ и поставленъ подъ охрану международного права. Подобно тому, какъ въ 1870—1871 гг. я старался ухаживать съ одинаковымъ усердіемъ, какъ за нѣмцами, такъ и за французами, а въ 1877 и 1878 гг. лечилъ нашихъ русскихъ солдатъ и офицеровъ, но не оставлялъ безъ помощи и турецкихъ раненыхъ и больныхъ, такъ точно, въ случаѣ войны съ западными сосѣдями, я съ радостью буду исполнять долгъ врача, по отношенію къ тѣмъ и другимъ».

Сейчасъ же послѣ взятія Геокъ-Тепе, Михаилъ Дмитріевичъ получилъ отъ великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго орденъ Венденской короны и поздравительную телеграмму. Онъ написалъ отвѣтъ по нѣмецки и принесъ мнѣ черновую для просмотра. Читая его рукопись, я сказалъ, что ошибокъ нѣтъ, но просилъ разрѣшенія переставить нѣсколько словъ и перемѣнить другія. «Я все-таки думалъ, что я умѣю писать по нѣмецки», отвѣтилъ генералъ какъ будто-бы обиженнымъ тономъ, — «а если я написалъ такъ неправильно, то лучше совсѣмъ перепишите отвѣтъ по своему». Въ другой разъ изъ Дуфтабада я получилъ отъ него нѣмецкое письмо безъ одной ошибки.

Мы прежде условились уѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ, а послѣ происшествія 1-го марта онъ мнѣ писалъ: «Теперь нельзя думать о себѣ или же объ отъѣздѣ послѣ этого страшнаго происшествія: теперь каждому служащему слѣдуетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, не увеличивать затрудненій правительству, а исполнять свой долгъ еще добросовѣстнѣе, нежели до сихъ поръ».

Въ заключеніе, я приведу еще одинъ эпизодъ, свидѣтельствующій о нѣжномъ и любящемъ сердцѣ Скобелева: мы сидѣли, однажды, вдвоемъ за обѣдомъ въ его комнатѣ въ Красноводскѣ, между тѣмъ

какъ прочіе обѣдали за общимъ столомъ. Послѣ продолжительнаго молчанія, Михаилъ Дмитріевичъ спросилъ меня въ полъ-голоса:

— Слышали вы о несчастіи, постигшемъ меня? и когда я взглянулъ на него вопросительно, то онъ прибавилъ еще тише:—я говорю о смерти моей матушки отъ руки убійцы.

Это злодѣяніе совершилось незадолго передъ тѣмъ и вѣсть о немъ была недавно получена Скобелевымъ. Мы стали говорить объ этомъ происшествіи; онъ рассказалъ мнѣ то, что было извѣстно ему по этому поводу, и прибавилъ:

— Подумайте, какъ ужасно: обнаружены слѣды того, что эта храбрая женщина энергично защищалась; ея руки были изранены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Если бы меня не держала здѣсь честь и долгъ службы, то я бросилъ бы все и преслѣдовалъ бы этого злодѣя на край свѣта, пока не убилъ бы его собственноручно.

Эти слова были произнесены имъ съ глубокимъ чувствомъ, полнымъ истинной скорби, и онъ сидѣлъ нѣкоторое время погруженный въ тяжкую думу, пока его не вывели изъ этого состоянія никогда не прекращавшіяся ежедневныя заботы и суета лагерной жизни не поглотила эту вспышку личнаго горя.

О. Ф. Гейфельдеръ.

[Перевела съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимошукъ].

Сергѣю Николаевичу Муравьеву.

Предсмертное стихотвореніе Л. Якубовича, 1839 г.

Прощай, мой Муравей,—на долго-ли, Богъ знаетъ!
Ad patres, можетъ быть, отправлюсь скоро я,
Но смерть не рознитъ насъ—за гробомъ соединяетъ
На лонѣ вѣчномъ бытія.

А выздоровлю я—обнимемъ мы снова,
Въ Петрополь, въ Украйнѣ-ль, все равно,
Промолвимъ дружески другъ другу мы: здорово!
И вновь запѣнится вино.

Л. Якубовичъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій.

ІЮЛѢ.

1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Русские достопамятные люди. Записки в восток. Рубинскіе из собранія С. Д. Полторацкаго. (Окончаніе). 1
- II. Письма императора Павла Петровича къ ген.-лейт. П. И. Бердлеву, екатеринославскому военному губернатору, 1796—1797 гг. 49
- III. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ. 1757—1835 гг. Очеркъ изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX в. Главы III и IV. Сообщ. Н. Морозовъ. 71
- IV. Императорскій московскій университетъ въ воспитанникъ Михаила Прохоровича Третьякова, 1798—1830 гг. Главы I—II. 106
- V. Станиславъ Романовичъ Лепарскій, командиръ порочинскихъ ружейниковъ в четириугольномъ остроге, 1759—1838 гг. Биографическій очеркъ. Состав. В. Н. Тихомировъ. 143
- VI. Въ Зависинской области. Воспоминаніе о Михаилѣ Дмитриевичѣ Скобелевѣ врача О. Ф. Гейфельдера, 1879—1887 гг. 181
- VII. Дмитрій Петровичъ Лебедевъ. 1851—1891 гг. Сообщ. К. Н. Неврасова 217
- VIII. Изъ помѣщичьяго быта XVIII в.: 1) Смерть помѣщика Савина. — 2) Сексуальнаго Рюшинова въ его земопромышленности. — 3) Сексуальнаго Рюшинова. Сообщ. А. Г. Пушаревъ 225
- IX. Иванъ Андреевичъ Крыловъ: первое изданіе его басенъ, 1809 г. Сообщ. Н. В. Масловичъ 182
- X. Харьковскіе баснописцы: Григорій Сковорода. А. Н. Нахимовъ и В. Г. Масловичъ. Сообщ. Н. В. Масловичъ. 136
- XI. Материалы и записки: Челобитныя ходатаи на своего боярина, 1709 г. (47). — Дѣло о битвѣ личичаго, 1709 г. (178). — Сенатскій указъ о назначеніи къ службѣ неправыхъ людей, 1831 г. (70). — Гор. Оленскъ (235). — Поправки (180 и 224).
- XII. Библиографическій листокъ (на обратѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Михаила Дмитриевича Скобелева, † 25-го июля 1862 г., съ фотографіи, изданной 5-го февраля 1861 г., по слѣдъ штурма Геокъ-Тепе. Гравирующій И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно получить „Русскую Старину“ изд. 1891 г. (Осталось 47 экз.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Валашева, Екатерининскій каналъ. л. № 80.

1898.

МИХАИЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ

СЪ ФОТОГРАФИИ ИСПОЛНЕННОЙ 5 ФЕВРАЛЯ 1881
ПОСЛѢ ШТУРМА ГЕОКТЕПИ.

ВЪ ЗАКАСПІЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ врача О. Ф. Гейфельдера

1879—1887 гг.

Въ 1887 г. мнѣ довелось посѣтить вновь тѣ самыя мѣста, гдѣ мы пережили и испытали такъ много въ 1880—1881 годахъ. Во время этого путешествія знакомые не разъ выражали мнѣ желаніе видѣть продолженіе моихъ „Воспоминаній“, для которыхъ обильная пища встрѣчалась тутъ на каждомъ шагу. Побуждаемый въ этому также со стороны многоуважаемаго редактора „Русской Старины“, я рѣшился вновь взяться за перо.

О. Ф. Гейфельдеръ.

I.

Мои воспоминанія о Каспійскомъ морѣ, о походахъ, совершенныхъ въ Закаспійской области, и о моемъ участіи въ нихъ начинаются съ 1879 г. и первыя впечатлѣнія связаны съ портомъ Петровскимъ.

Петровскъ, въ настоящее время незначительный, мирный городокъ, съ слабымъ гарнизономъ, былъ, во время обѣихъ экспедицій, при Лазаревѣ (1879 г.) и при Скобелевѣ (1880 г.), военнымъ центромъ. Въ немъ помѣщался въ то время штабъ и находился командиръ 19-й дивизіи, участвовавшей въ обѣихъ походахъ. Оттуда наши войска переправлялись на судахъ на восточный берегъ Каспійскаго моря, и туда-же, во время обѣихъ похо-

довъ, направлялись раненные и больные. Вотъ почему я прибылъ въ Петровскъ осенью 1879 г., гдѣ и начались мои сношенія съ войсками, участвовавшими въ экспедиціи, и съ главнымъ уполномоченнымъ отъ Краснаго Креста, камергеромъ Н. Окружнымъ медицинскимъ инспекторомъ мнѣ было поручено принимать раненныхъ изъ разбитаго отряда и оказывать имъ хирургическую помощь. Въ Петровскѣ существовалъ тогда еще военный госпиталь, образцовое учрежденіе, помѣщавшееся въ весьма красивомъ зданіи, вполне соотвѣтствовавшемъ своему назначенію. Главнымъ врачомъ госпиталя былъ тогда докторъ Адамовичъ, еще питомецъ виленскаго университета, который, какъ всѣ бывшіе виленскіе студенты, прекрасно владѣлъ латинскимъ языкомъ. Изъ Ахаль-Теке нѣсколько сотъ раненныхъ солдатъ и офицеровъ были доставлены въ Петровскъ на судахъ; по прибытіи въ госпиталь, разсортированы и частью эвакуированы далѣе въ госпиталь Темиръ-ханъ-Шуры и Хассавъ-Юрты, частью оставлены въ Петровскѣ. Осмотръ больныхъ, изслѣдованіе, діагнозъ и операціи заняли почти цѣлую недѣлю. Затѣмъ я исполнялъ тѣ-же самыя обязанности хирурга-консультанта въ темиръ-ханъ-шуринскомъ и хассавъ-юртскомъ госпиталѣ. Эта командировка оказалась для меня въ высшей степени интересною и, кромѣ того, полезною, какъ подготовка къ будущей дѣятельности въ Ахаль-Текѣ. Мы наслушались разказовъ офицерства объ испытанныхъ ими бѣдствіяхъ, объ особенностяхъ этой негостеприимной страны, объ отступленіи отряда и проч.

Всѣ раненные, которые не умерли тотчасъ отъ полученныхъ ими поврежденій, выздоравливали замѣчательно быстро: раны ихъ заживали необыкновенно скоро, что слѣдуетъ приписать пребыванію на свѣжемъ воздухѣ и замѣчательной сухости атмосферы и почвы въ этой мѣстности. Въ 1880—1881 гг. наши раненные были поставлены въ менѣе благопріятныя условія, во-1-хъ потому, что дороги были заражены тысячами разлагавшихся труповъ, и во-2-хъ потому, что войскамъ пришлось дѣйствовать въ ноябрѣ и декабрѣ, самое дождливое время года; въ тому-же февраль и мартъ мѣсяцы въ томъ году также были обильны дождями.

Въ Баку опять новыя воспоминанія. Я извѣстилъ о своемъ приѣздѣ жившаго тамъ сотоварища моего Шимановскаго, вмѣстѣ съ которымъ мы служили въ турецкую кампанію въ 1877 году и участвовали въ Ахаль-Текинской экспедиціи въ 1880 году но онъ не встрѣтилъ меня на желѣзнодорожной станціи — моя телеграмма не застала его въ живыхъ. Зато я увидѣлся тутъ съ городскимъ головою, Деспотъ-Зеновичемъ, оказавшимъ намъ.

во время войны самое дѣятельное и просвѣщенное содѣйствіе при устройствѣ въ городѣ Баку помѣщенія для больныхъ и раненныхъ.

Во время втораго похода было принято за правило оставлять больныхъ какъ можно меньше на восточномъ, негостепримномъ берегу Каспійскаго моря, эвакуируя ихъ постоянно въ Баку и Петровскъ. Съ этою цѣлью въ Баку былъ расширенъ мѣстный военный лазаретъ. Сверхъ того, городской голова предоставилъ въ наше распоряженіе пустое зданіе (нынѣ прекрасно отстроенное), стоявшее возлѣ гавани и пароходной пристани, которое, при помощи Краснаго Креста, было приспособлено для временнаго помѣщенія нашихъ больныхъ воиновъ. Мы быстро съ нимъ согласились относительно распредѣленія и приспособленія зданія къ нашей цѣли, а также относительно приѣма и продовольствія больныхъ и способа дальнѣйшей ихъ эвакуаціи или возвращенія къ отряду. Уже при вторичномъ моемъ посѣщеніи, я нашелъ зданіе занятымъ больными и вполне соответствовавшимъ своему назначенію. По этимъ воспоминаніямъ, г. Баку мнѣ показался не чужимъ городомъ. Съ приятнымъ удивленіемъ я замѣтилъ, что за это короткое время онъ сдѣлалъ замѣчательный шагъ впередъ какъ въ своемъ наружномъ видѣ и благоустройствѣ, такъ и въ торговлѣ.

О Каспійскомъ морѣ приходилось не разъ слышать, что оно иногда бываетъ очень бурное, но за всѣ мои десять переѣздовъ я его видѣлъ всегда спокойнымъ. Переѣздъ изъ Баку въ Узунъ-Ада продолжался всего 18 часовъ. Тогда какъ прежде мы сворачивали у пловучаго мала влѣво, чтобы подойти къ Красноводску и выѣхать затѣмъ на маленькомъ пароходѣ въ излучины Михайловской бухты; теперь нашъ „Цесаревичъ Александръ“ держалъ почти прямо между Красноводскою косою и островомъ Чекеленъ, къ желтоватому песчаному берегу. Дымившійся передъ нами какой-то пароходъ внезапно исчезъ, какъ-бы утонувъ между двумя песчаными холмами. „Тамъ лежитъ Узунъ-Ада“, заявили мнѣ спутники, но пока ничего еще не было видно. Наконецъ, мы описали большой полукругъ вправо и передъ нами открылся рейдъ и небольшой городокъ.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: намъ случалось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжать мимо этой пустынной группы песчаныхъ острововъ и холмовъ, на которыхъ не было видно тогда никакого жилья, и взоръ нигдѣ не встрѣчалъ на этомъ пустынномъ берегу ни одного кустика, ни одного живаго существа; теперь-же передъ нами лежалъ цѣлый городокъ, съ деревянными домами, бѣлѣющими вилами, съ пароходными пристанями, оживленными толпою народа,

вышедшею на встрѣчу пароходу. У берега, идущаго полукругомъ, стояло, какъ въ гавани, множество барокъ и судовъ; мы насчитали не менѣе 9-ти большихъ пароходовъ, принадлежавшихъ разнымъ обществамъ. Справа и слѣва высились золотисто-желтые песчаные холмы, а впереди разстилалось лазуревое море. Панорама, открывшаяся передъ нашими глазами, могла-бы послужить И. К. Айвазовскому или Гильдебрандту сюжетомъ роскошной картины.

Что за суматоха и толкотня начались лишь только мы пристали! Представители разныхъ торговыхъ конторъ и транспортныхъ обществъ разыскивали среди пассажировъ своихъ патроновъ или агентовъ, освѣдомлялись о прибывшей владѣ и корреспонденціи. На пароходъ явились флотскіе офицеры и таможенные чиновники; смуглолицые носильщики-персы, атлетическаго сложенія, предлагали свои услуги для разгрузки судна; пассажиры спѣшили на берегъ. На берегу-же различныя конторы совершали дѣловыя сдѣлки подъ своими деревянными крышами съ такою правильностію, какъ будто онѣ существовали тутъ уже десятки лѣтъ. Среди песковъ возвышается телеграфная станція, почтовая контора и управленіе желѣзной дороги. Служба въ нихъ идетъ также исправно, какъ во всякомъ давно заселенномъ городѣ. Нѣкоторые изъ служащихъ поселились тутъ даже со своими семьями. На маленькомъ базарѣ можно получить все необходимое. Прѣсную воду доставляетъ желѣзная дорога изъ Казань-Джикскихъ источниковъ и изъ „опрѣснителя“, находящагося въ Михайловскѣ. Словомъ, этотъ городокъ, возникшій всего два года тому назадъ, поразилъ пріѣзжихъ.

Мы вспомнили, что на пустынномъ берегу этой бухты стоялъ, еще во времена Столѣтова, близъ Михайловска, передовой постъ и что молодой Скобелевъ, бывшій въ то время офицеромъ генеральнаго штаба, познакомился съ этою песчанюю мѣстностію впервые въ 1872 году. Невольно припомнилось, сколько времени требовалось тогда (въ 1880—1881 гг.) для перевоза людей, орудій, аммуницій, съѣстныхъ припасовъ и матеріаловъ для строившейся тогда Закаспійской дороги; тогда приходилось направляться въ Красноводскъ и, послѣ перегрузки въ Михайловской бухтѣ, къ тогдашнему мѣсту выгрузки, гдѣ стоитъ теперь Михайловская станція. Теперь мы садимся въ вагонъ и ѣдемъ быстро и безъ малѣйшаго утомленія по пустынной, безводной степи, черезъ которую мы нѣкогда совершали путь въ потѣ лица своего, а за нами слѣдовали и постоянно тревожили насъ летучіе конные отряды текинцевъ. Теперь трудно себѣ и представить, какъ все это происходило въ то время, хотя передъ нами высились, на подобіе воротъ, тѣ-же горныя

очертанія обонихъ Балханъ, между которыми мы проходили, и до нашего слуха долетали все тѣ-же названія: Мулла-Кара, Балла-Ишемъ, Айдинъ и другія. Разница въ томъ, что теперь стоитъ станція и привѣтливо кипитъ самоваръ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы располагались прежде на плоской равнинѣ на ночлегъ, безъ всякихъ удобствъ, и зачастую должны были довольствоваться солоноватою водою, добытою изъ лужи или цистерны.

Въ настоящую поѣздку я прибылъ на восточный берегъ Каспійскаго моря 16-го іюля 1887 г. въ самый разгаръ лѣта, точно также, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, но все окружающее произвело теперь на меня совершенно иное впечатлѣніе.

Нигдѣ желѣзная дорога не является столь крупною побѣдою, одержанною человѣкомъ надъ стихіями, какъ въ этой негостеприимной мѣстности, на протяженіи отъ моря до оазиса, гдѣ ни одинъ кустикъ, ни одно деревцо не манитъ усталаго путника отдохнуть и освѣжиться подъ его тѣнью и гдѣ все пространство, доступное взору, представляетъ безконечную сѣрую равнину, которая своимъ убійственнымъ однообразіемъ наводитъ на путешественника уныніе.

Въ 1880 году мы и не подозрѣвали значенія и послѣдствій похода, а думали, что дѣло идетъ только о реваншѣ за неудачную экспедицію 1879 г. и о наказаніи непокойныхъ ахаль-текинцевъ, хотя Анненковъ и Хилковъ строили уже свою стратегическую дорогу, преодолевая съ рѣдкимъ терпѣніемъ и настойчивостью всѣ встрѣчавшіяся на пути ихъ естественныя препятствія, и хотя Скобелевъ часто говорилъ о постройкѣ этой дороги и о будущемъ ея значеніи для русской торговли.

На бивакахъ или во время переходовъ намъ не разъ приходилось слышать мнѣніе о походѣ солдатъ, говорившихъ: „должно быть генералы невѣрно представили царю о здѣшной землѣ, иначе онъ не послалъ-бы насъ завоевывать ее. На что русскимъ эта пустыня? Такихъ у насъ самихъ довольно“. Подобно тому, какъ солдаты высказывали при этомъ втихомолку предположеніе, что побудительною причиною ахаль-текинской экспедиціи было стремленіе къ завоеваніямъ и личное честолюбіе военныхъ, точно такъ-же смотрѣла на нее и вся Европа; этотъ взглядъ ясно выразился въ отзывахъ современной прессы и въ дипломатической тревогѣ, поднятой Англіею. Судя по обнародованнымъ нынѣ документамъ, канцлеръ кн. Горчаковъ и само правительство не имѣли въ 1880 г. иной цѣли, кромѣ наказанія туркменъ-текинцевъ; занятіе Мерва, напр., отнюдь не входило въ планы нашихъ полководцевъ и государственныхъ

людей. (См. Афганское разграниченіе, переговоры между Россією и Великобританією 1872—1885 гг. С.-Петербургъ, 1886. № 2. Письмо сэръ Эдуарда Торнтонъ статсъ-секретарю Гирсу, стр. 37, 39, 41).

Въ этомъ письмѣ говорится:

„18-го іюля, ваше высокопр.—во въ депешѣ къ графу Шувалову отвѣтили, что единственною цѣлью экспедиціи было наказаніе туркменскихъ скопищъ, совершенно отдѣльныхъ отъ мервскихъ текинцевъ; что начальнику колонніи строго предписано не переступить инструкцій, обязывающихъ его ограничиться поддержаніемъ порядка на границѣ. Весною 1879 г. съ восточнаго берега Каспійскаго моря отправилась, подъ начальствомъ г. Лазарева, экспедиція, единственною цѣлью коей, согласно даннымъ графомъ Шуваловымъ 16-го мая лорду Салисбюри увѣреніямъ, было установленіе, посредствомъ укрѣпленныхъ постовъ, сухопутнаго сообщенія между Краснодарскомъ и Чакшиларомъ (стр. 41). Отпоръ, встрѣченный русскими въ сентябрѣ 1879 г. подъ Геокъ-Тепе, повлекъ за собою въ слѣдующемъ году снаряженіе экспедиціи въ болѣе широкихъ размѣрахъ, начальство надъ которою было ввѣрено г. Скобелеву. В. высокопр.—во признавалъ, что дѣлаются приготовленія для вышеупомянутой экспедиціи, но что таковая предпринимается Россією крайне не охотно... и что прежнія положенія нисколько не измѣнились... Послѣ побѣды, одержанной г. Скобелевымъ подъ Геокъ-Тепе въ январѣ 1881 г., ваше высокопр.—во замѣтилъ лорду Дефферину, что для русскаго правительства настало время доказать свою умѣренность и позаботиться о томъ, чтобы не быть втянутыми въ дальнѣйшія военныя дѣйствія въ этой части свѣта“.

Читая эти документы и сравнивая съ ними тогдашнія газеты, становится понятнымъ, что намъ и въ голову не могла придти мысль о томъ, что наша экспедиція будетъ имѣть столь важныя послѣдствія, каковыми оказались расширеніе нашихъ владѣній и постройка желѣзной дороги до Самарканда. Впрочемъ, и въ то время находились люди, обращавшіе наше вниманіе на громадное значеніе этого военнаго предпріятія. Французскій генеральный консулъ графъ Шаппеделенъ (Chappedelaine) сказалъ мнѣ въ Тифлисѣ прямо: „вы идете на Мервъ, а не на Геокъ-Тепе“, и Скобелевъ тогда уже обсуждалъ въ Краснодарскѣ значеніе желѣзной дороги, если она будетъ проведена далѣе.

Когда я посѣтилъ берега Каспійскаго моря вторично въ 1887 г., то перемены, происшедшія въ этой мѣстности, были слишкомъ велики, чтобы не вызвать моего удивленія и не наводить ежеминутно на сравненіе настоящаго съ прошлымъ. Среди пустынныхъ песчаныхъ холмовъ выросъ городокъ съ хорошею гаванью; переѣздъ моремъ сократился болѣе, нежели на 24 часа; отъ Узунъ-Ада мы ѣхали по пустынѣ въ удобныхъ вагонахъ, защищенные отъ жары, пыли и песка, и черезъ 10 часовъ были уже въ Кизиль-Арватѣ, до котораго въ 1880 г. приходилось ѣхать изъ Краснодарска 3—4 дня,

употребляя 2 дня на переходъ отъ берега моря. Кизиль-Арватъ, со своими прохладными горными источниками, былъ уже въ то время для насъ идеальной ночною стоянкою. Возможность напиться вволю, выкупаться, освѣжить и умыть воспаленные, полные пыли, глаза, проспать хотя одну ночь подъ крышею въ стѣнахъ укрѣпленнаго лагеря было истинною отрадою, величайшимъ счастьемъ послѣ всѣхъ невгодъ и лишеній, испытанныхъ во время перехода. Это можетъ понять только человекъ, испытавшій, подобно намъ, голодъ и жару, спавшій безъ палатки и кровли на голой землѣ и которому приходилось, какъ намъ, отказаться на время отъ всѣхъ привычекъ чистоплотности и комфорта.

Когда я вступилъ, въ началѣ октября 1880 г., съ моимъ войскомъ въ Кизиль-Арватъ, нашъ укрѣпленный лагерь лежалъ на обнаженномъ плоскогорьѣ. Комендантомъ его былъ полковникъ Навроцкій, человекъ опытный и весьма уважаемый всѣми нами. Въ 1887 году мы уже съ удивленіемъ смотрѣли здѣсь на красивые дома, вполне приспособленные для жилья, на сады и палисадники, на станціонный порядочный буфетъ, и удивлялись многочисленному населенію. Начальникъ станціи, бывшій офицеръ Скобелевскаго отряда, привѣтствовалъ меня какъ стараго знакомаго... Особенно привлекательнымъ кажется Кизиль-Арватъ, когда въѣзжаешь въ него ночью. Непроглядная тьма и безмолвіе степи смѣняются вдругъ электрическимъ освѣщеніемъ улицъ и желѣзнодорожной станціи, производя поразительное впечатлѣніе.

Отъ Кизиль-Арвата до Бами 54 версты; мы проѣхали этотъ путь въ 2 часа 10 мин., тогда какъ прежде онъ требовалъ цѣлаго дня усиленной ѣзды верхомъ и двухдневнаго перехода по степи. Нашъ лагерь и большая госпитальная палатка стояли ближе къ горамъ, на скалистой почвѣ. Тутъ оканчивалась въ Бендесенскомъ ущельи атрекская линія, иначе говоря, военная дорога, шедшая по теченію Атрека, и соединялась съ Михайловскою линіею. Начальникомъ атрекской военной дороги былъ командиръ казацкаго полка, полковникъ Арцишевскій, неутомимый наѣздникъ и искусный организаторъ. Онъ умѣлъ найтись при всякихъ обстоятельствахъ и всегда имѣлъ подъ рукою то, что требовалось въ данную минуту.

Мнѣ довелось посѣтить Бами впервые во время объѣзда лазаретовъ и госпиталей обѣихъ военныхъ линій въ октябрѣ 1880 г., когда Бами былъ еще нашимъ передовымъ пунктомъ. Старшимъ офицеромъ былъ въ немъ артиллерійскій полковникъ Вержбицкій, нынѣ покойный. Онъ скончался почти одновременно со Скобелевымъ въ 1882 году. Баминскій гарнизонъ, состоявшій изъ пѣхоты,

артиллеріи и сотни казаковъ, укрѣпиль небольшой четырехугольный, т. е. обнесъ его стѣною, окопалъ рвомъ и помѣщался самъ въ кибиткахъ. Текинцы тревожили его почти каждую ночь. Несмотря на это обстоятельство, настроеніе маленькаго гарнизона было самое веселое и вечернія собранія офицерства оживлялись пѣніемъ и декламацію.

Бами былъ избранъ пунктомъ, гдѣ Скобелевъ велѣлъ сосредоточить всякаго рода запасы для 7,000 человекъ на два мѣсяца, прежде чѣмъ двинуться далѣе. Какъ мѣсто соединенія обѣихъ военныхъ дорогъ и какъ богатая житница, Бами какъ нельзя болѣе соответствовалъ этой цѣли. Помимо муки, зерноваго хлѣба и сѣна, доставленнаго туда изъ Россіи съ большимъ трудомъ на верблюдахъ, мы тамъ нашли обширныя, хорошо воздѣланныя поля, засѣяныя пшеницею, кукурузою и клеверомъ.

Такъ какъ мы заняли Бами въ началѣ іюня и оттѣсненные текинцы не успѣли еще собрать жатву, то въ нашихъ рукахъ неожиданно очутились огромные запасы. Поэтому Скобелевъ, въ своемъ приказѣ за № 93-й, даннымъ въ Бами 11-го іюня 1880 г., дѣлаетъ распоряженіе каковымъ образомъ поступить съ этою жатвою, предписывая сдать все то, что не потребуется немедленно для продовольствія войска, въ Баминскій складъ, исправить водяныя мельницы въ Беурмѣ, смолоть на нихъ зерно и, наконецъ, озаботиться поливкою клеверныхъ и джугурныхъ полей.

Въ томъ-же Бами, отъ 10-го іюня, былъ данъ приказъ за № 91-мъ, которымъ возвѣщалось начало враждебныхъ дѣйствій противъ текинцевъ: „послѣ девяти-мѣсячной остановки, августѣйшему главнокомандующему угодно повелѣть вновь вступить въ предѣлы Ахаль-Текинской земли“ и т. д. 21-го іюня произошло серьезное дѣло на Бендесенскомъ перевалѣ, стоившее намъ сравнительно весьма дорого ранеными и убитыми. Получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ, его императорское высочество главнокомандующій телеграфировалъ: „жалую отъ себя знаки военнаго ордена первой степени всѣмъ оставшимся въ живыхъ казакамъ, геройски защищавшимся 21 іюня. Семействамъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ назначаю одновременно по 100 рублей пособія“.

Всѣ участвовавшіе въ экспедиціи помнятъ, что во время лѣтней пріостановки военныхъ дѣйствій гарнизоны обѣихъ военныхъ дорогъ, и въ особенности баминскій гарнизонъ были постоянно тревожимы текинцами и вслѣдствіе своей малочисленности несли весьма тяжелую службу. Скобелевъ былъ вынужденъ сформировать летучій отрядъ изъ команды охотниковъ 4-й сотни Таманскаго

коннаго полка (см. приказъ за № 216 отъ 21-го августа 1880 г. изъ Бами). „Назначеніе летучаго отряда“, по собственнымъ словамъ Скобелевскаго приказа, было „оборонять, отъ могущихъ вторгаться текинскихъ шаекъ, районъ Маргизъ—Каракала—Нукуръ—Арчманъ—Егинъ и западнѣе; предупреждать гарнизоны Бами, Бендесена и Ходжамъ-Калы о появленіи непріятеля“. Начальникъ этого летучаго отряда долженъ былъ широко пользоваться лазутчиками для ознакомленія съ намѣреніями противника, и получалъ для уплаты лазутчикамъ даже нѣсколько сотъ рублей. Однако, этотъ расчетъ оправдался не совсѣмъ. Лазутчиковъ не было; за все время экспедиціи текинцы никогда не являлись въ нашей средѣ въ качествѣ бѣглецовъ или шпионовъ.

Впрочемъ, летучій отрядъ охотниковъ оказалъ большія услуги войску: онъ поддерживалъ въ горахъ сообщеніе между гарнизономъ Бендесена, Ходжамъ-калы, Бами и Кизиль-Арвата, охранялъ гелиографическія станціи ¹⁾ и во время извѣстнаго дѣла подъ Келатомъ доставилъ обратно въ отряду пропавшаго ночью начальника нашего, Михаила Дмитріевича Скобелева, какъ рассказано о томъ въ предыдущей статьѣ (см. „Русская Старина“, 1885 г., апрѣль, май, іюнь. Очеркъ Шаховскаго: „Экспедиція противъ ахаль-текинцевъ“, 1880—1881 г.). Отрядъ этотъ существовалъ до ноября мѣсяца 1880 г., до тѣхъ поръ, пока наши главные силы не отступили въ Бами, и отсюда въ декабрѣ войска двинулись окончательно противъ Геокъ-Тепе. Весною 1881 г. мы возвратились опять въ Бами, гдѣ находился военный госпиталь № 5, подъ завѣдываніемъ доктора Крестникова. Я распорядился совершенно отдѣлить хирургическое отдѣленіе, для изолированія раненыхъ отъ тифозныхъ больныхъ. Оно было перемѣщено за $\frac{1}{2}$ версты отъ остальныхъ частей госпиталя. Благодаря содѣйствію Краснаго Креста, хирургическое отдѣленіе было снабжено въ изобиліи всѣмъ, что для него требовалось, и вообще представляло собою вполне образцовое учрежденіе. Почва, на которой оно стояло, была чрезвычайно каменистая,—обстоятельство весьма благопріятное въ гигиеническомъ отношеніи. Только желтыя кибитки Краснаго

¹⁾ Для солнечнаго телеграфа. Упомянутое о гелиографическомъ телеграфѣ требуетъ нѣкотораго объясненія. На высочайшихъ пунктахъ—горѣ или башнѣ ставится зеркало, которое отражаетъ солнечные лучи съ одного пункта и передаетъ отраженіе въ другой такой-же высокой пунктъ; извѣстные знаки съ одного пункта передаются на другой; эти знаки соотвѣтствуютъ извѣстнымъ буквамъ. Такимъ образомъ происходитъ передача извѣстій съ одного мѣста въ другое.

Креста стояли на изолированномъ мѣстѣ, поросшемъ абрикосовыми деревьями.

Проѣзжая въ 1887 году по желѣзной дорогѣ, я увидѣлъ изъ вагона это зеленѣющее мѣстечко и оно показалось мнѣ этотъ разъ такимъ ничтожнымъ и незначительнымъ, тогда какъ прежде оно было въ нашихъ глазахъ уголкомъ рая. Мѣсто, на которомъ стоялъ прежде лагерь, выглядит снова пустынно, и даже казармы и дома, построенные повдѣе, имѣютъ видъ заброшенныхъ и развалившихся зданій. Европейская жизнь сосредоточилась вблизи желѣзной дороги, не оказавъ никакого вліянія на текинцевъ, которые и теперь живутъ въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ.

Въ теченіе пути и другія поселенія, мелькавшія мимо насъ, какъ-то: Дурунь съ каменною мечетью, Арчманъ съ его теплыми сѣрными источниками, Бахарденъ съ фруктовими садами и Келета съ башней, которую намъ пришлось въ 1880 году брать приступомъ, казались въ 1887 г., изъ окна вагона, ничтожными мѣстечками, тогда какъ, послѣ перехода черезъ степь, всѣ эти заселенныя и воздѣланныя поселенія производили на насъ гораздо болѣе внушительное впечатлѣніе. Ихъ постройки все-же представляютъ собою не болѣе какъ глиняныя мазанки,—контрастъ большой съ красивыми каменными зданіями, украшающими въ настоящее время желѣзнодорожныя станціи. Текинцевъ почти не видно было по пути, что объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что ихъ много погибло во время бѣгства и преслѣдованія ихъ войсками Скобелева послѣ взятія Геокъ-Тепе. Не берусь рѣшить, дѣйствительно-ли ихъ племя такъ уменьшилось или-же они стали такъ робки и боязливы, и поэтому держатся въ сторонѣ, но фактъ налицо: проѣхавъ въ 1887 году по желѣзной дорогѣ черезъ всю Закаспійскую область, мы видѣли весьма мало текинцевъ: тамъ и сямъ мелькнетъ на необозримой равнинѣ одинъ или два всадника или погонщикъ верблюдовъ; иногда явится на станцію желѣзной дороги текинецъ, предлагающій вамъ купить у него пару яицъ, живую курочку или молока, налитаго въ бутылку изъ-подъ водки, поднятую на желѣзнодорожной насыпи. Въ Бахарденѣ мы купили у мальчика-текинца въ чаю бутылку молока. Черномазый мальчуганъ, въ своей высокой лохматой бараньей шапкѣ, не выпуская руки отца, обошелъ вокругъ веранды, на которой мы сидѣли, и принялся караулить свою бутылку. Когда мы опорожнили ее, я всталъ съ тѣмъ, чтобы отдать ее мальчику. Въ эту минуту онъ выскочилъ изъ своей засады, подобно хищному звѣрьку, вырвалъ бутылку у меня изъ рукъ, взглянулъ съ радостною улыбкою на

отца и исчезъ вмѣстѣ съ нимъ за ближайшимъ угломъ. Хищническіе инстинкты, какъ видите, все еще присущи этому племени и сдерживаются только страхомъ.

II.

На разстояніи часа ѣзды отъ Келата, у самаго полотна желѣзной дороги, мы увидѣли обширный треугольникъ, окруженный стѣнами и рвомъ. Это Геокъ-Тепе! Всѣ взоры были обращены на остатки знаменитой крѣпости. Въ сторонѣ видѣлись намъ, при проѣздѣ въ 1887 г., зеленныя деревья и отдѣльно стоящія зданія,— это Мельничная кала ¹⁾, отъ которой храбрый полковникъ Гайдаровъ двинулся на приступъ съ третьею штурмовою колонною.

„Развѣ стѣны Геокъ-Тепе не были выше?“, спросилъ меня одинъ изъ спутниковъ.

— „Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, но верхняя часть ихъ была употреблена на засыпку многочисленныхъ труповъ людей, лошадей и верблюдовъ. Я испросилъ у Скобелева разрѣшеніе сдѣлать подобное употребленіе изъ верхней части этихъ стѣнъ, и самъ первый приступилъ къ ихъ разрушенію“.

Въ передней стѣнѣ видна еще брешь, произведенная нами взрывомъ пороха, а направо отъ нея другая брешь, произведенная динамитомъ, который своимъ взрывомъ поселилъ панику среди текинцевъ. Черезъ эту брешь наши войска ворвались въ крѣпость и этимъ-же путемъ впослѣдствіи мы постоянно въѣзжали и выѣзжали изъ крѣпости. При воспламененіи динамита былъ тяжело раненъ текинскими пулями мичманъ Мейеръ, во время приступа раненъ въ голову полковникъ Поповъ, благополучно излечившійся отъ этой раны, а графъ Орловъ-Денисовъ получилъ поврежденіе бедра, отъ котораго онъ умеръ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль. Масса раненыхъ, тысячи труповъ, усѣявшихъ крѣпостныя стѣны, женщины, взятыя въ плѣнъ, и покинутыя дѣти—все это воскресаетъ въ моей памяти. Вотъ и памятникъ, возвышающійся надъ могилою убитыхъ. Много горестнаго припомнилось при видѣ этихъ мѣстъ; мои спутники были также подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о всѣхъ страданіяхъ, трудахъ и опасностяхъ, которые пришлось испытать на этомъ мѣстѣ русскимъ войскамъ.

¹⁾ Кала значитъ фортъ: у насъ были Ольгинская кала, Великокняжеская кала, Мельничная кала, Опорная кала, окружавшія крѣпость Геокъ-Тепе.

Буфетъ на станціи содержалъ армянинъ, участвовавшій въ походахъ въ качествѣ маркитанта. Мы у него завтракали, сидя въ верандѣ; позади насъ, въ станціонномъ саду, игралъ фонтанъ, цвѣли цвѣты,—нельзя было узнать этого мѣста.

Начальникъ станціи, офицеръ, бывшій въ 1880 г. молоденькимъ юнкеромъ въ отрядѣ Скобелева, привѣтствовалъ меня какъ стараго знакомаго. Мы съ нимъ быстро осмотрѣли окрестности и старались узнать среди этихъ большихъ перемятъ гдѣ былъ фронтъ лагера, гдѣ проходили траншеи, гдѣ находился Ставропольскій редутъ, гдѣ Великокняжеская каля.

Вдругъ онъ прервалъ: „пора садиться въ вагонъ, третій звонокъ“. Воспоминанія наши были прерваны, мы пожали другъ другу руки—и машина умчала поѣздъ далѣе.

Исторія всего человѣчества аналогична съ нашею исторіею на этомъ клочкѣ земли, на поляхъ Геокъ-Тепе. Хищническое племя владѣло этою странною, наводя страхъ на всѣ окрестные народы. Земля эта должна была сдѣлаться нашимъ достояніемъ, кровь должна была пролиться для того, чтобы здѣсь были водворены порядокъ и законность, чтобы были проложены рельсы, по которымъ можно было-бы двинуться далѣе на востокъ. Безъ тѣхъ жертвъ, которыя покоятся подъ могильнымъ памятникомъ въ Геокъ-Тепе, не было-бы русско-азіатской желѣзной дороги. Ихъ память почтена не только надписью, высѣченною на этомъ памятникѣ, но и всѣми слѣдами культуры и цивилизаціи, намѣченными въ этой варварской странѣ.

Къ чести Россіи служить разница, существующая между настоящимъ и прошедшимъ, весьма лестная и для всякаго участника славнаго похода 1880—1881 гг.

Мои обязанности какъ отряднаго врача привели меня въ соприкосновеніе съ самою печальною стороною похода. Безконечно было поле, усѣянное трупами, безчисленны мертвыя тѣла, усѣявшія землю въ самой крѣпости и внѣ ея стѣнъ, также безчисленны были трупы вѣрныхъ спутниковъ челоуѣка—лошадей, которыя убитыя и раненыя валялись во рвахъ, заражая воздухъ. Въ этомъ случаѣ на мнѣ лежала суровая обязанность врача и гигиениста. Я не участвовалъ въ движеніи войска на Асхабадъ, не объѣзжалъ военныхъ дорогъ и тыла арміи, но цѣлыхъ два мѣсяца не отлучался изъ Геокъ-Тепе и исполнилъ свое дѣло до конца: похоронилъ или сжегъ тѣла умершихъ, ассенизировалъ рѣки и почву, настоялъ на томъ, чтобы лагерь былъ перенесенъ на другое мѣсто и предохранилъ наше отечество (прежде всего Кавказъ, а затѣмъ, быть можетъ, привле-

гающія губерніи остальной юго-восточной Россіи) отъ тифозной эпидеміи, которая могла быть занесена въ нее войсками, возвращавшимися изъ похода, какъ это случилось послѣ турецкой кампаніи 1877—1878 гг.

По словамъ Марвина, Скобелевъ исчислялъ, въ его присутствіи, число текинцевъ, убитыхъ во время бѣгства и преслѣдованія, въ 16,000. Допуская, что число это было вдвое меньше, все-же получается страшная картина убитыхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, животныхъ, усѣявшихъ своими трупами тотъ путь, по которому они бѣжали въ пустынь; такое огромное количество труповъ должно было неминуемо оказать весьма вредное вліяніе на здоровье войскъ. Въ стѣнахъ крѣпости Геовъ - Тене мы нашли до 7,000 убитыхъ, почти столько-же труповъ было зарыто около крѣпости, едва засыпанныхъ землею, или подвергалось разложенію въ рѣкахъ. Вотъ на какой почвѣ стоялъ нашъ лагерь, съ семью—восемью тысячами человекъ войска; тутъ-же кутилось подъ открытымъ небомъ до 3,000 женщинъ и дѣтей, взятыхъ нами въ плѣнъ или, лучше сказать, оставшихся на нашихъ рвуахъ.

13-го января 1881 г., по утру, я явился къ Михаилу Дмитріевичу и подалъ ему рапортъ съ самымъ добрымъ стзывомъ о дѣятельности моихъ коллегъ-докторовъ и подчиненныхъ; генераль разрѣшилъ мнѣ представить всѣхъ къ наградамъ. Но пока это представленіе составлялось и переписывалосі, Скобелевъ уже былъ въ Асхабадѣ и, словомъ, генераль подписалъ его такъ поздно, что оно прибыло въ Петербургъ 3-го марта 1881 г., т. е. два дни послѣ смерти государя.

13-го января, Михаилъ Дмитріевичъ, въ теченіе нашего разговора, сказалъ мнѣ:

— „Ахъ, какъ я скучаю!“

— Какъ, воскликнулъ я въ изумленіи, вы скучаете на другой день послѣ побѣды? какая-же тому причина?

— „Потому что болѣе нечего дѣлать. Я скучаю, когда пули не свистятъ и когда болѣе не предвидится никакихъ дѣйствій“.

Я тогда-же указалъ на необходимость ассенизаціи и начерталъ планъ необходимыхъ для этой цѣли работъ. Михаилъ Дмитріевичъ изъявилъ на него свое согласіе съ тою быстрою проникательностью, съ какою онъ схватывалъ всякій новый, даже до тѣхъ поръ чуждый ему, вопросъ. Онъ предоставилъ въ мое распоряженіе нѣсколько тысячъ рублей и назначилъ меня предсѣдательствующимъ ассенизаціонной комиссіи, которая была составлена изъ коменданта лагеря, одного

офицера Ставропольскаго полка, одного врача отъ общества „Краснаго Креста“, одного фармацевта и одного переводчика.

Когда войско двинулось 18-го января 1881 г. въ Асхабадъ, то офицеръ и докторъ отправились вмѣстѣ съ нимъ; нѣсколько дней спустя, туда-же былъ откомандированъ переводчикъ, старый кавказецъ, и такъ какъ комендантъ былъ заваленъ другими занятіями, то я остался, въ сущности, единственнымъ представителемъ комиссіи. Впослѣдствіи я взялъ себѣ въ помощники военнаго доктора, въ которомъ я встрѣтилъ усерднаго и знающаго сотрудника. Вмѣстѣ съ нимъ я обратился къ медицинскому инспектору въ Тифлисъ съ просьбою о присылкѣ дезинфекціонныхъ средствъ, такъ какъ весь запасъ, заготовленный мною съ этою цѣлью въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1880 г., оказался весьма незначительнымъ въ сравненіи съ ужасающею потребностью. Изъ Тифлиса немедленно были посланы большіе запасы, доставленные намъ со всевозможною поспѣшностью, но такъ какъ желѣзная дорога доходила только до Айдына, то дезинфекціонныя средства получены были лишь по прошествіи 5 недѣль. Тѣмъ временемъ приходилось какъ -нибудь изворачиваться. Я отправилъ нѣсколько посланцевъ въ Персію закупить сѣры и извести.

Генералъ Скобелевъ не нашель возможнымъ дать солдатъ для этой работы; оставалось нанимать рабочихъ, а такъ какъ въ степи не было иныхъ работниковъ, кромѣ бывшихъ въ плѣну у текинцевъ и нами освобожденныхъ персовъ, то я и обратился къ нимъ (многимъ изъ нихъ, по моему личному приказанію, были перепилены ножныя оковы). Персы оказались, однако, плохими работниками. Они вырывали ямы такъ неглубоко и засыпали трупы столь тонкимъ слоемъ земли, что намъ пришлось большинство изъ нихъ закапывать вновь, на этотъ разъ болѣе глубоко. Между тѣмъ, пока мы надсматривали за одними рабочими, другіе приняли участіе въ грабежѣ, снимали иной разъ съ труповъ одежду, причемъ въ оправданіе своихъ поступковъ говорили: „текинцы много лѣтъ грабили насъ, теперь нашъ чередъ вернуть то, что намъ принадлежитъ“.

Если кому-либо изъ нихъ удавалось стянуть пару ковровъ, халатъ или оружіе, то онъ исчезалъ ночью и бѣжалъ съ добычею домой. По прошествіи восьми дней, у насъ не осталось ни одного рабочаго. Наконецъ, мнѣ была дана въ распоряженіе, временно, небольшая команда пѣхоты и казаковъ. Послѣднихъ я заставилъ осмотрѣть и очистить рѣчки, изъ которыхъ мы брали воду для питья и варки кушанья. Въ чертѣ лагеря изъ этихъ ручейковъ было вытаснено и предано землѣ 32 трупа. По прошествіи нѣкотораго вре-

мени, текинцы начали возвращаться въ свои аулы и занимались къ намъ въ работники. Но, несмотря на хорошую плату, они исполняли это дѣло неохотно, смотрѣли на него какъ на барщину и каждая группа въ четыреста—пятьсотъ человекъ, проработавъ нѣсколько дней и приучившись къ порядку, непременно являлась къ намъ съ просьбою освободить ее и вызвать рабочихъ изъ другихъ ауловъ. Вслѣдствіе постоянной смѣны рабочихъ, безъ того сложное и трудное дѣло ассенизаціи становилось еще болѣе затруднительнымъ; при этомъ только часть текинцевъ являлась со своими лопатами; персы и наши солдаты таковыхъ не имѣли, поэтому я получалъ каждое утро лопаты, заступы, кирки отъ саперной команды и долженъ былъ сдавать ихъ вечеромъ обратно. Когда-же саперы сами выходили на работу, то мнѣ выдавали лишь половину или четверть нужныхъ мнѣ лопатъ и кирокъ. Въ такіе дни работа подвигалась у насъ медленно. По вечерамъ рабочіе сходились на площадку передъ моею кибиткою, усаживались на землю полукругомъ и клали передъ собою инструменты, которые отъ нихъ отбирались и сдавались по принадлежности. Тогда-же имъ выдавались заработанные деньги. Азіаты не брали нашихъ бумажекъ, поэтому мнѣ приходилось каждый вечеръ имѣть наготовѣ отъ ста до двухсотъ рублей звонкою монетою. Вначалѣ меня снабжало ею отрядное казначейство, но затѣмъ кассиръ заявилъ, что я одинъ потребляю весь запасъ серебра и что они не могутъ выдавать его въ такомъ количествѣ. Тогда я сталъ посылать каждое утро своего денщика и одного писаря, фельдшера или унтеръ-офицера на базаръ и въ лагерь, чтобы они намѣняли требуемую сумму русскою или персидскою серебряною монетою. Они бывали въ отсутствіи всегда по нѣсколько часовъ, а иногда и цѣлыми днями. Вечеромъ, нѣсколько человекъ насъ раздавало сидѣвшимъ въ кругу рабочимъ ихъ дневной заработокъ серебряною монетою, причемъ отъ нихъ требовалась квитанція въ полученіи денегъ. Иногда между ними оказывался грамотный, который и писалъ квитанцію отъ имени всѣхъ на татарскомъ или на персидскомъ языкѣ; иногда надо было искать писца на базарѣ. Квитанція препровождалась немедленно въ управление коменданта лагеря, гдѣ она переводилась на русскій языкъ и скрѣплялась подписью коменданта и приложеніемъ казенной печати. Безъ исполненія этой процедуры контроль не признавалъ израсходованною мною суммы законною; если у меня не хватало серебряной монеты, то рабочіе не являлись на слѣдующій день. Такимъ образомъ, я былъ связанъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока происходили ассенизаціонныя работы, и не могъ отлучиться ни на одинъ день.

Рабочіе исполняли свое дѣло какъ слѣдуетъ только тогда, когда за ними былъ строгій надзоръ. Я ѣздилъ изъ лагеря въ крѣпость рано утромъ и послѣ полудня и проводилъ ежедневно часовъ семь или восемь, наблюдая за этою ужасною работою. Мало помалу у меня выработалась цѣлесообразная метода. Вначалѣ дѣло это было для меня совершенно незнакомое. Все то, что мнѣ пришлось видѣть и примѣнять на дѣлѣ во время франко-прусской войны, не могло служить образцомъ здѣсь, въ Азіи. Тамъ мы имѣли въ достаточномъ количествѣ, даже въ изобиліи, перевозочныя средства, всѣ нужные инструменты, дезинфекціонныя средства и рабочихъ. Сосѣднія государства, въ особенности Бельгія, выслали намъ на помощь нѣсколько колоннъ своихъ собственныхъ могильщиковъ, которые привезли съ собою повозки, дезинфекціонныя средства и всевозможныя принадлежности. Всего этого не было теперь въ нашемъ распоряженіи. Дезинфекціонныхъ средствъ, закупленныхъ, по моему распоряженію, въ Баку, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1880 г., не хватило для огромнаго и непредвидѣннаго количества человѣческихъ и животныхъ труповъ, которые лежали незарытыми или были зарыты слишкомъ поверхностно, и для той массы грязи, которая накопилась въ крѣпости Геокъ-Тепе отъ пребыванія въ ней во время осады этой крѣпости 35,000 человѣкъ съ ихъ стадами. Я рассчитывалъ быстро достигнуть своей цѣли при помощи огня, но былъ знакомъ лишь съ устройствомъ герметическихъ печей, употребляемыхъ для сжиганія за-границею, и не зналъ, какъ производится сжиганіе труповъ на открытомъ воздухѣ. 14-го января 1881 г., въ присутствіи цѣлой комиссіи, мы сложили первый костеръ, положили на него до десяти труповъ и подожгли его. Пламя взвилось высоко, дерево быстро сгорѣло, но трупы были только до нѣкоторой степени обуглены. На костеръ былъ, между прочимъ, положенъ одинъ текинецъ въ полномъ одѣяніи; когда подпорки рушились, онъ чуть не вывалился изъ огня.

Въ ту минуту, какъ я толкнулъ этотъ трупъ обратно въ пламя съ помощью длиннаго шеста, патроны, бывшіе у него за поясомъ, воспламенились; сотрясеніе воздуха отбросило меня аршина на три отъ этого мѣста; вокругъ меня засвистали пули, но я остался невредимъ на этотъ разъ, точно также какъ и во все время похода. Этотъ способъ сжиганія требовалъ слишкомъ много дровъ, которыхъ у насъ было весьма мало, и не разрушалъ окончательно человѣческихъ труповъ, большіе-же трупы животныхъ оставались совсѣмъ нетронутыми. Впослѣдствіи я изыскалъ другой, вполне цѣлесообразный, способъ, который и предлагаю примѣнять во всѣхъ

походахъ. Въ одномъ изъ рововъ, коихъ было много въ крѣпости, я приказалъ сложить другъ на друга два и отнюдь не болѣе четырехъ труповъ, и завалить ихъ всевозможными вещами, подлежащими истребленію, соломою, навозомъ, домашнею утварью, прутьями, тряпками, а подъ ними оставить каналъ для притока воздуха. Все это прикрывалось войлокомъ со всѣхъ зараженныхъ кибитокъ, которыя я также долженъ былъ истребить. Такую кучу, устроенную на подобіе обыкновенныхъ угольныхъ ямъ, мы поджигали съ вечера и уходили. Огонь тлѣлъ подъ войлочнымъ покровомъ цѣлую ночь и на утро мы находили только обуглившіеся комки въ грудѣ зола. Огромное преимущество этого способа сжиганія заключалось въ отсутствіи того нестерпимаго запаха жаренаго мяса, который при открытомъ огнѣ былъ неустранимъ. Такимъ способомъ я ежедневно сжигалъ по нѣсколько труповъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но для массы мертвыхъ тѣлъ, лежавшихъ незарытыми слѣдовало придумать что-нибудь иное. Глинистая почва была слишкомъ тверда, наши инструменты слишкомъ для нея слабы, а рабочіе черезъ чуръ неумѣлые. Могила вырывалась не довольно глубока, а сжиганіе труповъ по нѣсколько въ день занимало много времени, въ этомъ случаѣ надобно было придумать что-либо иное. Поэтому мы запрудили воду въ одномъ изъ каналовъ, окружавшихъ Геокъ-Тепе, и, осушивъ его, получили такимъ образомъ глубокую и широкую яму, которая могла служить обширною общеою могилою. Половину ея мы наполнили человѣческими трупами, а въ другую половину стащили трупы верблюдовъ. Нерѣдко приходилось 20-ти и даже 30-ти человѣкамъ приложить свои силы къ такому исполненію животному, чтобы стащить его съ мѣста. Дабы имѣть достаточно земля для засыпки этой громадной могилы, я испросилъ у Скобелева разрѣшеніе разрушить верхній этажъ глиняныхъ стѣнъ Геокъ-Тепе. Итакъ, стѣны знаменитой текинской крѣпости были разрушены частью для санитарныхъ цѣлей; вотъ причина, вслѣдствіе которой онѣ кажутся теперь столь незначительными. Я самъ направилъ на нихъ первый ударъ лома. Не зная тогда ни одного азіатскаго языка, мнѣ приходилось постоянно объяснять всякое дѣло, лично прилагая къ нему руки. Я поставилъ, на верхней стѣнѣ около сотни рабочихъ, другую сотню на средней террасѣ и третью на землѣ, между тѣмъ какъ остальные рабочіе были заняты въ другомъ мѣстѣ. Верхнимъ ста рабочимъ я показалъ собственноручно какъ разбивать стѣну и бросать землю на среднюю террасу, затѣмъ я спустился ко второму ряду рабочихъ, схватилъ лопатку передняго изъ нихъ и откинулъ

землю далѣе къ тому мѣсту, гдѣ стояла третья сотня. Сойди къ ней, я взялъ снова въ руку лопату и бросилъ нѣсколько комовъ земли на трупы, лежавшіе въ ямѣ, затѣмъ спросилъ рабочихъ: поняли-ли они меня? Громкое алла или ура было мнѣ отвѣтомъ и въ полъ-дня значительная часть стѣны была разрушена и обширная могила съ ея печальнымъ содержимымъ наполовину засыпана землею. Этотъ способъ далъ въ теченіе недѣли ббльшіе и лучшіе результаты, нежели сжиганіе труповъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Когда Скобелевъ возвратился изъ Асхабада, то, объѣзжая съ нимъ крѣпость, я могъ показать ему, что въ стѣнахъ ея не было болѣе труповъ.

На площадкѣ самой высокой стѣны я нашелъ пять убитыхъ воиновъ, въ сидячемъ и лежачемъ положеніи, вокругъ недоконченнаго обѣда. Посреди нихъ стоялъ еще треножникъ на угольяхъ, а на немъ желѣзная сковорода съ кашею; одинъ изъ убитыхъ стоялъ возлѣ него на колѣняхъ, прислонившись къ стѣнѣ, другой упалъ прямо на лицо, третій лежалъ, вытянувшись на спинѣ, Граната застигла ихъ во время ѣды и всѣхъ уложила на мѣстѣ. Никто изъ текинцевъ не позаботился во время осады и канонадъ похоронить этихъ несчастныхъ; я нашелъ ихъ въ этомъ положеніи и приказалъ снести полуразложившіеся ихъ трупы внизъ и сжечь ихъ въ одеждѣ и съ вооруженіемъ.

Между прочимъ, были и такіе случаи: внутри крѣпости, на открытой равнинѣ, на всемъ пространствѣ, доступномъ взору, не было ничего видно, и, однако, сильный трупный запахъ обнаруживалъ присутствіе вблизи мертваго тѣла. Наконецъ, мы открыли чрезъ маленькое отверстіе въ землѣ, что въ одной саклѣ, входъ въ которую былъ заваленъ, лежалъ непогребенный одинъ или нѣсколько труповъ.

Работы, казалось, близились уже къ концу, когда я посѣтилъ отдѣльно стоявшій фортъ на западной сторонѣ внѣ крѣпостныхъ стѣнъ. Я нашелъ все внутреннее пространство этого форта наполненнымъ трупами людей, лошадей и коровъ, лежавшихъ на соломѣ и навозѣ. Этотъ фортъ былъ атакованъ 12-го января 1881 года утромъ, съ внѣшней стороны, третьею штурмовою колонною, подъ командою подполковника Гайдарова. Большая часть гарнизона успѣла спастись, перелѣзши черезъ стѣны, но животные были заперты въ немъ, такъ какъ доступъ въ фортъ находился съ внѣшней стороны. Поэтому текинцы перерѣзали своимъ чуднымъ скачунамъ горло, чтобы они не достались въ руки непріятеля, но они

такъ сгѣшили, что не имѣли времени снять съ лошадей сѣдлъ и серебряной сбруи. Такимъ образомъ, мы не поживились ни одною порядочною лошадейю,—текинцы или увели ихъ вмѣстѣ съ собою, или сами убили ихъ на мѣстѣ.

Этотъ фортъ представлялъ ужасное зрѣлище. Я приказалъ сжечь всю его внутренность, а затѣмъ мы разломали одну стѣну и засыпали этою землею все то, что не было уничтожено пламенемъ. Нашъ лагерь былъ также усѣянъ только-что зарытыми трупами. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы часто ходили или ѣздили, изъ земли высовывались черепа и нерѣдко чья-нибудь палатка стояла надъ свѣжею могилою, въ которой трупъ былъ засыпанъ самымъ тонкимъ слоемъ земли.

При работахъ въ крѣпости намъ мѣшали, между прочимъ, безчисленныя собаки текинцевъ. Онѣ были двухъ породъ: знаменитыя, красивыя борзые и большія, сильныя дворовыя собаки. Собаки днемъ обменовенно убѣгали отъ насъ, но по ночамъ возвращались въ крѣпость, вырывали своихъ хозяевъ изъ земли, ложились возлѣ нихъ и караулили ихъ.

III.

Вслѣдствіе ассенизаціонныхъ работъ, мнѣ пришлось быть вдали отъ раненыхъ и отказаться на время отъ моей спеціальнойности—хирургіи. Только рано утромъ, принявъ холодную душу и переѣвнивъ ту одежду, въ которой былъ на ассенизаціонныхъ работахъ, я посѣщалъ раненыхъ и справлялся объ ихъ здоровьи. Полковникъ Ципринскій, нынѣшній комендантъ Пятигорска, получилъ во время штурма незначительную, повидимому, пулевую рану въ плечо, но съ пораженіемъ главнаго нерва, причемъ рука его оказалась парализована. Понятно, что онъ былъ крайне огорченъ этимъ и я выслушивалъ каждое утро его горькое сѣтованье на судьбу; зато князь Андрониковъ встрѣчалъ меня всегда съ одинаково любезною улыбкою. Ему раздробила пуля кости предплечья; онъ страдалъ сильно и долго, но отдѣлался отъ своей раны благополучнѣе, нежели Ципринскій. Они служили оба въ Ставропольскомъ полку. Моряки Шемакъ и Майеръ, также тяжело раненые, переносившіе свои страданія мужественно, оба принадлежали къ Кронштадтской морской батарее. Полковникъ Апшеронскаго полка Поповъ былъ раненъ при штурмѣ въ голову и получилъ сотрясеніе мозга. Жизнь его внушала намъ долгое

время серьезнаго опасенія, однако, онъ выздоровѣлъ и посѣтилъ меня въ послѣдствіи въ Пятигорскѣ совершенно здоровый и цвѣтущій, съ живѣйшею благодарностью вспоминая о нашихъ заботахъ о немъ. Онъ не позабылъ того, какъ я нашелъ его вечеромъ, въ день штурма, облитаго кровью, перевязалъ рану, очистилъ и переодѣлъ его. При этой перевязкѣ помогала мнѣ сестра милосердія Стрякова, всѣми глубоко уважаемая, весьма дѣльная женщина. При пользованіи Шемама я примѣнилъ съ успѣхомъ чисто консервативный способъ леченія подъ струпу.

Въ общемъ, пребываніе на мѣстности, покрытой трупами, было неблагопріятно для исхода леченія ранъ. Весьма опасно было также появленіе во всѣхъ палаткахъ и кибиткахъ захваченныхъ у непріятелей вещей, въ особенности ковровъ и халатовъ, которые находились, можетъ быть, по нѣсколько недѣль въ соприкосновеніи съ трупами.

Трехдневное разграбленіе Геокъ-Тепе было такою мѣрою, которая въ нравственномъ и физическомъ отношеніи принесла побѣдителямъ не менѣе вреда, нежели побѣжденному. Она распространила среди насъ въ первые-же дни сыпной или, такъ называемый, военный тифъ. Въмѣсто того, чтобы содѣйствовать устраненію заразы и грязи, солдаты, принимавшіе участіе въ разграбленіи, перерыли всѣ уголки, такъ какъ нѣкоторымъ изъ нихъ удалось найти спрятанные или зарытые горшки съ серебряною монетою, что и возбудило алчность прочихъ. Единственное что мнѣ оставалось дѣлать, было то, что я не позволилъ никому, изъ находившихся со мною въ непосредственныхъ сношеніяхъ по службѣ или изъ подчиненныхъ мнѣ, принять участіе въ разграбленіи, и не скрывалъ моего негодованія по этому поводу отъ генерала.

— „Вы этого не понимаете, любезный докторъ, это особенность азіатской войны“, сказалъ на это Михаилъ Дмитріевичъ.

— Она кажется мнѣ черезчуръ азіатскою. Единственнымъ оправданіемъ нашего появленія въ этой странѣ и того, что мы внесли сюда войну, служить распространеніе европейской цивилизаціи; въ такомъ случаѣ, мы не должны, кажется, поступать хуже, нежели сами азіатцы.

— „Вотъ этого-то именно вы и не можете вполне понять, такъ какъ вы не жили въ Азіи. Если-бы я не разрѣшилъ разграбленія Геокъ-Тепе, то азіатцы не считали-бы себя побѣжденными. Разрушеніе и разграбленіе должны сопровождать побѣду, иначе они не будутъ считать ее побѣдою“.

Я долженъ сознаться, что теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря приобрѣтенной опытности и знакомству съ азіатскою жизнію, мнѣ понятнѣе аргументація Скобелева въ этомъ отношеніи, но въ то время онъ не могъ убѣдить меня.

Кромѣ поистинѣ ужасныхъ и крайне противныхъ ассенизаціонныхъ работъ, въ то время приходилось переносить вообще много неприятнаго и тяжелаго. Эвакуація раненыхъ шла, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, какъ-то: дурныхъ дорогъ, недостаточныхъ перевозочныхъ средствъ и т. п., весьма медленно, а я считалъ пребываніе въ Геокъ-Тепе раненыхъ опаснымъ для ихъ жизни, и тогда же предложилъ Михаилу Дмитріевичу перенести нашъ лагерь выше по теченію рѣкъ, на здоровую почву, что было разрѣшено мнѣ вполнѣ, въ началѣ марта 1881 г. Но въ первый разъ слова мои привели Скобелева въ совершенную ярость и онъ воскликнулъ:

— „Какъ, вы рѣшаетесь предложить мнѣ подобную вещь, вы, участвовавшій въ столькихъ войнахъ. Я долженъ, видите-ли, оставить Геокъ-Тепе, этотъ символъ побѣды, изъ за однихъ только санитарныхъ соображеній. Никогда!“

— Я не говорю о томъ, чтобы оставить его, мы отодвинемъ только лагерь нѣсколько верстъ ближе въ Копетъ-Дагу, гдѣ въ рѣкахъ нѣтъ труповъ, гдѣ земля не переполнена убитыми, подалеже отъ ужасной, смертоносной атмосферы этой крѣпости; здѣсь можетъ оставаться усиленный караулъ, который смѣняется черезъ день или ежедневно; мы будемъ являться каждое утро съ рабочими, а вечеромъ будемъ возвращаться назадъ. Но госпиталь слѣдуетъ удалить отсюда, точно также какъ войска и нашихъ офицеровъ; вамъ самимъ не слѣдуетъ жить на этой зараженной почвѣ.

— „Примите инныя мѣры противъ тифа, но мы должны пребыть еще нѣкоторое время на мѣстѣ побѣды, на завоеванномъ полѣ битвы“.

Точно также нельзя было добиться вначалѣ строгаго исполненія приказанія не держать въ палаткахъ текинской одежды и ковровъ и наблюдать извѣстную скромность на счетъ питанія. Солдаты съ наслажденіемъ предавались давно неизвѣданному удовольствію полакомиться обильною пищею. Двое изъ нихъ съѣли въ одинъ день цѣлаго барана. Другіе пекли цѣлыми днями пышекъ изъ найденныхъ запасовъ муки и жира и, обременяя желудокъ, тѣмъ самымъ подготавливали благопріятную почву для тифа. Первымъ заболѣлъ тотъ баталіонъ Апшеронскаго полка, который первый вступилъ въ караулъ въ крѣпость, за нимъ заболѣла часть Дагестанскаго полка. Въ первый день было 30 заболѣваній, во второй 40, на третій 50. Я уединилъ тифозныхъ больныхъ отъ раненыхъ; они не только лежали въ совершенно отдѣльныхъ палаткахъ, но и санитарному персоналу не было дозволено сообщаться между собою. Военно-временный госпиталь № 4 былъ переведенъ изъ Самурска

въ Геовъ-Тепе; палатки дезинфицированы и ежедневно обкуривались карболкою.

Скобелевъ подтрунивалъ надо мною за то, что я потребовалъ, между прочими дезинфекціонными средствами, карболоваго мыла.

— Не желаете-ли вы выписать одеколону и туалетнаго уксуса? спросилъ онъ меня шута.

— Почему-же нѣтъ, если бы это было возможно? возразилъ я. Во время франко-прусской войны, когда я былъ главнымъ врачомъ въ Нейвидѣ, мнѣ прислали изъ Кёльна такъ много одеколону, что я дѣйствительно могъ употреблять его для больныхъ. Когда я путешествовалъ впослѣдствіи по Швеціи, то король шведскій спросилъ меня:—, правда-ли, что у меня въ госпиталяхъ дамы натирали больныхъ и раненыхъ одеколономъ? Дѣло было такъ. Сотни раненыхъ, по большей части французовъ, которые, по сдачѣ Меца, прибыли изъ тамошнихъ госпиталей, не были перевязываемы, какъ оказалось, по нѣсколько дней, иногда даже по нѣсколько недѣль. Они были покрыты застывшею кровью, присохшимъ гноемъ и липкимъ пластыремъ. Весь санитарный персоналъ Нейвида: врачи, сестры милосердія и члены дамскаго кружка, цѣлые три дня были заняты отчисткою этихъ несчастныхъ: приготовляли для нихъ ванны, перевязывали и переодѣвали ихъ. По этому случаю я пустилъ въ ходъ мой запасъ одеколону и, соединяя пріятное съ полезнымъ, посоветовалъ намачивать въ него вату и оттирать ею пластырь и т. п.

Скобелевъ посмѣялся надъ моимъ разсказомъ, найдя, что съ моей стороны было весьма любезно облегчить дамамъ ихъ тяжелую работу благоуханіемъ.

— Я вижу, что вы избаловались въ школѣ европейской войны. Вы предъявляете слишкомъ большія требованія. Я считаю ложною всю современную систему черезъ чуръ большаго нѣжничанья съ ранеными солдатами ¹⁾. Но какимъ образомъ король шведскій могъ узвать этотъ маленькій анекдотъ?

— Нашъ госпиталь въ Нейвидѣ считался образцовымъ и былъ извѣстенъ русскими шатрами, присланными императрицею Марією Александровною; шатры эти я снабдилъ къ зимѣ печами и окнами. Изъ Америки, Россіи и Германіи пріѣзжали врачи осматривать это заведеніе, между ними было 4 доктора изъ Швеціи, командированныхъ правительствомъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Они находились у насъ, въ Нейвидѣ, въ то время, когда были привезены

¹⁾ Приблизительно то-же самое говорилъ императоръ Вильгельмъ I, когда онъ принималъ въ Берлинѣ депутата санитарнаго конгресса.

раненные изъ Меца. Кромѣ того, предсѣдательницею женскаго кружка и владѣтельницею Нейвида была принцесса Видская, сестра королевы шведской и мать королевы румынской. Она принимала постоянно участіе въ уходѣ за больными. Если я не ошибаюсь, то принцесса сама была свидѣтельницею наводненія „госпиталя одеколономъ“.

Тифъ добрался, мало по малу, до врачей, офицеровъ и ординарцевъ генерала Скобелева. Наконецъ, 27-го февраля 1881 года, Михаилъ Дмитріевичъ, прощаясь со мною на персидской территоріи, сказалъ мнѣ:

— „Передайте начальнику штаба полковнику Гродекову, чтобы лагерь былъ перенесенъ на новую территорію, и возьмите на себя выборъ наиболѣе удобнаго для него мѣста“.

Въ началѣ марта 1881 г. мы переселились на здоровую почву, и эпидемія прекратилась.

Между мною и Скобелевымъ возникали разногласія и по поводу другихъ санитарныхъ мѣропріятій. Когда вопросъ о дислокаціи и распущеніи войска былъ рѣшенъ, то Михаилъ Дмитріевичъ заявилъ мнѣ:

— „Я отправлю прямо на тотъ берегъ зараженные баталіоны Апшеронскаго, Дагестанскаго, Самурскаго и Ширванскаго полковъ, которые находятся уже такъ долго на этомъ берегу“.

— Мы не имѣемъ права этого сдѣлать, ваше пр—во, мы рисковали-бы этимъ заразить Кавказскую армію и, быть можетъ, занести тифъ въ населеніе края. Мы не смѣемъ повторить ошибку, сдѣланную послѣ турецкой войны, вслѣдствіе которой войска, возвращавшіяся съ театра военныхъ дѣйствій, распространили тифъ по всей Россіи. Почему знать, можетъ быть ветлянская чума была не что иное, какъ самая тяжелая форма сыпнаго тифа?

— „Ваше дѣло, сказалъ командующій, только заботиться о здоровьи ввѣренныхъ мнѣ войскъ. На то вы и отрядный врачъ; вѣдь мы согласны съ вами относительно дислокаціи въ принципѣ“.

— Михаилъ Дмитріевичъ, не сердитесь, если я не соглашаюсь съ вами. Мы можемъ совершить дислокацію инымъ способомъ, не отправляя войска немедленно на тотъ берегъ. Мы можемъ дать заразъ развиться здѣсь, дать войскамъ переболѣть во время ихъ медленнаго передвиженія на родину. Мы имѣемъ на обѣихъ военныхъ дорогахъ достаточно госпиталей для приѣма больныхъ. Баталіоны должны быть еще дезинфицированы и надобно дать властямъ на томъ берегу время принять съ своей стороны необходимыя мѣры предосторожности.

Скобелевъ не хотѣлъ уступить. Я не могъ уступить. Мы разстались, не придя къ соглашенію, и генераль былъ сердитъ на меня. Полчаса спустя, онъ прислалъ за мною ординарца Д.

— *Voyons, docteur, il faut pourtant trouver le moyen de nous entendre.* Присядьте и изложите мнѣ письменно вашъ планъ и ваши доводы, противорѣчащія моему намѣренію.

Такъ и было. Прочтя написанное мною, генераль сказалъ по нѣмецки:

— Превосходно; вотъ это я понимаю. Теперь отправите одинакаго содержанія телеграммы, подобно тому, какъ дипломаты пишутъ одинакія ноты, я—великому князю главнокомандующему, а вы—медицинскому инспектору; тогда на томъ берегу могутъ быть приняты необходимыя мѣры предосторожности, а мы двинемъ тѣмъ временемъ войска медленно къ морю.

Войска, подлежащія отправленію на тотъ берегъ, были двинуты по Атрекской и Михайловской дорогамъ къ приморскимъ пунктамъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились госпитали или лазареты, они имѣли 2—3 дневную дневку, какъ-то: въ Дурунѣ, Бами, Ходжамъ-Калѣ, Чикишлярѣ и на Михайловской дорогѣ въ Кизиль-Арватѣ, Айдинѣ, Михайловскѣ и Красноводскѣ. Больные поступали тутъ въ госпитали, выздоравливающіе выписывались и присоединялись къ войску. Я объѣзжалъ въ это время объ дороги и контролировалъ выполненіе этой мѣры. На берегу моря, въ Чикишлярѣ и Михайловскѣ, были устроены дезинфекціонныя камеры и бани. Солдаты должны были сжигать всѣ старыя тряпки и мундиры, раздѣваться до-нага и вымыться въ банѣ. Тѣмъ временемъ ихъ вещи дезинфецировались въ сѣрныхъ парахъ и, по выходѣ изъ бани, имъ выдавались на другой сторонѣ свѣжее бѣлье и дезинфецированная ихъ одежда. Для перевозки солдатъ были наняты особыя суда, на которыхъ пассажировъ и товаръ не перевозили. Когда войска достигали берега моря послѣ 3—4-хъ-недѣльнаго перехода по степямъ Закаспійской области, къ нимъ успѣли уже присоединиться не мало выздоровѣвшихъ отъ тифа, а въ самомъ батальонѣ не осталось болѣе людей зараженныхъ. Они справились съ болѣзнью на пройденной территоріи, такъ сказать, на вольномъ воздухѣ. Среди нашихъ войскъ, когда они прибыли на другой берегъ, не было уже ни одного случая заболѣванія сыпнымъ тифомъ, точно также мы не занесли болѣзни ни въ Кавказскую армію, ни въ среду туземнаго населенія края. Я считаю этотъ фактъ торжествомъ гигиены и смотрю на него, какъ на награду за все тяжелое и трудное, что довелось перенести.

Скобелевъ былъ слишкомъ уменъ, развитъ и хорошо образованъ, а потому быстро понялъ правильность моихъ медицинскихъ и гигиеническихъ мѣропріятій и, въ концѣ концовъ, изъявилъ на нихъ свое согласіе.

Но тотъ фактъ, что для примѣненія ихъ мнѣ часто приходилось вначалѣ выдерживать борьбу, изъясняется тѣмъ, что, 7 — 8 лѣтъ тому назадъ, принципы гигиены, ихъ важность для народнаго здоровья еще не такъ вошли въ общее сознаніе, какъ теперь. Съ другой стороны, мое противорѣчіе командиру войсками принималось военными какъ нарушеніе дисциплины. Эти столкновения между медицинскими требованіями съ одной стороны и военною дисциплиною съ другой — всегда существовали и до извѣстной степени всегда будутъ. Но я надѣюсь, что важность предупредительныхъ гигиеническихъ мѣръ будетъ болѣе и болѣе признаваема какъ обществомъ, такъ и военною администраціею.

Изъ восточной войны припоминаю подобный-же случай, гдѣ мое заступничество за раненыхъ и больныхъ едва не вызвало столкновения съ военнымъ начальникомъ, генераломъ Тергукасовымъ, бывшимъ старшимъ по лѣтамъ Михаила Дмитріевича Скобелева и болѣе его опытнымъ. Тергукасовъ принялъ дѣло иначе и далъ ему другой оборотъ.

Лѣтомъ 1877 года, по личному приказанію е. и. высочества великаго князя главнокомандующаго, я отправился изъ Александрополя въ Эривань и въ Игдирь, въ качествѣ полевого хирурга, и исполнялъ операціи, особенно резекціи на раненыхъ. Когда командиръ Эриванскаго отряда, генералъ Тергукасовъ, посѣтилъ госпиталь и, собравъ медицинскій персоналъ, объявилъ, что раненые и больные должны быть эвакуированы въ Эривань въ теченіе сутокъ и что для этой цѣли извѣстное число арбъ будетъ въ распоряженіи врачей къ слѣдующему утру, въ 4 часа,—я вступился за вновь резекціонныхъ, исцѣленіе которыхъ вполне зависитъ отъ спокойствія и недвижности, и просилъ для нихъ исключенія. Помню, что у меня въ разговорѣ проскользнуло слово: „я не позволю ихъ тащить на арбахъ“.

Тергукасовъ посмотрѣлъ на меня весьма серьезно, почти строго, но потомъ спросилъ:

— А если я ихъ велю на рукахъ нести въ носилкахъ, это вы позволите?

Такъ и было сдѣлано. Резекціонныхъ я опять встрѣтилъ въ Эривани; переноску на рукахъ они вынесли хорошо.

IV.

Тяжелое было время, пережитое нами въ Геокъ-Тепе. Не легко было перенести пребываніе среди скучной, пустынной равнины, быть оторваннымъ отъ культурнаго міра, отъ семьи, общества музыки, литературы и науки. Вся бібліотека заключалась въ XIII-мъ томѣ свода законовъ. Всякая книга была такимъ сокровищемъ, что я помню малѣйшія подробности, при которыхъ я получилъ ту или другую книгу или кто именно затерялъ мнѣ какое-нибудь сочиненіе.

Моя семья выслала мнѣ „Les lois en exil“, Дод е, книгу, которая тогда только-что вышла. Она перешла отъ меня къ Михаилу Дмитриенчу, а отъ него попала въ другія руки и такъ обошла весь лагерь; обратно я получилъ книгу отъ полковника Куропаткина. У покойнаго NN. находилось „Путешествіе Вамбери по Средней Азіи“; особенно интересно было прочесть эту книгу на мѣстѣ; онъ одолжилъ намъ ее всѣмъ поочереді. Я получалъ во все время похода медицинскую и политическую газету весьма аккуратно, т. е. съ каждою почтою, а это случалось разъ, а впоследствии два раза въ недѣлю. Какъ только приходила полевая почта, въ мою палатку являлись гости.

„Почта пришла“, говорилъ одинъ.

„Получили вы уже газету?“ освѣдомлялся другой.

Третій являлся одновременно съ почталіономъ. Офицеры, врачи, фармацевты наполняли мою маленькую юламейку; пока я проглатывалъ письма, они читали газеты; двое просматривали главный листъ, третій—прибавленіе. Телеграммы читались вслухъ. Но газету никто не смѣлъ брать съ собою, такъ какъ поздно вечеромъ или ночью Скобелевъ присылалъ ординарца или кого другаго съ просьбою одолжить ему газету. Я отмѣчалъ для него болѣе важныя статьи.

Я почти одинъ во всемъ отрядѣ получалъ газеты и письма такъ аккуратно, и это стоило мнѣ много денегъ, хлопотъ и не мало заботъ, но зато я не оставался безъ извѣстій изъ дома и изъ Европы. Всякій разъ, какъ мы мѣняли мѣсто стоянки, я оставлялъ на почтѣ письменное заявленіе, съ просьбою пересылать мнѣ письма и газеты въ новое наше мѣстопробываніе; въ то-же время я сообщалъ по телеграфу эту просьбу и мой новый адресъ въ Бакинскій почтамтъ, въ Петербургъ, въ редакціи газетъ и моему семейству. Скобелевъ-же выписывалъ 15 журналовъ и газетъ, на русскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, и французскомъ языкахъ, между

прочимъ, разныя спеціальныя и политическія газеты, но они выслались вначалѣ въ Красноводскъ и адресъ этотъ не измѣнялся въ теченіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ. Когда мы прибыли, по окончаніи похода въ Красноводскъ, Михаилъ Дмитріевичъ привелъ меня въ залу, у стѣны которой были наложены цѣлыя груды его журналовъ.

— „Предлагаю вамъ вознаградить себя за ваши газеты. Вы можете теперь получить все это“, сказалъ онъ, улыбаясь.

V.

Во время нашего пребыванія въ Геокъ-Тепе, случилось еще нѣсколько интересныхъ эпизодовъ.

Вскорѣ послѣ умиротворенія Ахалскаго оазиса, Скобелевъ пришелъ однажды ко мнѣ, сіяющій, съ письмомъ въ рукахъ, и сказалъ:

— Вотъ первый политическій результатъ нашей побѣды! Персидскій шахъ отправилъ посланцевъ, чтобы привѣтствовать насъ. Меня спрашиваютъ письменно, приму-ли я посольство. Разумѣется, приму. Пусть только пріѣдетъ!

Онъ отправилъ джигита съ пригласительнымъ письмомъ къ персидскому послу, Шуджаудъ-Дауле-хану, дядѣ шаха и губернатору Киджана, который былъ уже въ пути съ большою свитой.

Въ лагерѣ начались приготовления. Въ чертѣ нашей стоянки былъ отдѣленъ четырехугольникъ для персовъ; музыканты разучивали персидскій національный гимнь; казаки упражнялись въ джигитовѣ; наводились справки—кто изъ переводчиковъ или офицеровъ понималъ по-персидски. Оказалось, что подполковникъ Самурскаго полка Гайдаровъ былъ превосходный знатокъ персидскаго языка. Когда все было приготовлено какъ слѣдуетъ, для персовъ отведено нѣсколько кибитокъ, убранныхъ коврами, и получено извѣстіе, что Шуджаудъ-Дауле-ханъ, сопровождаемый 300 всадниковъ, находится уже въ Копеть-Дагѣ, на разстояніи одного только дня ѣзды, Скобелевъ внезапно уѣхалъ въ Асхабадъ, отдавъ приказаніе принять персидскаго сановника съ подобающею почестью, выставить почетный караулъ и т. д., и когда посольство пріѣдетъ въ лагерь, послать о томъ гонца съ извѣстіемъ къ нему, Михаилу Дмитріевичу, въ Асхабадъ.

Узнавъ черезъ своихъ шпіоновъ, что Скобелевъ уѣхалъ изъ лагеря, Шуджаудъ-Дауле-ханъ не двинулся съ мѣста. На слѣдующій день отъ Михаила Дмитріевича явился гонецъ съ вопросомъ: „прибыли-ли персы?“ Ему отвѣчаютъ: „нѣтъ“.

Вслѣдъ затѣмъ явился посланный отъ Шуджаудъ-Дауле-хана, съ вопросомъ: „вернулся-ли генераль“, ему также отвѣчаютъ: „нѣтъ“.

Такимъ образомъ оба посылали джигитовъ, справляясь другъ о другѣ; каждому изъ нихъ хотѣлось, чтобы другой пріѣхалъ сперва, а затѣмъ уже совершить свой собственный вѣздъ. Наконецъ, персамъ стало въ горахъ холодно — тогда былъ февраль мѣсяць (1881 г.)—и они рѣшились пріѣхать въ лагерь. На встрѣчу имъ выѣхала казацкая сотня. Мы видѣли изъ лагера, какъ они встрѣтились у подошвы горной цѣпи, какъ казаки произвели джигитовку, и вслѣдъ затѣмъ весь поѣздъ тронулся; Арцишевскій ѣхалъ рядомъ съ ханомъ, за ними адъютанты и офицеры хана, потомъ сотня казаковъ и обозъ: сокольничьи, повара, тѣлохранители, верблюды, ослы, лошади, бараны. Такимъ образомъ, составилъ большой караванъ. Когда они подѣхали къ лагерю, наши музыканты заиграли персидскій маршъ, ханъ далъ знакъ своему шталмейстеру Рамазанъ-хану и нѣсколькимъ слугамъ снять его съ лошади и направился къ намъ, ожидавшимъ его близъ устроенной для него палатки. Послѣдовало взаимное представленіе; ханъ освѣдомился о томъ, гдѣ находится генераль и скоро-ли онъ возвратится. Въ его присутствіи, къ Михаилу Дмитріевичу былъ отправленъ джигитъ съ извѣстіемъ о прибытіи посольства.

Шуджаудъ-Дауле-хану было лѣтъ подъ пятьдесятъ, но на видъ онъ былъ гораздо старше, въ высшей степени худощавъ; лицо имѣлъ продолговатое, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, прищуренными глазами и весьма пріятною улыбкою. Выраженіе его лица было интеллигентное и разговоръ былъ пріятенъ, какъ рѣчь чловѣка образованнаго. Руки и ноги у него были длинныя, узкія, и послѣднія, очевидно, не привыкли къ ходьбѣ. Онъ опирался при ходьбѣ на двухъ приближенныхъ, которые почти тащали его. Лицо его было обрамлено длинными крашенными усами, по персидской модѣ. Онъ носилъ восточную саблю, осыпанную драгоценными камнями; одежда его была сдѣлана изъ темной шелковой матеріи, опушенная дорогимъ мѣхомъ; на ногахъ были обыкновенные башмаки и бѣлые англійскіе нитяные чулки; въ торжественныхъ случаяхъ онъ надѣвалъ высокіе сапоги. На персидской мѣховой шапкѣ у него былъ аграфъ изъ рубинъ и брилліантовъ. Хана сопровождали два сына, 23-хъ и 16-ти лѣтъ; дядя его, слабенькій старичекъ, одинъ артиллерійскій генераль исполинскаго роста, шталмейстеръ Рамазанъ-ханъ и изрядное количество офицеровъ и чиновниковъ, все болѣе или менѣе богато одѣтые и вооруженные. Въ нашемъ

отрядъ находился одинъ подполковникъ персидской службы Сульфагаръ-ханъ, совершившій съ нами весь походъ и говорившій по-французски. Онъ перезнакомилъ насъ съ персами. Между тѣмъ, ихъ свита прибыла также въ лагерь и начала устраиваться по домашнему. Мигомъ были разбиты красивыя четырехугольныя, двойныя палатки, разложенъ огонь, вбиты колья для лошадей, сдѣланы загородеи для коровъ и овецъ. Среди прислуги мы замѣтили негровъ, музыкантовъ въ мундирахъ и погонщиковъ верблюдовъ въ пестрыхъ одѣяніяхъ. У нихъ было съ собою все необходимое для большого хозяйства и они устраивались ловко и проворно.

Мы предложили гостямъ чаю; они достали свонизящныя чубуки. Слуга-негръ подалъ чубукъ камерлакею, тотъ передалъ его шталмейстеру, а шталмейстеръ — хану. Затянувшись нѣсколько разъ, ханъ предложилъ намъ курить, и чубукъ передавался по очереди всѣмъ присутствующимъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, начался фейерверкъ, спущенный по этому случаю артиллеристами. Для Геокъ-Тепе въ 1881 году фейерверкъ былъ довольно сносный. Въ настоящее время въ Закаспійской области можно увидѣть что-нибудь лучше и поэффектнѣе въ области пиротехники.

Нашимъ гостямъ фейерверкъ понравился чрезвычайно; точно также имъ доставили большое удовольствіе русскія, нѣмецкія и итальянскія мелодіи, размыгранныя нашими музыкантами. Наконецъ мы сѣли за столъ. Хозяева были голодны не менѣе гостей. За войскомъ слѣдовалъ итальянецъ-маркитантъ, который за хорошую плату доставлялъ намъ хорошія вина и сносную ѣду¹⁾. Столъ былъ накрытъ въ трехъ соединенныхъ кибиткахъ. Ханъ былъ посаженъ на почетное мѣсто, прочіе сидѣли по чинамъ, каждый изъ русскихъ рядомъ съ персомъ. Позади насъ стояли переводчики и переводили. Съ Сульфагаръ-ханомъ, говорившимъ по-французски, мы могли бесѣдовать безъ переводчика; съ Гайдаровымъ могли говорить персы безъ посторонней помощи. Было весьма оживленно. Гости пили вино также охотно, какъ и мы, и въ особенности дѣлали честь шампанскому.

На слѣдующее утро я поѣхалъ къ Шуджаудъ-Дауле-хану освѣдниться объ его здоровьи. Въ то-же время я сказалъ ему, что если онъ или его слутники будутъ нуждаться въ медицинсой помощи или совѣтѣ, то они могутъ обращаться ко мнѣ и что я считаю

¹⁾ Этотъ самый итальянецъ живетъ теперь въ Кланъ-Арватѣ, а его сынъ содержитъ заводъ сельтерской воды въ Чарджуѣ (1887 г.). О. Г.

себя отвѣтственнымъ за ихъ благополучіе въ этомъ отношеніи. Наши восточные гости охотно воспользовались моимъ предложеніемъ, совѣтывались со мною по дѣльнымъ часамъ и затѣмъ преспокойно прятали рецепты или лекарства въ карманъ, говоря, что займутся ими дома на покоѣ, теперь-же, во время празднествъ, неудобно лечиться. Тогда я имѣлъ случай убѣдиться впервые въ томъ, что впоследствии подтверждалось постоянно на моихъ глазахъ на Востокѣ, а именно, что посѣщеніе врача, прикосновеніе его, дотрогиваніе до больного рукою или полученіе отъ него какой-нибудь вещи, почитаеваемой амулетомъ (рецептъ, лекарство и т. п.), считается главнымъ, а сами пациенты отнюдь не думаютъ что-нибудь предпринимать для своего излеченія или исполнять предписанія врача. „Ты врачъ, одаренный отъ Бога искусствомъ врачеванія, ты долженъ помочь мнѣ, а не я самъ“, говорятъ восточные люди. Такимъ образомъ, больной носить при себѣ изреченіе Корана, пришитое къ шапкѣ или привѣшенное на шнуркѣ на шеѣ, или прячетъ рецептъ европейскаго врача въ халатъ, но упорно не хочетъ ни брать ваннь, ни глотать пилюль или дѣлать гимнастику.

Въ то-же утро ханъ отдалъ намъ официальные визиты, пріѣхавъ верхомъ, и подарилъ каждому изъ насъ верховаго коня хорошей персидской породы ¹⁾. Въ этотъ день ханъ пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ, отвѣдать персидской стряпни. Столъ былъ накрытъ по-европейски и кругомъ были поставлены стулья. Насъ сѣло за обѣдъ 12 человекъ. На столѣ стояло нѣсколько сладкихъ блюдъ, фрукты и желтое хиросское вино въ нестрыхъ хрустальныхъ графинахъ. Передъ каждымъ приборомъ лежалъ круглый плоскій хлѣбъ, похожій на еврейскую мацу. Этотъ хлѣбъ часто замѣняетъ на Востокѣ тарелки; но для насъ были поставлены фарфоровыя тарелки, вилки, ножи и ложки. Къ этому обѣду утромъ былъ заколотъ баранъ, и сокольничьи хана выѣзжали на охоту на фазановъ. Во время обѣденнаго стола, оркестръ струнныхъ инструментовъ и барабановъ, напоминавшій кавказскую зурну, игралъ попережѣнно съ нашимъ военнымъ оркестромъ.

— „Вчера въ честь васъ я старался ѣсть вилкою, сказалъ Шуджаудъ - Дауле, — сегодня позвольте мнѣ ѣсть по-азіятски, пальцами“.

¹⁾ Теперь, когда желѣзная дорога проходитъ черезъ Закаспійскій край. Бухарское ханство до Самарканда, когда европейцы сотнями ежегодно посѣщаютъ Бухару и представляются эмиру, — подарки халатами, лошадыми, уборами и проч. представляются уже анахронизмомъ.

Дѣйствительно, онъ принялся ѣсть руками, предварительно обмывъ и обтеревъ свои тонкія руки тутъ-же за столомъ, причѣмъ Рамазанъ-ханъ держалъ передъ нимъ металлическую чашку, въ которой онъ мылся. Ханъ ѣлъ такъ прилично, пользовался пальцами такъ искусно, что его способъ ѣды вовсе не казался грубымъ или дикимъ. Жаркое подавалось слѣдующимъ образомъ: у входа палатки появился поваръ съ большимъ вертеломъ, на которомъ было насажено штукъ восемь фазановъ. Одинъ изъ лицъ свиты взялъ у него вертелъ изъ рукъ и передалъ шталмейстеру, тотъ вручилъ его, подобно шпагѣ, хану, который снялъ собственноручно верхняго фазана съ вертела, разорвалъ его пополамъ и положилъ своимъ сосѣдямъ, каждому по половинѣ фазана, на тарелку. Для насъ было подано французское вино. Тосты были предложены ханомъ съ шампанскимъ. Онъ пилъ за здоровье Скобелева и каждого изъ насъ въ отдѣльности. Подъ конецъ обѣда онъ выразилъ свое удовольствіе, по поводу знакомства съ нами и благодарилъ за радушнѣйшій пріемъ, но затѣмъ прибавилъ:

— „Но такъ какъ я посланъ сюда моимъ монархомъ, чтобы привѣтствовать лично генерала Скобелева, а его здѣсь нѣтъ, то я уѣду завтра рано утромъ“.

Что Скобелевъ отлично понималъ въ какое затруднительное положеніе онъ поставилъ своимъ отсутствіемъ стараго сановника, officialнаго посланника дружественной намъ державы, о томъ свидѣтельствуетъ его письмо къ коменданту лагеря Арцишевскому, сообщенное этимъ генераломъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1883 г., кн. май. Скобелевъ писалъ 19-го февраля 1881 года изъ Луфтабада:

„21-го февраля буду въ лагерѣ подъ Геокъ-Тепе; Шуджаудъ-Дауле настоятельно прошу удержатъ, во что-бы то ни стало, безпрерывнымъ угощеніемъ и тамошой“, а 21-го февраля 1881 года онъ извѣщалъ изъ Асхабада:

„Передайте Шуджаудъ-Дауле, что я вчера вечеромъ выѣхалъ изъ Луфтабада, гдѣ задержанъ былъ крайне важными и благоприятными извѣстіями изъ Мерва. Въмѣсто вечера 22-го февраля, какъ предполагалъ сначала быть въ Геокъ-Тепе, буду завтра утромъ. Передайте ему, какъ я доволенъ его прибытіемъ въ нашу страну и какъ пріятно будетъ государю императору и великому князю доказательство его дружбы къ русскимъ властямъ. М. Скобелевъ“.

Комендантъ лагеря послалъ вновь нарочнаго въ Асхабадъ къ Миханлу Дмитріевичу, прося его болѣе не медлить и возвратиться

какъ можно скорѣе, такъ какъ въ персидскомъ лагерѣ дѣйствительно дѣлались приготовленія къ отъѣзду. Рано утромъ прибылъ изъ Асхабада гонецъ съ извѣстіемъ, что генераль слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Въ 11 или 12 часовъ прискакалъ Скобелевъ, забрызганный грязью, весь въ поту: онъ проѣхалъ 40 верстъ отъ Асхабада до Геокъ-Тепе, перемѣняя по пути лошадей.

Генераль успѣшилъ первый сдѣлать визитъ хану; они долго бесѣдовали между собою. Затѣмъ Шуджаудъ-Дауле поѣхалъ со своею свитою къ кибиткѣ генерала, отдалъ ему визитъ и также подарилъ ему лошадь, само собою разумѣется, бѣлаго цвѣта. Вечеромъ Шуджаудъ-Дауле посѣтилъ госпиталь и лазаретъ, поздоровался отдѣльно съ каждымъ офицеромъ и хотѣлъ вручить мнѣ для раздачи солдатамъ нѣкоторую сумму денегъ. Я отказался отъ этого, поблагодаривъ, и прибавилъ: „русскій солдатъ получаетъ все необходимое отъ казны; о нѣкоторой возможной роскоши заботится „Красный Крестъ“. Я не считаю себя вправѣ принять для нихъ денежный подарокъ“.

Нѣкоторые изъ военныхъ не одобрили моего отказа, но Скобелевъ нашель, что я поступилъ совершенно согласно его взгляду.

Персамъ чрезвычайно понравились у насъ больничныя палаты, желѣзныя кровати, чистое бѣлье, хорошо обставленная отрядная аптека. Но присутствіе сестеръ милосердія вызвало съ ихъ стороны улыбку удивленія. Ханъ разговаривалъ весьма любезно со всѣми сестрами и врачами, которыхъ я представилъ ему, и откровенно высказывалъ свое удивленіе по поводу всего видѣннаго. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что въ Геокъ-Тепе свирѣпствовала каждый годъ какая-то эпидемія, похожая на тифозную. Названіе тифъ было ему незнакомо, но онъ описывалъ эту болѣзнь такъ подробно, что мы признали ее за тифъ. Вообще азіаты отличаются тонкою наблюдательностью; старый сановникъ говорилъ хорошо и охотно рассказывалъ. Онъ описалъ мнѣ постоянныя пограничныя столкновенія, происходившія между текинцами и персами, набѣги текинцевъ на сосѣднія земли и экспедиціи, которыя предпринимались персами для наказанія ихъ. Въ одной изъ нихъ онъ самъ участвовалъ въ качествѣ командующаго. „Благодаря умиротворенію оазиса, персы будутъ пользоваться спокойствіемъ, говорилъ онъ, оживится торговля и поправится земледѣліе“. Поэтому они имѣли полное основаніе желать намъ успѣха и поздравить насъ съ побѣдой. Дѣйствительно, между нами и Хороссаномъ происходили оживленныя сношенія. Черезъ Копеть-Дагъ переходили ежедневно караваны, привозившіе намъ муку, зерновой хлѣбъ, фрукты, сушеные

плоды, дичь и т. д. Персы торговали у насъ бирюзой, шелковыми матеріями. Базаръ въ Геокъ-Тепе заключалъ въ себѣ три ряда лавокъ и магазиновъ.

На другой день по приѣздѣ Михаила Дмитріевича, въ честь персидскихъ гостей долженъ былъ состояться маневръ войскъ и парадный обѣдъ у Скобелева.

Я присутствовалъ на многихъ парадахъ и маневрахъ, гораздо болѣе величественныхъ и блестящихъ, въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Парижѣ, но болѣе интереснаго, своеобразнаго и увлекательнаго какъ этотъ, никогда не видалъ. Тутъ былъ изображенъ, въ концентрическомъ масштабѣ, штурмъ и взятіе Геокъ-Тепе. Справа, слѣва и съ фронта были двинуты въ атаку, точно также какъ въ дѣйствительности, три колонны, меньшія только численностью; на заднемъ планѣ былъ выстроенъ резервъ и артиллерія. Въ довершеніе иллюзіи, внутри крѣпости собралась масса текинцевъ, свита персовъ верхами, словомъ, многочисленная толпа зрителей, среди которыхъ преобладали азіятцы. Когда штурмующія колонны ворвались въ крѣпость черезъ бреша, то зрителямъ пришлось отступить. Иллюзія была полная. Скобелевъ находился посреди маневрирующихъ войскъ и командовалъ сраженіемъ. Во время битвы онъ воодушевился до такой степени, что всѣхъ увлекъ за собою. Я былъ болѣе взволнованъ во время этихъ маневровъ, нежели во время дѣйствительнаго штурма. Въ эту минуту можно было понять, до какой степени появленіе Скобелева и его дѣйствія должны были воодушевлять и увлекать массу. Ни прежде, ни послѣ я не видѣлъ его до такой степени въ своей сферѣ и не любовался имъ такъ, какъ въ это утро. Насколько я могъ замѣтить, приѣзжіе гости также были совершенно увлечены этимъ зрѣлищемъ.

Нѣсколько часовъ спустя, мы собрались у генерала на обѣдъ. Онъ приказалъ соединить двѣ кибитки вмѣстѣ, такъ что столъ могъ быть накрытъ на 16 персонъ. Онъ былъ накрытъ ослѣпительно бѣлою камчатною скатертью и уставленъ хрусталемъ и серебромъ. Откуда досталъ Михаилъ Дмитріевичъ такъ быстро всѣ эти предметы роскоши—осталось загадкою; по всей вѣроятности, они были привезены наскоро изъ Красноводска. Это было возможно только потому, что желѣзная дорога шла уже отъ Михайловска до Айдина, сокративъ такимъ образомъ длинный и трудный путь.

Возлѣ палатки стоялъ оркестръ военныхъ музыкантовъ и оттуда доносились вальсы Штрауса и мелодіи Верди, Чайковскаго и Глинки.

Скобелевъ сидѣлъ во главѣ стола, по правую руку отъ него Даудъ-Дауле, за нимъ я, далѣе старшій сынъ хана, полковникъ Вержбицкій; по лѣвую руку Скобелева сидѣлъ дядя хана, далѣе полковникъ Гродековъ, далѣе персидскій артиллерійскій генералъ; подполковникъ Меллеръ-Закомельскій, пріѣхавшій передъ самымъ обѣдомъ и привезшій генералу Георгіевскій крестъ 2-й ст.

Едва успѣли подать двѣ пережѣны, какъ Михаилъ Дмитріевичъ оставилъ свое мѣсто, подъ предлогомъ будто ему дуется въ спину, и сѣлъ возлѣ молодаго флигель-адъютанта Меллера, а на почетное мѣсто, въ концѣ стола, Скобелевъ посадилъ одного полковника. Ханъ, видимо, былъ смущенъ этимъ поступкомъ; съ минуту все общество сидѣло молча, до того всѣ были удивлены случившимся.

Такъ прошло съ четверть часа; затѣмъ Шуджаудъ-Дауле-ханъ поднялся съ своего мѣста, а вслѣдъ за нимъ и всѣ персы; поклонившись вѣжливо генералу, онъ приказалъ переводчику сказать, что онъ находитъ, что ему пора удалиться. Услыхавъ это, Скобелевъ воскликнулъ:

„Какъ, посреди обѣда, это невозможно!“

Но замѣтивъ обиженное лицо посланника и смущеніе всѣхъ присутствовавшихъ, онъ приказалъ переводчику передать его извиненіе хану и просить его снова занять оставленное имъ мѣсто.

— Я забылся, но я не могъ устоять передъ желаніемъ поговорить о Петербургѣ и о важныхъ мнѣ дѣлахъ съ пріѣхавшимъ флигель-адъютантомъ. Прошу извинить меня за это нарушеніе этикета.

Когда-же переводчикъ, также крайне смущенный, началъ, запинаясь, передавать его слова, то Михаилъ Дмитріевичъ закричалъ на него:

— Вы говорите совсѣмъ не то, что я сказалъ. Вы не можете переводить. Полковникъ Гайдаровъ, будьте такъ добры, передайте хану мои слова совершенно точно, безъ малѣйшаго измѣненія.

Гайдаровъ перевелъ слова Скобелева и ханъ, послѣ минутнаго замѣшательства, занялъ снова свое мѣсто. Скобелевъ сѣлъ противъ него, присутствующіе оживились и обѣдъ окончился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

На слѣдующее утро персидское посольство отправилось назадъ на родину.

Теперь, послѣ почти десятилѣтняго періода, можно сказать, что Персія болѣе всѣхъ выиграла отъ русской побѣды при Геокъ-Тепе. Сѣверная граница Персіи нынѣ спокойна; торговля развилась и даже часть индійской торговли съ Бухарою идетъ черезъ Персію.

Желѣзная дорога, проходящая недалеко отъ персидской границы, и колесныя дороги изъ Персіи къ ней облегчили путешествіе и увеличили взаимныя сношенія народовъ. По всему Закаспійскому краю и Бухарѣ встрѣчаются во множествѣ персы, какъ рабочіе, ремесленники и торговцы. При устройствѣ закаспійской военной желѣзной дороги, персидскіе рабочіе тысячами находили занятіе и хлѣбъ. Тысячи изъ нихъ возвратились на родину, унося съ собою заработанныя деньги, и это на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ текинцы до 1880 года грабили людей и увозили ихъ въ плѣнъ. Если русскимъ настоящее состояніе края все еще кажется весьма дикимъ, то персы должны восхищаться неожиданнымъ и непредвидѣннымъ въ той странѣ благосостояніемъ, за которое они вседѣло обязаны Россіи и ея героямъ-сынамъ, павшимъ при взятіи Геокъ-Тене.

1887 г.

О. Гейфельдеръ.

Примѣчаніе. Составителю настоящихъ очерковъ и воспоминаній — О. Ф. Гейфельдеру принадлежитъ рядъ другихъ воспоминаній о Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ над. 1886 г., томъ LII, стр. 391—404; над. 1887 г., томъ LIV, стр. 217 — 239; томъ LV, стр. 203—225.

Сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ этихъ Воспоминаній, нынѣ покойномъ († въ 1890 г.):

„Гейфельдеръ, Оскаръ, докторъ, родился 7-го апрѣля 1828 г. въ Трирѣ, гдѣ отецъ его занимался врачебною практикою, изучалъ медицину въ Германіи, въ университетахъ вюрцбургскомъ, гейдельбергскомъ и эрлангенскомъ. Отецъ его, Фердинандъ Гейфельдеръ, бывшій профессоръ хирургіи въ Эрлангенѣ, былъ вызванъ имп. Николаемъ I въ Россію. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣдовала за нимъ туда и вся его семья. Оскаръ Гейфельдеръ началъ карьеру военнаго хирурга въ Польшѣ (Варшавѣ и Ивангородѣ); участвовалъ впоследствии во франко-прусской войнѣ 1870—1871 гг., въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., затѣмъ служилъ на Кавказѣ и принималъ участіе въ Ахаль-Текинской экспедиціи, подъ начальствомъ Скобелева, въ 1880 — 1881 гг. Былъ главнымъ врачомъ Пятигорскаго госпиталя до 1885 г., когда этотъ госпиталь былъ закрытъ. Вышелъ въ отставку по болѣзни, будучи контуженъ въ голову, при взятіи Геокъ-Тене. Писалъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ о хирургіи, и статьи его были переведены на языки—французскій, голландскій и итальянскій“. („Альбомъ М. И. Семевскаго: Знакомые“. Сиб. 1888).

Сверхъ записокъ О. Ф. Гейфельдера, о Мих. Дм. Скобелевѣ были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ Воспоминанія извѣстнаго нашего художника В. В. Верещагина:

„Набѣгъ на Адрианополь въ 1877 г.“ („Русская Старина“ изд. 1888 г., т. LX, стр. 445—468, 671—688);

„Переходъ черезъ Балканы.—М. Д. Скобелевъ, 1877—1878 гг.“ („Русская Старина“ 1889 г., т. LXI, стр. 587—630);

„Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ 1870—1882 гг.“ („Русская Старина“ 1889 г., т. LXII, стр. 389—410).

См. также замѣтку М. Богаевского о могилѣ М. Д. Скобелева („Русск. Стар.“ изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 467—468).

Къ настоящей, июльской, книгѣ „Русской Старины“ мы прилагаемъ портретъ Михаила Дмитріевича Скобелева, † 25-го іюня 1882 г., съ фотографіи, исполненной 5-го февраля 1881 г., послѣ штурма Геокъ-Теле.

Ред.

